Гастон Леру

Призрак Оперы

Моему брату, старине Джо,
который, не имея ничего общего
с призраком, был тем не менее,
как Эрик, ангелом музыки.

ПРЕДИСЛОВИЕ,
в котором автор этого загадочного произведения повествует о том, как он убедился в существовании Призрака Оперы

Призрак Оперы существовал на самом деле. Он не был, как считали долгое время, плодом суеверного воображения артистов и директоров, нелепым созданием фантазии кордебалета, горничных, гардеробщиц и консьержки.

Да, он существовал во плоти, хотя был похож на настоящий призрак, иначе говоря, на тень.

С того самого дня, когда я начал поиски в архивах Национальной академии музыки[1], меня поразило удивительное совпадение явлений, связанных с призраком, и событий самой загадочной, самой фантастичной драмы, и довольно скоро мне пришла мысль, что эти события и эти явления самым естественным образом связаны между собой. Всего лишь три десятка лет отделяют нас от тех таинственных событий, и до сих пор можно встретить в этой обители музыки старичков, достойных всякого уважения, которые помнят — как будто речь идет о вчерашнем дне — непонятные и трагические обстоятельства, сопровождавшие похищение Кристины Даэ, исчезновение виконта де Шаньи и смерть его старшего брата, графа Филиппа, чье тело было найдено на берегу подземного озера, простирающегося под самой Оперой, неподалеку от улицы Скриба[2]. Однако до сих пор ни одному из этих очевидцев не приходило в голову связать с этими событиями образ Призрака Оперы.

Истина долго и трудно доходила до моего сознания, не на шутку озабоченного расследованием, которое то и дело наталкивалось на события и факты, на первый взгляд сверхъестественные, и я не раз собирался забросить это хлопотное и бесперспективное занятие, отчаявшись напасть хоть на какой-то след. Наконец у меня появились первые доказательства, что предчувствия не обманули меня, и скоро усилия мои были вознаграждены, когда в один прекрасный день я убедился окончательно, что Призрак Оперы был не просто бесплотной тенью.

В тот день я много часов провел в обществе «Мемуаров директора», весьма поверхностного произведения скептика Моншармена, который за время своей службы в Опере так ничего и не понял в загадочных поступках призрака, потешался над ним до того самого

[1] Национальная академия музыки и танца — официальное название Парижской Оперы. — *Примеч. пер.*

[2] Скриб, Эжен (1791-1861) — французский драматург и либреттист. — *Примеч. пер.*

момента, когда сам стал первой жертвой курьезной финансовой операции, связанной с «магическим конвертом».

Утомленный и разочарованный, я уже выходил из библиотеки, как вдруг увидел добрейшего администратора нашей Национальной академии, о чем-то болтавшего на ступенях лестницы с невысоким, бойким и кокетливым старичком, которого он не замедлил мне представить. Господин администратор был в курсе моих изысканий и знал, с каким пылом и как безуспешно я пытаюсь выяснить местопребывание судебного следователя по громкому делу Шаньи, господина Фора. Никто не знал, что с ним стало: жив он или умер; и вот теперь, прожив пятнадцать лет в Канаде, он вернулся в Париж и первым делом пришел к администратору попросить бесплатный билет на вечерний спектакль. Именно господин Фор и стоял сейчас на ступенях лестницы. Я провел с ним почти весь вечер и услышал в его изложении факты того давнего дела Шаньи. За неимением других доказательств он пришел к заключению о безумии виконта и о гибели его старшего брата в результате несчастного случая, однако оставался при убеждении, что между братьями произошла ужасная драма, причиной которой была Кристина Даэ. Он не смог мне сказать, что сталось с Кристиной и с виконтом. И, разумеется, когда я завел разговор о призраке, он только расхохотался в ответ. Он тоже слышал о таинственном существе, которое будто бы избрало местом жительства подземелья Оперы, знал он и историю с «конвертом», но не находил в этом никакой связи с делом Шаньи. Правда, однажды ему довелось выслушать показания свидетеля, утверждавшего, что он встречался с призраком. Этим свидетелем был человек, которого весь Париж называл Персом и которого хорошо знали завсегдатаи Оперы. Конечно же, господин следователь принял его за чудака, страдающего галлюцинациями. Как вы можете себе представить, я чрезвычайно заинтересовался этим Персом и во что бы то ни стало захотел разыскать столь ценного свидетеля. Мне повезло: я нашел его в маленькой квартирке на улице Риволи, в которой он жил с незапамятных времен и в которой умер через пять месяцев после моего визита.

Вначале я отнесся к нему с недоверием, но, когда Перс с детской искренностью поведал мне все, что знал о призраке, и передал в мое полное распоряжение свидетельства его существования, в частности, удивительные письма Кристины Даэ, повествующие о ее необычной судьбе, я не мог более сомневаться: призрак не был мифом.

Позже мне возражали, что письма эти могли быть и не подлинными, что их с первого до последнего слова мог сочинить человек с богатым воображением, однако мне удалось раздобыть образец почерка Кристины. Я сравнил его с тем, которым были написаны знаменитые письма, и последние мои сомнения рассеялись окончательно.

Кроме того, я навел подробнейшие справки о Персе и убедился в его честности и в том, что он не мог сочинить такую фантастическую историю с намерением ввести в заблуждение правосудие.

Это же подтвердили весьма известные лица, которые в той или иной мере были связаны с делом Шаньи, близкие друзья этой достойной семьи. Я познакомил их с результатами своих исследований и своими выводами, к которым они отнеслись очень благосклонно, и в этой связи я позволю себе процитировать письмо, адресованное мне генералом Д.:

«Сударь!

Я не стал бы спешить с публикацией результатов Вашего расследования. Я помню, как за несколько недель до исчезновения великой певицы Кристины Даэ и драмы, повергнувшей в траур все предместье Сен-Жермен, в Опере много говорили о призраке, и разговоры эти прекратились только после известного Вам дела. Однако, если есть возможность — в чем я убедился после встречи с Вами — дать новое толкование этой драмы, я не возражаю против Вашей версии призрака: как бы загадочна она ни была, она все-таки более разумна, нежели та темная и неприглядная история, в которую недобросовестные люди впутали двух братьев, обожавших друг друга всю свою жизнь…

Примите уверения и пр.».

Наконец, захватив с собой пухлое досье, я вновь появился в обширных владениях призрака — в чудовищном сооружении, которое он считал своей империей, и все, что я увидел здесь своими собственными глазами, все, что угадывал мой разум, подтверждало свидетельства Перса, и наконец венцом моих долгих трудов стала одна удивительная находка.

Многие помнят, что недавно, когда в подземельях Оперы производили захоронение записанных на фонографе голосов артистов, один из рабочих наткнулся на труп, и я сразу увидел на нем доказательство того, что то был труп Призрака Оперы! Я сунул это доказательство под нос администратору, так что пусть теперь газеты болтают, что в подземельях нашли жертву Парижской Коммуны, — мне все равно.

Несчастных, которых во время Коммуны расстреливали в этих подвалах, хоронили совсем в другом месте. Я мог показать, где покоятся их скелеты — в другой стороне, далеко от этого огромного склепа, в котором в те годы хранились запасы провизии.

Мы еще поговорим об этом трупе и о том, как с ним поступить, а пока пора заканчивать это совершенно необходимое предисловие и поблагодарить за помощь и поддержку господина комиссара полиции Мифруа (который первым вел дело об исчезновении Кристины Даэ), бывшего секретаря Реми, бывшего администратора Мерсье, бывшего хормейстера Габриеля и в особенности баронессу Кастелло-Барбезак, которая когда-то была «малышкой Мэг» (и которая, кстати, этого не стыдится), самую прелестную звездочку нашего великолепного кордебалета, старшую дочь почтенной мадам Жири, покойной билетерши, обслуживавшей ложу призрака, — одним словом, тех, кто дал мне возможность пережить вместе с читателем минуты чистейшего счастья и ужаса.

Я бы чувствовал себя неблагодарным, не выразив, в преддверии этой жуткой и невыдуманной истории, признательность нынешней дирекции Оперы, которая благосклонно отнеслась к моим исследованиям, в частности, господину Мессаже, администратору Габиону и архитектору, до сих пор заботящемуся о сохранении этого величественного сооружения, который, не задумываясь, предоставил в мое распоряжение чертежи Шарля Гарнье, хотя был почти уверен, что не получит их обратно. Наконец, мне остается отметить благородство моего друга и бывшего сотрудника господина Ж. Л. Кроза, позволившего мне воспользоваться его театральной библиотекой и уникальными изданиями, которыми он очень дорожил.

I
Призрак?..

В тот вечер, когда директора Оперы, господа Дебьен и Полиньи давали банкет по случаю своей отставки, в артистическую уборную Сорелли, одной из прима-балерин, неожиданно влетела стайка девушек из кордебалета, только что покинувших сцену после представления «Полиевкта». Они были в сильном смятении: одни неестественно громко смеялись, другие испуганно попискивали.

Сорелли, собравшаяся хотя бы недолго побыть в одиночестве и повторить прощальную речь, которую ей предстояло произнести перед господами отставными директорами, с неудовольствием взглянула на шумную компанию, толпившуюся в дверях. Первой заговорила малышка Жамм — носик во вкусе Гревена[3], глаза-незабудки, розовые щечки, лилейная шейка, — которая сумела вымолвить только два слова дрожащим, хриплым от ужаса голосом:

— Там призрак! — И тут же закрыла дверь на ключ.

[3] Гревен, Альфред (1827–1892) — французский художник-карикатурист. — *Примеч. пер.*

Уборная Сорелли была обставлена роскошно и вместе с тем донельзя банально: на стенах гравюры — память о матери, заставшей еще прекрасные времена старой Оперы на улице Ле Пелетье. Портреты Вестриса, Гарделя, Дюпона, Биготтини. Но эта комната казалась настоящим дворцом для юных балерин, которые размещались в общих уборных, где они пели, дурачились, ссорились, колотили парикмахеров и костюмерш и баловались черносмородиновой наливкой, пивом или даже ромом в ожидании звонка на выход.

Сорелли была очень суеверной и, услышав слова малышки Жамм, вздрогнула и проговорила:

— Бедняжка!

И поскольку она больше других верила в привидения вообще и в Призрака Оперы в частности, Сорелли нетерпеливо затормошила девочек:

— Так вы его видели?

— Вот так же близко, как вас! — закатила глаза малышка Жамм и без сил опустилась на стул.

— Бр-р! Это просто чудовище! — подхватила младшая Жири, хрупкое создание с живыми карими глазками, иссиня-черными волосами и смуглой кожей, плотно обтягивающей худенькое тельце.

— О! Чудовище! — хором выдохнули балерины и затараторили, перебивая друг друга. Призрак предстал их взору в виде господина в черном, который неожиданно появился в коридоре неведомо откуда, как будто вышел из стены.

— Да ну вас, — сказала одна из них, сумевшая сохранить хладнокровие. — Всюду вам мерещится призрак.

По-своему она была права: вот уже несколько месяцев в Опере только и было разговоров, что о призраке в черном фраке, который, как тень, прогуливался по огромному зданию, ни с кем не заговаривая, с которым, впрочем, никто и не посмел бы заговорить и который исчезал, будто испарялся, завидев человека. Передвигался он неслышно, как и подобает настоящему призраку. В конце концов некоторые начали посмеиваться над этим оборотнем, одетым как светский человек или как служащий похоронного бюро, причем больше всех смеялись те, кто боялся призрака по-настоящему. Зато среди девушек из кордебалета легенда разрослась до невероятных размеров. Они в один голос утверждали, будто видели это сверхъестественное существо и даже были жертвами его козней. Когда он не попадался на глаза, он обнаруживал свое присутствие необычайными событиями, виновником которых его сделало почти всеобщее суеверие. Любая шутка, любой розыгрыш, даже исчезновение пуховки для пудры у кого-то из балерин, — вменялись в вину призраку — Призраку Оперы!

Но кто вообще его видел? В Опере можно встретить множество фраков, и ничего призрачного в них нет, но этот обладал особым качеством, не присущим обычным фракам: он был надет на скелет.

По крайней мере, так утверждали девушки, добавляя, что вместо головы у него на плечах был голый череп!

Наверняка можно было сказать только то, что образ скелета родился из описания призрака, которое дал Жозеф Бюкэ, старший рабочий сцены, — он единственный видел его своими глазами. Он столкнулся с таинственным существом — нельзя сказать «нос к носу», так как носа у того не было, — возле самой рампы, на узкой лестнице, спускавшейся прямо в подземелье. Он видел его одну секунду, но запомнил во всех подробностях.

Вот какими словами рассказывал Жозеф Бюкэ о призраке всем, кто хотел его послушать:

— Это человек жуткой худобы, и его фрак болтается на костях, как на вешалке. Глаза посажены так глубоко, что зрачков вообще не видно, видны только две большие черные дыры, как у черепа. Кожа, как на барабан, натянута на костяк, она вовсе не белая, а какого-то мерзкого желтого цвета, вместо носа — еле заметный бугорок, так что в профиль его вообще не видно, и

само это отсутствие носа являет собой отвратительное зрелище. Вместо волос несколько длинных черных прядей, свисающих на лоб и за ушами.

Жозеф Бюкэ бросился вслед за странным существом, но оно исчезло, как по волшебству, не оставив никаких следов.

Старший рабочий сцены был человек серьезный, рассудительный, лишенный воображения, не болтун и, самое главное, непьющий. Его рассказ выслушивался с почтительным удивлением и интересом, и вскоре нашлись другие люди, которым также встречался скелет в черной одежде и с черепом вместо головы.

Когда эти слухи дошли до людей здравомыслящих, они вначале заявили, что над Жозефом Бюкэ подшутил кто-то из его подчиненных. Но потом, одно за другим, произошли события, настолько странные и настолько необъяснимые, что и скептики начали беспокоиться.
Во-первых, случай с бравым бригадиром пожарных, который, как известно, не боится ничего, а уж огня тем паче.

Так вот, однажды этот пожарный спустился в подземелья проверить, все ли там в порядке, и, очевидно, зашел несколько дальше, чем обычно; через некоторое время он выскочил на сцену испуганный, дрожащий, выпучив глаза, и едва не потерял сознание на руках доблестной матушки малышки Жамм. Оказалось, что там, в потемках, он увидел, что к нему приближается горящая голова, у которой не было тела. А ведь я уже говорил, что бригадир пожарных даже огня не боится!

Этого бригадира звали Папен.

Кордебалет был в смятении. Прежде всего потому, что огненная голова никак не отвечала описанию призрака, которое дал Жозеф Бюкэ. Еще раз хорошенько допросили пожарника, потом снова старшего рабочего сцены, и в результате девушки пришли к выводу, что призрак имеет несколько голов и меняет их, когда ему вздумается. Разумеется, опасность от этого возрастала многократно. Раз уж бригадир пожарников лишился чувств, что же говорить о бедных девочках, которые в ужасе бежали прочь на своих быстрых ножках от любого слабо освещенного места в коридорах.

Ввиду всей серьезности положения, чтобы хоть как-то защитить здание от ужасных козней, сама Сорелли, сопровождаемая всеми танцовщицами и даже девчушками из младших классов, на следующий же день после случая с бригадиром пожарных собственноручно возложила на стол, который стоял в вестибюле дирекции, железную подкову: к ней должен был прикоснуться всякий, входивший в Оперу, — разумеется, исключая зрителей, — прежде чем ступить на первую ступеньку лестницы. Это было необходимо, чтобы не оказаться добычей оккультных сил, которые овладели зданием вплоть до самых глубоких подвалов!

Я не выдумал эту подкову, как, впрочем, и всю эту историю, и до сих пор ее можно увидеть в вестибюле на столе перед швейцарской, когда входишь в Оперу через служебный вход.

Вот в каком настроении пребывали девушки в тот вечер, когда мы вместе с ними вошли в артистическую уборную Сорелли.

— Там призрак! — вскричала, как уже говорилось, малышка Жамм.

После испуганных восклицаний и сбивчивых рассказов воцарилось леденящее молчание. Слышалось только дыхание перепуганных девушек. Потом Жамм в непритворном ужасе забилась в самый дальний угол и прошептала:

— Послушайте!

И всем показалось, что за дверью действительно что-то зашуршало.
Никаких шагов — только что-то вроде шороха шелковых одежд, коснувшихся стены. Потом все стихло. Сорелли, собрав все свое мужество, приблизилась к двери и слабым голосом спросила:

— Кто там?

Ответа не последовало.

Тогда, чувствуя на себе напряженные взгляды балерин, она сделала над собой усилие и произнесла громко и резко:

— Кто-нибудь есть за дверью?

— Да, да! Конечно, есть! — поспешно прошептала востроглазая Мэг Жири, схватив Сорелли за газовую юбку. — Только не открывайте! Ради бога, не открывайте!

Но Сорелли, вооружившись стилетом, с которым никогда не расставалась, решилась-таки повернуть ключ и приоткрыла дверь; юные балеринки стояли, сбившись в кучу, возле туалетной комнаты, а Мэг Жири шептала:

— Мамочка моя!

Между тем Сорелли храбро выглянула в коридор. Он был пустынен; газовый рожок в стеклянном плафоне скупо освещал красноватым светом потемки, не в силах разогнать их. Балерина вздохнула с облегчением и снова закрыла дверь.

— Никого там нет.

— Но мы же его видели! — испуганно проговорила Жамм, с опаской подходя к Сорелли. — Он, должно быть, бродит где-то поблизости. Я даже боюсь идти переодеваться. Надо нам всем вместе спуститься в зал, поприветствовать директоров и сразу вернуться.

С этими словами девушка боязливо коснулась висевшего на шее крохотного кораллового талисмана, который должен был охранить ее от несчастий. А Сорелли украдкой кончиком розового ногтя правого большого пальца очертила крест Святого Андрея на деревянном колечке, охватывающем безымянный палец левой руки.

Один известный журналист писал о ней так:

«Сорелли — высокая, красивая танцовщица с серьезным сладострастным лицом, гибкая, как ива, в театре все говорят о ней, что она «красавица». Золотистые белокурые волосы обрамляют высокий лоб, ниже которого сияют изумрудные глаза. Голова ее плавно покачивается на длинной, точеной и горделивой шее. Во время танца она делает такое неуловимое движение бедрами, от которого по всему ее телу проходит волнующая дрожь. Когда она поднимает руки и слегка приседает, перед тем как сделать пируэт, под туго натянутым корсажем этой обольстительницы вырисовываются такие прелести, что это зрелище может любого свести с ума».

Правда, в смысле ума похвастать ей было нечем, однако в этом ее не упрекали.

— Девочки мои, — оглядела она молоденьких балерин, — придите скорее в себя… Что такое призрак? Ведь никто его по-настоящему не видел…

— Нет, мы видели его! Только что видели! — хором запричитали девушки. — У него череп вместо головы и тот самый фрак, в котором он встретился Жозефу Бюкэ!

— Габриель тоже его видел! — добавила Жамм. — Не далее как вчера. Вчера после обеда, средь бела дня…

— Габриель, хормейстер?

— Ну да. Вы разве об этом не слышали?

— И он был во фраке? Средь бела дня?

— Кто? Габриель?

— Да нет же! Призрак!

— Вот именно! Он был во фраке! — закивала головой Жамм. — Мне сам Габриель сказал об этом. Дело было так. Габриель сидел в кабинете режиссера. Вдруг открывается дверь, и входит Перс. Вы знаете, что у Перса дурной глаз?

— Да, да! — хором ответили девушки, которые при имени Перса сделали рожки: вытянули вперед указательный палец и мизинчик, прижав к ладони средний и безымянный и наложив на них большой палец.

— Габриель очень суеверен, — продолжала Жамм, — но вежлив, и когда встречается с Персом, он просто незаметно кладет руку в карман и трогает ключи… Так вот, как только Перс открыл дверь, Габриель вскочил со своего кресла и дотронулся до замочной скважины шкафа, ну, чтобы коснуться железа. При этом он задел своим пальто за гвоздь и вырвал целый клок. Потом, выходя, ударился лбом о вешалку и набил себе огромную шишку. Но и это еще не все:

по дороге он зацепился за ширму, стоявшую возле рояля, хотел опереться на него, но крышка неожиданно захлопнулась и прижала ему пальцы; он, как сумасшедший, выскочил из кабинета и в довершение всего споткнулся на лестнице и пересчитал боками все ступеньки до второго этажа. Как раз в тот момент мы с мамой проходили мимо. Мы бросились поднимать его. У него все лицо было в крови, но он тут же разулыбался и воскликнул: «Спасибо тебе, Боже, что я так легко отделался!» Мы удивились, и он рассказал нам все. Дело в том, что за спиной Перса он увидел призрака! Призрака с черепом вместо головы, каким его описал Жозеф Бюкэ.

Жамм, запыхавшись, досказала свою историю, и тут же поднялся глухой испуганный ропот. Потом наступило молчание, которое прервал тихий голос младшей Жири, в то время как Сорелли, очень взволнованная, полировала ногти:

— Лучше бы Жозеф Бюкэ ничего не рассказывал.

— Почему? — удивился кто-то.

— Так считает мама, — ответила Мэг еще тише, испуганно оглядываясь, как будто боялась, что ее услышит кто-то посторонний.

— Почему твоя мама так считает?

— Ну как же! Она говорит, что призрак не любит, когда его беспокоят.

— Откуда она это знает?

— Потому что… Потому что она…

Это наигранное заикание разожгло любопытство девушек, которые мигом окружили младшую Жири и, тесно сгрудившись и подавшись вперед в едином просящем и испуганном движении, стали умолять ее рассказать все, что она знает. Они словно передавали друг другу свой страх и получали от этого острое удовольствие.

— Я поклялась молчать, — наконец выдохнула Мэг.

Однако они продолжали тормошить ее, обещая сохранить тайну, и наконец Мэг, сама сгоравшая от желания поведать подругам жуткую историю, заговорила, не сводя глаз с двери:

— Это из-за ложи…

— Какой ложи?

— Ложи призрака!

— У призрака есть ложа?!

При известии о том, что призрак имеет ложу, девушки не смогли сдержать удивления, смешанного с мрачным восторгом.

— О господи, рассказывай же…

— Только тихо! — приказала Мэг. — Это первая ложа, номер пять. Первая сбоку от левой авансцены.

— Невероятно!

— Тем не менее это так. Эту ложу обслуживает моя мама. Но поклянитесь никому об этом не рассказывать.

— Конечно! Давай дальше!

— Так вот. Эта ложа призрака… Уже больше месяца туда никто не заходил, кроме призрака, и администрация получила указание никому не сдавать ее…

— Это правда, что туда приходит призрак?

— Разумеется.

— То есть видели, что туда кто-то заходит?

— Да нет же! Туда приходит призрак, и там никого нет!

Девушки переглянулись. Если призрак приходит в ложу, кто-то должен был его увидеть, потому что у него фрак и череп вместо головы. Они сказали об этом Мэг, и та с горячностью продолжала:

— Как вы не поймете? Призрака не видно, и у него нет ни фрака, ни головы! Все, что рассказывают о черепе или об огненной голове, — это болтовня! У него нет ничего

подобного… Его можно только слышать, когда он в ложе. Мама ни разу его не видела, а только слышала. Она и программку ему приносит!

— Да ты просто смеешься над нами, — сочла своим долгом вмешаться Сорелли.

Тогда младшая Жири заплакала.

— Лучше бы я ничего вам не говорила… Если бы только мама знала!.. Но все-таки Жозеф зря занимается делами, которые его не касаются. Это принесет ему несчастье. Мама еще вчера сказала это.

В этот момент послышались тяжелые торопливые шаги в коридоре, и взволнованный голос прокричал:

— Сесиль! Сесиль! Где ты?

— Это матушка, — прошептала Жамм.

— Что случилось?

Дверь распахнулась. В комнату влетела представительная дама, сложенная, как гренадер из Померании, и со стонами упала в кресло. Ее глаза почти совсем вылезли из орбит, и лицо приняло цвет обожженной глины.

— Какое несчастье! — проговорила она. — Какое несчастье!

— Что? Что такое?

— Жозеф Бюкэ…

— Ну и что Жозеф Бюкэ?

— Жозеф Бюкэ мертв!

Комната Сорелли наполнилась недоверчивыми восклицаниями и просьбами рассказать о случившемся.

— Да, его только что нашли повешенным на третьем этаже подземелий. Но самое ужасное, — продолжала срывающимся голосом бедная женщина, — самое ужасное в том, что рабочие сцены, которые нашли тело, утверждают, будто слышали вокруг мертвеца что-то вроде заупокойного пения.

— Это призрак! — вырвалось у младшей Жири, которая тут же прижала ко рту сжатые кулачки и пролепетала: — Нет, нет! Я ничего не говорила!.. Я ничего не говорила!

А вокруг нее подруги повторяли испуганным шепотом:

— Это призрак!..

Сорелли побледнела.

— Я не смогу произнести приветствие, — прошептала прима-балерина.

Мамаша Жамм опрокинула рюмку ликера, стоявшую на столике, и высказала свое мнение: в подземельях и впрямь живет призрак.

В конечном счете так и не удалось узнать в точности, как погиб Жозеф Бюкэ. Следствие не дало никакого результата: единственной версией было самоубийство. В своих «Мемуарах директора» господин Моншармен, который сменил в этой должности Дебьена и Полиньи, так описывает случай с повешенным:

«Досадный инцидент нарушил маленький праздник, который давали по случаю своего ухода в отставку господа Дебьен и Полиньи. Я находился в своем кабинете, когда неожиданно туда вошел Мерсье, администратор. Он был крайне потрясен и рассказал, что на третьем этаже подземелья, прямо под сценой, среди декораций к «Королю Лахорскому[4]», нашли тело повешенного рабочего сцены. Я кубарем скатился вниз по лестнице, быстро спустился в подвал, но к этому времени веревки на шее бедняги уже не было».

Господин Моншармен не увидел в этом событии ничего необычного. Человек повесился, его вытащили из петли, а веревка исчезла. И господин Моншармен нашел этому простое объяснение: «Это было время занятий в танцевальном классе, и балерины и ученицы балетной

[4] «Король Лахорский» — опера в 5 актах на музыку Ж. Массне и слова Луи Галле. Первая постановка была осуществлена в Парижской опере в 1877 г. — *Примеч. пер.*

школы быстренько пустили веревку амулеты от дурного глаза[5]». Все. Точка. Вы можете себе представить, как девушки из кордебалета опрометью несутся в подвал и в мгновение ока разрывают на куски веревку повешенного? Все это несерьезно. Но когда я думаю о том месте, где был найден труп, — на третьем подземном этаже, — мне представляется, что там, глубоко под сценой, кому-то было нужно, чтобы эта веревка бесследно исчезла, и позже мы увидим, что я был прав.

Жуткая новость быстро разнеслась по всей Опере, где Жозефа Бюкэ очень уважали. Артистические уборные опустели, и юные балеринки, окружившие Сорелли, как стадо испуганных, сбившихся в кучу овечек, поспешили в общую артистическую залу по скупо освещенным коридорам и лестницам, быстро-быстро перебирая стройными ножками в розовых трико.

II
Новая Маргарита

На площадке второго этажа Сорелли столкнулась с графом де Шаньи, который поднимался ей навстречу. На лице обычно сдержанного графа было написано сильное возбуждение.

— Я шел к вам, — галантно склонился перед балериной граф. — Ах, Сорелли! Какой прекрасный вечер! А Кристина Даэ: какой триумф!

— Не может быть, — возразила Мэг Жири. — Еще полгода назад она пела, как курица. Но пропустите же нас, милый граф. — И девочка присела в легком реверансе. — У нас плохие новости: одного беднягу нашли повешенным.

В этот момент мимо пробегал озабоченный администратор. Услышав эти слова, он остановился.

— Как! Вы уже знаете, мадемуазель? — сурово спросил он. — Ну ладно, не будем говорить об этом… Особенно господам Дебьену и Полиньи: это будет для них большим ударом в такой торжественный день.

И все поспешили в танцевальную залу, которую уже заполнили приглашенные.

Граф де Шаньи был прав: никогда в Опере не случалось такого торжества. Счастливчики, которые на нем присутствовали, до сих пор взволнованно и растроганно рассказывают о нем своим детям и внукам. Подумать только: Гуно, Рейер, Сен-Санс, Массне, Гиро, Делиб по очереди вставали к дирижерскому пульту и сами дирижировали отрывками из своих произведений! Среди исполнителей были Фор и Краусс. Именно в тот достопамятный вечер весь Париж, пораженный и восхищенный, услышал Кристину Даэ, о загадочной судьбе которой я намерен рассказать в этой книге.

Гуно исполнил «Траурный марш марионетки», Рейер — свою прелестную увертюру к «Сигурду», Сен-Санс — «Пляску смерти» и «Восточную грезу», Массне — «Венгерский марш», до тех пор никем не слышанный, Гиро — свой «Карнавал», Делиб — «Медленный вальс» из «Сильвии» и «Пиццикато» из «Коппелии». Собравшиеся услышали пение мадемуазель[6] Краусс и Дениз Блох: первая исполнила болеро из «Сицилийской вечерни», вторая — заздравную песнь из «Лукреции Борджа».

---

[5] Согласно поверью, кусок веревки повешенного оберегает от дурного глаза. — *Примеч. пер.*

[6] Известных актрис принято называть не «мадам», а «мадемуазель», независимо от возраста и семейного положения. — *Примеч. пер.*

Но главный успех выпал на долю Кристины Даэ, которая вначале спела несколько арий из «Ромео и Джульетты». Впервые в своей жизни молодая певица исполняла это произведение Гуно, которое, кстати, еще и не звучало в Опере, ибо только незадолго до этого было поставлено в Комической Опере, а до этого много раньше в бывшем Лирическом театре с мадемуазель Карвало в главной роли. Ах! Воистину стоит посочувствовать тем, кому не довелось услышать Кристину Даэ в партии Джульетты, увидеть ее непосредственную и наивную грацию, вздрогнуть и замереть при звуках ее ангельского голоса, почувствовать, как душа устремляется вместе с ее душой к могилам веронских любовников: «Господи! Господи! Господи! Помилуй нас!»

Но это были пустяки по сравнению с неземным пением, которое зрители услышали в сцене в тюрьме и в финальном трио из «Фауста», исполненном ею вместо заболевшей Карлотты. Такого в Опере никогда не слышали и не видели!

Даэ представила публике новую Маргариту, Маргариту ослепительную, сияющую, о существовании которой раньше и не подозревали.

Весь зал стоя приветствовал восторженными криками Кристину, рыдающую и в конце концов без чувств опустившуюся на руки своих товарищей. Ее пришлось унести в артистическую уборную. Известный критик Р. описал незабываемое впечатление от этих восхитительных мгновений в статье, которую он удачно назвал «Новая Маргарита». Будучи художником в душе, он писал, что эта прекрасная и нежная девушка принесла на подмостки Оперы нечто большее, чем свое искусство, — она принесла свое сердце. Всем завсегдатаям Оперы было известно, что сердце Кристины оставалось чистым, как у ребенка, а потому критик Р. продолжал:

«Чтобы понять, что случилось с певицей Даэ, необходимо представить себе, что она только что в первый раз полюбила. Возможно, я покажусь нескромным, но лишь любовь способна сотворить подобное чудо, такую потрясающую перемену. Два года назад мы слушали Кристину Даэ на конкурсе в консерватории, где она всего лишь подавала большие надежды. Откуда же сегодня взялось это совершенство? Если только оно не спустилось с неба на крыльях любви, я склонен думать, что оно поднялось из глубин ада и что Кристина, как когда-то миннезингер Офтердинген, заключила союз с дьяволом! Тот, кто не слышал, как Кристина поет финальное трио из «Фауста», тот не знает этой оперы, потому что ни одна чистая душа, опаленная священным небесным огнем, не смогла бы превзойти ее искусство».

Тем не менее нашлись и недовольные. Как смели так долго скрывать подобное сокровище! До того вечера Кристина Даэ пела — хотя и неплохо — второстепенную партию, оставаясь в тени прекрасной, но немного слишком материальной Маргариты, партию которой пела Карлотта. И потребовалось непонятное и необъяснимое отсутствие Карлотты на том торжественном вечере, чтобы юная Даэ в полной мере показала себя в партии, предназначенной для испанской дивы. Наконец, как господам Дебьену и Полиньи пришло в голову обратиться к Даэ? Выходит, они знали о ее скрытом даровании? А если знали, почему скрывали это? И почему скрывала она сама? Странным было и то, что никто не знал ее учителя, да она и сама не раз говорила, что репетирует одна. Словом, все это было весьма загадочно.

Граф де Шаньи стоял в своей ложе, и его восторженные крики «Браво!» вплетались в общий оглушительный хор.

Графу де Шаньи (Филиппу-Жорж-Мари) был в ту пору сорок один год. Это был большой вельможа и красивый мужчина. Роста выше среднего, с приятным лицом, несмотря на тяжелый лоб и холодноватые глаза, он отличался самыми утонченными манерами в отношениях с женщинами и был несколько высокомерен с мужчинами, которые ревниво относились к его успехам в свете. У него было доброе открытое сердце и чистая совесть. После смерти старого графа Филибера он сделался главой одного из самых известных и древних родов Франции,

корни которого уходят во времена Людовика Сварливого[7]. Семья владела значительными богатствами, и, когда умер старый граф-вдовец, Филиппу ничего не оставалось, кроме как взять бразды правления в свои руки. Две его сестры и брат Рауль и слышать не желали о разделе, и все состояние перешло к Филиппу, как будто право первородства не переставало существовать. Когда сестры вышли замуж — обе в один день, — они приняли свою долю из рук брата не как нечто, принадлежащее им от рождения, но как приданое, за которое следовало благодарить.

Графиня де Шаньи — урожденная де ла Мартиньер — умерла, разродившись Раулем, через двадцать лет после появления на свет старшего сына. К моменту смерти старого графа Раулю было двенадцать лет, и Филипп занялся воспитанием подростка. В этом ему охотно помогали сначала сестры, затем старая тетка, вдова моряка, которая жила в Бресте и заронила в душу юного Рауля любовь к морю. Юноша с отличием закончил морскую школу и совершил свое первое кругосветное путешествие. Благодаря мощному покровительству, его включили в состав официальной экспедиции на корабле «Акула», которая должна была отправиться в полярные льды на поиски пропавших три года назад исследователей. Пока же он наслаждался долгим шестимесячным отпуском, и обитатели дворянского предместья, видя этого красивого, хрупкого на вид юношу, уже жалели его и сокрушались над ожидавшей его суровой судьбой.

Этот молодой моряк отличался необыкновенной робостью, даже наивностью. Казалось, он только накануне вышел из-под опеки своих воспитательниц. Действительно, взлелеянный теткой и сестрами, благодаря такому чисто женскому воспитанию, он сохранил детски чистосердечную манеру поведения и какое-то особое очарование. В ту пору ему было немногим больше двадцати одного года, но выглядел он на восемнадцать. У него были светлые усики, красивые голубые глаза и девичий румянец.

Филипп баловал Рауля. Первое время он очень им гордился и радостно предвкушал карьеру, ожидавшую младшего брата в военно-морском флоте, где один из их предков, знаменитый Шаньи де Ля Рош, дослужился до адмирала. Филипп воспользовался отпуском юноши, чтобы показать ему Париж, которого тот почти не знал, Париж, предлагавший самые изысканные радости и удовольствия.

Граф полагал, что в возрасте Рауля не следует быть слишком благоразумным, хотя сам отличался уравновешенностью, как в трудах, так и в удовольствиях, и был неспособен подать брату дурной пример. Он повсюду водил его с собой и даже ввел в обитель Терпсихоры. Поговаривали, будто граф был в очень близких отношениях с Сорелли. Но можно ли упрекнуть блестящего светского человека, холостяка, который мог позволить себе любые развлечения, особенно после того как его сестры устроили свою судьбу, за то, что он несколько часов в день проводил в компании танцовщицы, которая хоть не блистала умом, но обладала самыми красивыми в мире глазами? Кроме того, есть места, в которых истинный парижанин, в положении графа де Шаньи, просто обязан показываться, в то время одним из таких мест были артистические комнаты балерин Оперы.

Наконец, Филипп, может быть, и не привел бы брата за кулисы Национальной академии музыки, если бы тот не упросил его с той мягкой настойчивостью, о которой граф еще вспомнит впоследствии.

Итак, в тот вечер, выразив свое восхищение искусству Даэ аплодисментами, Филипп повернулся к Раулю и нашел его таким бледным, что это его даже испугало.

— Разве вы не видите, — сказал Рауль, не сводя глаз со сцены, — что этой женщине плохо?

— Я вижу, что это ты сейчас потеряешь сознание, — с тревогой заметил граф, наклоняясь к Раулю. — Что с тобой?

---

[7] Людовик Сварливый — Людовик X (1287–1316) — французский король (правил с 1313 по 1316 г.), сын Филиппа IV (Красивого) и Жанны Наваррской. — *Примеч. пер.*

Но Рауль уже вскочил на ноги и дрожащим голосом произнес:

— Пойдем.

— Куда ты, Рауль?

— Пойдем же посмотрим! Она никогда так не пела!

Граф пристально посмотрел на брата, и легкая улыбка тронула его губы.

— Ого! — сказал он. И тут же добавил: — Пойдем посмотрим.

Они быстро прошли к входу на сцену, где толпились жаждущие проникнуть за кулисы, и в ожидании Рауль принялся нервно теребить перчатки. Добрый Филипп и не подумал посмеяться над нетерпением брата — теперь он понял, почему Рауль был рассеян, когда он заговорил с ним, и почему в последнее время так упорно сводил все разговоры к Опере.

Сцена была заполнена черными фраками, которые толпились у танцевального зала или устремлялись к артистическим уборным. Раздавались крики и споры машинистов и рабочих, подталкивая друг друга, уходили за кулисы статисты и статистки, над головами проплывали софиты и подставки, с колосников опускался задник, гулко стучали молотки, эхо которых будто предвещало какую-то неясную угрозу, — обычная обстановка антрактов, которая всегда смущает попавшего за кулисы новичка, каким и был молодой человек со светлыми усиками, голубыми глазами и нежной девичьей кожей, быстро, насколько позволяла толчея, пробиравшийся через сцену, на которой только что триумфально выступила Кристина Даэ и под которой нашел свою смерть Жозеф Бюкэ.

Никогда здесь не было такой суматохи, как в тот вечер, но никогда Рауль не чувствовал себя таким смелым. Он шагал, раздвигая сильным плечом суетящихся людей, не обращая внимания на шум и гвалт вокруг себя. Его гнала вперед одна мысль — увидеть ту, чей волшебный голос похитил его сердце. Да, именно так — его бедное молодое сердце больше ему не принадлежало. Он боролся с этим наваждением с того самого дня, когда Кристина, которую он знал совсем маленькой, снова появилась на его пути. Тогда он ощутил в себе непонятное и сладкое волнение, которое хотел прогнать, потому что когда-то он, как честный и благородный человек, поклялся, что, полюбив женщину, непременно на ней женится, однако никогда, даже на секунду, ему не приходила мысль жениться на певице. Но прошло немного времени, и сладостное волнение сменилось каким-то жгучей болью. Это было для него совершенно новое чувство, материальное и духовное одновременно. У него сильно болела грудь, как будто ее вскрыли, чтобы вынуть сердце. Внутри оставалась пустота, ужасная пустота, заполнить которую может только сердце другого человека! Вот что происходило в этой чувствительной и благородной душе, и понять это может лишь тот, кто сам бывал поражен тем чувством, что зовется любовью с первого взгляда.

Граф Филипп с трудом поспевал за братом и продолжал улыбаться.

В глубине сцены, пройдя через двойные двери, ведущие в танцевальный зал, с одной стороны, и в левые ложи первого этажа — с другой, Рауль вынужден был остановиться перед группой девушек из кордебалета, которые, спустившись со своего чердака, загораживали проход. Не отвечая на кокетливые улыбки и восклицания, срывающиеся с накрашенных губок, он вошел в полумрак коридора, наполненного восторженным гулом поклонников, среди которых то и дело слышалось одно имя: «Даэ! Даэ!» Граф пробирался следом за Раулем, говоря себе: «Хитрец, знает дорогу!» Значит, он уже приходил сюда один, когда граф по обыкновению болтал с Сорелли в артистической, а она часто удерживала его до своего выхода на сцену и позволяла себе тиранить поклонника, вручая ему на хранение гетры, в которых выходила из своей уборной, чтобы не запачкать белоснежные атласные туфельки и телесного цвета трико. Впрочем, ей можно было найти извинение: она давно потеряла мать.

Граф, отложив визит к Сорелли, шел длинным коридором к уборной Кристины Даэ. Никогда здесь не было столько людей, как в тот вечер, словно весь театр собрался сюда, потрясенный успехом певицы и ее внезапным обмороком. Бедняжка до сих пор не пришла в

сознание, уже послали за доктором, и вот теперь доктор торопливо расталкивал собравшихся, а за ним по пятам шел Рауль.

Так врач и влюбленный одновременно оказались рядом с Кристиной, и она получила первую помощь от одного и открыла глаза в объятиях другого. Граф же вместе с остальными остался на пороге комнаты.

— Вам не кажется, доктор, что этим господам стоит выйти? — спросил Рауль, сам поражаясь своей смелости. — Здесь уже трудно дышать.

— Вы совершенно правы, — кивнул врач и попросил всех удалиться, за исключением Рауля и горничной, которая с искренним изумлением округлившимися глазами смотрела на юношу, потому что видела его в первый раз.

Однако она ничего не сказала, а врач решил, что поскольку этот молодой человек ведет себя так свободно, значит, он имеет на это право. Таким образом виконт остался в артистической и не сводил глаз с приходившей в чувство Кристины, а оба директора — Дебьен и Полиньи, — заявившиеся выразить своей воспитаннице искреннее восхищение, были выдворены в коридор вместе с остальными черными фраками.

— Ах, мошенник! — громко расхохотался граф де Шаньи, стоя перед закрытой дверью. И пробормотал in petto[8]: — Вот уж верно говорится: бойтесь юнцов, которые напускают на себя вид записных скромников. — После этого он с удовлетворением проворчал: — Настоящий Шаньи! — и направился к Сорелли, которую и встретил на полпути к ее уборной в окружении дрожащих от страха балерин.

Между тем Кристина Даэ глубоко вздохнула, повернула голову, увидела Рауля, вздрогнула, улыбнулась доктору и горничной, а потом ее взгляд снова остановился на Рауле.

— Сударь, — тихим голосом спросила она, — кто вы и что здесь делаете?

— Мадемуазель, — ответил юноша, опустившись на одно колено и запечатлев пылкий поцелуй на руке певицы, — я тот маленький мальчик, который когда-то выловил из моря ваш шарф.

Кристина еще раз посмотрела на доктора и на горничную, и все трое рассмеялись. Рауль, весь красный, поднялся с колен.

— Мадемуазель, раз уж вам так хочется не узнавать меня, я хотел бы сказать вам что-то важное наедине.

— Прошу вас, когда я оправлюсь, сударь. — И ее голос дрогнул. — Вы очень любезны…

— Но вам лучше выйти, — добавил доктор с улыбкой. — Я должен оказать мадемуазель необходимую помощь.

— Я не больна, — неожиданно встрепенулась Кристина.

Она встала и быстрым движением провела ладонью по глазам.

— Я очень вам благодарна, доктор… Но мне надо остаться одной. Прошу вас всех выйти… Оставьте меня. Я так устала сегодня…

Врач собрался было запротестовать, но, заметив странное возбуждение девушки, решил, что в таком состоянии лучше ей не перечить, и вышел вслед за расстроенным Раулем в коридор.

— Я сегодня не узнаю ее, — пробормотал он, обращаясь к Раулю. — Обычно она такая сдержанная и приветливая…

С этими словами он удалился.

Рауль остался один. Коридор был теперь совершенно безлюден. Должно быть, в танцевальном зале уже приступили к торжественной церемонии прощания. Рауль подумал, что, возможно, Кристина тоже отправится туда, и стал ждать в тишине и одиночестве. Он даже отступил в тень, отойдя от двери. И снова почувствовал слева, там где сердце, ноющую боль. Об этом он и хотел без промедления поговорить с девушкой. Вдруг дверь уборной открылась, из

[8] Тихонько, украдкой *(итал.). — Примеч. пер.*

нее вышла горничная — одна, с какими-то пакетами в руках. Он остановил ее и справился о здоровье хозяйки. Она со смехом ответила, что та чувствует себя хорошо, но не стоит ее беспокоить, потому что хозяйка пожелала остаться одна. Когда девушка ушла, воспаленный мозг Рауля пронзила мысль: Кристина захотела остаться одна из-за него! Разве он не сказал ей, что должен поговорить с ней наедине, и разве не поэтому она отослала остальных? Стараясь не дышать, он приблизился к уборной, приложил ухо к двери и уже собрался постучать. Но рука его тут же опустилась. Он услышал там, внутри, мужской голос, который произнес странно повелительным тоном:

— Ты должна любить меня, Кристина!

Ему ответил исполненный отчаяния голос Кристины, в котором угадывались слезы:

— Как вы можете говорить мне это! Мне, которая поет только для вас!

Рауль бессильно прислонился к стене. Сердце, которого он не чувствовал до этого, гулко заколотилось у него в груди. Ему показалось, что эхо ударов раскатилось по всему коридору, и у него заложило уши. Боже! Если сердце будет биться так громко, его услышат, откроют дверь и с позором прогонят. Ужасное положение для человека с именем Шаньи! Подумать только — подслушивать под дверью! Он обеими руками взялся за сердце, пытаясь заглушить его. Однако это ведь не собачья пасть, и потом, даже если держать обеими руками пасть истошно лающей собаки, все равно будет слышно ее рычание.

— Вы, должно быть, утомлены? — продолжал тот же мужской голос.

— Ах! Сегодня я отдала вам всю душу, и теперь я будто мертвая.

— Твоя душа прекрасна, дитя мое, — сурово произнес мужчина, — и я благодарю тебя. Ни один король не получал такого подарка! Сегодня ангелы плакали...

После слов «сегодня ангелы плакали» виконт ничего больше не слышал. Однако он не ушел, а, опасаясь быть застигнутым, бросился в темный угол с отчаянной решимостью дождаться, пока мужчина выйдет из уборной Кристины. Он только что открыл для себя одновременно и любовь и ненависть. Он знал, кого любит, и хотел увидеть того, кого ненавидит. К его величайшему изумлению, дверь вскоре открылась. И Кристина Даэ, одна, вышла в коридор, завернувшись в меха и спрятав лицо под вуалеткой. Девушка закрыла за собой дверь, но Рауль заметил, что она не заперла ее на ключ. Он даже не проследил за ней взглядом, потому что глаза его были прикованы к двери. Когда фигурка девушки скрылась, он на цыпочках подбежал к двери, распахнул ее и тотчас закрыл за собой. Его обступила непроглядная темнота — газовый фонарь был погашен.

— Кто здесь? — спросил юноша звенящим голосом. — Кто здесь прячется?

Ночная тьма и молчание были ему ответом. Рауль слышал только собственное дыхание. Он не отдавал себе отчета в том, насколько нескромность его поведения превосходит все мыслимые правила приличия.

— Кто бы здесь ни был, он не выйдет отсюда! — выкрикнул он еще громче. — Вы трус, если не хотите откликнуться! Но я найду вас!

И он чиркнул спичкой. Маленькое пламя осветило комнату. Она была пуста! Рауль, заперев дверь на ключ, зажег все лампы. Прошел в туалетную комнату, открыл шкафы, ощупал влажными руками все стены. Ничего!

— Ах так! — недоуменно проговорил он. — Значит, я уже схожу с ума?

Минут десять он стоял в пустой артистической, слушая шипенье газа, и хотя он был страстно влюблен, ему даже не пришло в голову унести с собой хоть ленту, которая хранила бы для него запах духов любимой. Потом он вышел и побрел прочь, ничего перед собой не видя. Так он шел некоторое время, пока в лицо ему не пахнуло ледяное дыхание. Он оказался около узкой лестницы, по которой спускался кортеж рабочих, тащивших носилки, прикрытые белым покрывалом.

— Где здесь выход? — спросил Рауль.

— Вы же видите! Прямо перед вами, — ответили ему. — Дверь открыта. А теперь пропустите нас.

Он машинально поинтересовался, указывая на носилки:

— А это что такое?

— Жозеф Бюкэ, его нашли повешенным на третьем этаже подвала, между стойкой и декорацией к «Королю Лахорскому».

Рауль отступил в сторону, пропуская кортеж, и вышел вон.

III
Глава, в которой господа Дебьен и Полиньи впервые сообщают новым директорам Оперы, Арману Моншармену и Фирмену Ришару, истинную и загадочную причину своего ухода из Национальной академии музыки

А в это время проходила церемония торжественного прощания.

Я уже говорил, что этот удивительный праздник давали по случаю своей отставки Дебьен и Полиньи, которым хотелось уйти красиво.

В программе этого трогательного и грустного вечера принимали участие самые известные в Париже лица.

Основные торжества состоялись в танцевальном зале; в самом центре зала стояла прекрасная Сорелли, она держала в руке бокал шампанского и твердила про себя прощальную речь, ожидая появления отставных директоров. Позади нее столпились молодые и не очень молодые балерины из кордебалета, некоторые шепотом обсуждали события прошедшего уже дня, другие украдкой перемигивались с поклонниками, которые шумной толпой окружили буфет, воздвигнутый на наклонной платформе между двумя декорациями Буланже к воинственным танцам с одной стороны, к буколическим — с другой.

Некоторые балерины уже переоделись, но большинство были еще в легких газовых юбочках, и все старательно принимали подобающий случаю вид. Только малышка Жамм, чей счастливый возраст — пятнадцать весен! — помог ей беззаботно забыть и призрака, и смерть Жозефа Бюкэ, не переставала тараторить, щебетать, подпрыгивать и гримасничать, так что, когда в дверях появились Дебьен и Полиньи, недовольная Сорелли тихо, но сурово призвала ее к порядку.

У господ отставных директоров был очень веселый вид, чего где-нибудь в провинции просто бы не поняли, но здесь, в Париже, это считалось признаком хорошего вкуса. Невозможно стать парижанином, не научившись надевать маску беззаботной радости при всех печалях и неприятностях и «полумаску» безразличия при самой глубокой радости. Если кто-то из ваших друзей попал в беду, не пытайтесь утешать его — он скажет вам, что уже утешен, но если с ним случилось нечто приятное, остерегайтесь поздравлять его, потому что удача кажется ему настолько естественным делом, что он будет очень удивлен, если вы заговорите об этом. В Париже происходит нескончаемый бал-маскарад, и господа Дебьен и Полиньи могли выказать свою грусть где угодно, только не в танцевальном зале Оперы. Они поощрили Сорелли улыбками, и она уже начала свою речь, как вдруг послышалось восклицание глупышки Жамм, которое мигом погасило улыбки директоров, и на их лицах проступило отчаяние и даже страх:

— Призрак Оперы!

Жамм с неописуемым ужасом произнесла эти слова, и ее пальчик указал на одно лицо в толпе черных фраков — такое бледное, мрачное и уродливое, с глубокими черными впадинами под надбровными дугами, что оно тут же возымело оглушительный успех.

— Призрак Оперы! Призрак Оперы!

Все, смеясь и толкая друг друга, двинулись к призраку, собираясь угостить его шампанским, но он неожиданно исчез! Он как будто испарился в толпе, и все поиски были напрасны. А тем временем два пожилых господина успокаивали бедняжку Жамм, которая истошно кричала наподобие павлина.

Сорелли была вне себя от ярости: речь так и не удалось закончить. Тем не менее Дебьен и Полиньи, расцеловав, поблагодарили ее и скрылись так же незаметно и быстро, как призрак. Впрочем, это никого не удивило, потому что директоров ждала та же самая церемония этажом выше в вокальном зале, и в довершение всего им предстоял роскошный прощальный ужин в компании близких друзей, накрытый в просторной приемной директорского кабинета.

Мы последуем за ними туда и познакомимся с новыми директорами — Арманом Моншарменом и Фирменом Ришаром. Прежние директора были едва с ними знакомы, но, войдя, рассыпались в таких искренних изъявлениях дружбы и были, в свою очередь, встречены такими пышными комплиментами, что те из гостей, которые опасались, что вечер пройдет скучно, мгновенно успокоились. Ужин почти удался, было множество тостов, в чем особенно преуспел комиссар правительства, до небес превозносивший то славу прошедших лет, то будущие успехи. Передача директорских полномочий состоялась накануне в максимально обыденной обстановке, и оставшиеся вопросы и неясности между старой и новой дирекцией были успешно решены при участии представителя правительства, поэтому на том памятном вечере не было лиц, более сияющих, чем у всех четырех директоров. Отставные директора уже вручили Моншармену и Ришару оба крохотных ключика, которые, как волшебная палочка, открывали все двери Национальной академии музыки. Эти ключики — объект всеобщего любопытства — переходили из рук в руки, когда в конце стола возникло то самое фантастическое бледное лицо с запавшими глазами, которое обнаружила в толпе малышка Жамм.

Его обладатель сидел как ни в чем не бывало, как и прочие приглашенные, только ничего не пил и не ел.

Сначала на него поглядывали с улыбкой, потом стали отводить глаза — настолько это зрелище пугало и настораживало. Никто не пытался шутить, никто не выкрикивал: «Призрак Оперы!».

Он не произнес ни слова, и его соседи по столу не могли бы сказать в точности, когда подсел к ним этот странный субъект, но каждый подумал, что, если бы мертвые садились иногда за стол живых, даже они не имели бы более мрачного облика. Друзья Ришара и Моншармена решили, что этого гостя пригласили Дебьен и Полиньи, тогда как приглашенные бывших директоров подумали, что «мертвец» был из окружения Ришара и Моншармена. Таким образом, ни один нескромный вопрос, ни одно неловкое замечание или шутка не обидели гостя из загробного мира. Некоторые из присутствующих слышали легенду о призраке и рассказ старшего рабочего сцены, о смерти которого они еще не знали, и нашли, что человек, который сидел в конце стола, вполне мог сойти за живое воплощение легендарного образа, созданного неисправимым суеверием служащих Оперы. Однако согласно легенде у призрака носа не было, а молчаливый гость его имел, хотя в своих «Мемуарах» Моншармен утверждает, что нос странного сотрапезника был подозрительно прозрачен. Я добавлю при этом, что тот нос мог быть фальшивым. Наука — и это всем известно — способна делать великолепные накладные носы для тех, кто их лишен от природы или потерял в результате операции.

Весь вопрос в том, действительно ли в ту ночь на банкет директоров без приглашения явился призрак? И можно ли утверждать, что это было лицо самого Призрака Оперы? Кто может сказать это наверняка? Рассказываю я об этом не потому, что намерен заставить читателя

поверить в такую невероятную наглость призрака, а потому лишь, что не исключаю такой возможности.

Далее Арман Моншармен пишет следующее:

«Вспоминая тот первый вечер, я не могу отделаться от мысли, что признания, которые нам сделали в директорском кабинете Дебьен и Полиньи, и присутствие на ужине загадочного субъекта, которого никто не знал, каким-то образом связаны друг с другом».

Произошло же следующее.

Дебьен и Полиньи, сидевшие в центре стола, еще не заметили человека с головой мертвеца, когда тот вдруг заговорил.

— Ученицы балетной школы правы, — сказал он. — Смерть этого бедняги Бюкэ не так просто объяснить, как об этом думают.

— Бюкэ мертв? — вскричали разом бывшие директора, вскакивая со своих мест.

— Да, — спокойно ответил загадочный человек, вернее, тень человека. — Его нашли повешенным сегодня вечером на третьем этаже подземелья, между балками и декорациями к «Королю Лахорскому».

Оба директора удивленно уставились на говорившего. Их потрясение трудно было объяснить только известием о смерти старшего рабочего сцены. Они обменялись странными взглядами и стали белее скатерти. Наконец Дебьен сделал знак Ришару и Моншармену, Полиньи извинился перед гостями, и все четверо прошли в директорский кабинет. Здесь я снова предоставляю слово господину Моншармену.

«Дебьен и Полиньи волновались все сильнее и сильнее, — пишет он в своих мемуарах, — и нам показалось, что они хотели сказать нам нечто, что их сильно беспокоило. Сначала они спросили, знаком ли нам человек, сидевший в конце стола и сообщивший о смерти Жозефа Бюкэ, и после нашего отрицательного ответа их волнение возросло еще больше. Они взяли у нас ключи, внимательно посмотрели на них, покачивая головами, потом посоветовали нам заказать новые замки для всех помещений, полную безопасность которых мы хотели бы гарантировать. При этом у них был такой забавный заговорщицкий вид, что мы рассмеялись и спросили: неужели в Опере водятся воры? Они отвечали, что в Опере есть кое-что похуже воров — призрак. Мы снова стали смеяться, уверенные, что это — шутка, которой суждено увенчать прощальный ужин. Затем по их просьбе мы прекратили смех и приготовились поддержать их игру. Тогда они с таинственным видом признались, что никогда не стали бы говорить с нами о призраке, если бы не получили от него самого формального приказа внушить нам, что мы должны быть с ним любезны и должны выполнять все его просьбы и требования. Слишком счастливые оттого, что они покидают место, где царит эта страшная тень, от которой они теперь, может быть, избавятся, Дебьен и Полиньи до самого последнего момента не решались рассказать нам о столь невероятных событиях, которые трудно понять нашим скептическим умом, однако смерть Жозефа Бюкэ жестоко напомнила им, что всякий раз, когда призраку в чем-то отказывали, в Опере случалось что-нибудь ужасное, в очередной раз подтверждающее их зависимость от «Него».

В продолжение всей этой речи, произнесенной самым таинственным и приглушенным голосом, я не спускал глаз с Ришара. В бытность свою студентом он имел репутацию шутника, знавшего тысячу и один способ разыгрывать людей, и был широко известен своими шутками среди консьержек бульвара Сен-Мишель. Я видел, что он с искренним удовольствием принимает блюдо, которым его угощали бывшие директора, хотя приправа к нему была несколько мрачновата, так как таковой была смерть Бюкэ. Он печально покачивал головой, и на его лице постепенно появлялась сочувственная мина человека, который озабочен тем, что в Опере поселился призрак. И мне ничего не оставалось, как покорно следовать его примеру. Однако, несмотря на наши усилия, мы в конце концов не удержались и расхохотались прямо в лицо Дебьену и Полиньи, которые, поразившись столь резкому переходу от самого угнетенного

состояния к самой наглой веселости, в свою очередь, сделали вид, будто поверили в то, что мы потеряли от страха рассудок.

Поскольку нам показалось, что шутка слегка затянулась, Ришар спросил полушутя-полусерьезно:

— И чего же хочет этот призрак?

Обиженный Полиньи полез в стол и достал оттуда тетрадь с перечнем директорских обязанностей. Перечень начинался такими словами:

«Дирекция Оперы обязана обеспечивать представлениям Национальной академии музыки блеск и размах, приличествующие главной французской сцене».

И заканчивался статьей 98, гласившей:

«Указанные привилегии могут быть отобраны в том случае, если директор не выполняет нижеследующих условий».

Далее следовал перечень.

Это была аккуратно переписанная черными чернилами копия официального документа. Такая же была и у нас, но в самом конце мы увидели лишний абзац, написанный красными чернилами, неровным, изломанным почерком, почерком ребенка, который еще не научился соединять буквы. Этот абзац — продолжение статьи 98 — гласил:

«Если директор более чем на пятнадцать дней задерживает ежемесячное содержание, которое он обязан выплачивать Призраку Оперы и которое до нового распоряжения устанавливается в сумме 20 тысяч франков в месяц или 240 тысяч в год…»

Господин Полиньи дрожащим пальцем ткнул в этот заключительный пункт, который, разумеется, весьма удивил нас.

— И это все? Он больше ничего не хочет? — спросил Ришар со всем хладнокровием, на которое был способен.

— Нет, не все, — коротко ответил Полиньи, перевернул страницу и вслух зачитал:

«Статья 63. Большая литерная ложа справа от первых рядов № 1 зарезервирована на все представления для главы государства.

Вторая ложа № 27 зарезервирована на каждый день для префектов департамента Сены и для префекта полиции.

Ложа бенуара № 20 по понедельникам и первая ложа № 30 по средам предназначены для министра».

И снова, в конце этой статьи, Полиньи молча показал пальцем на добавленную красными чернилами строчку:

«Первая ложа № 5 на все представления передается в распоряжение Призрака Оперы».

После этого мы дружно встали и горячо пожали руки нашим предшественникам, поздравляя их с такой очаровательной шуткой, которая доказывала, что старая добрая французская веселость жива. Ришар даже счел нужным добавить, что теперь он понимает, почему господа Дебьен и Полиньи покидают Национальную академию музыки. Ведь с таким капризным призраком дела вести невозможно.

— Разумеется, — не моргнув глазом, ответил Полиньи. — Двести сорок тысяч франков на дороге не валяются. А вы подсчитайте, какие убытки нам принесло резервирование за призраком ложи № 5 на все представления. Не считая того, что мы должны оплачивать абонемент. Это же непостижимо! Разве обязаны мы содержать призраков? Поэтому мы предпочитаем уйти.

— Да, — кивнул Дебьен. — Мы предпочитаем уйти! И мы уходим! — И он поднялся.

— М-да, — заметил Ришар. — Мне кажется, вы в неплохих отношениях с этим призраком. Если бы у меня под боком был такой капризный тип, я бы потребовал арестовать его.

— Но как?! — хором воскликнули они. — Мы же его ни разу не видели!

— А когда он приходит в свою ложу?

— Мы никогда не видели его в ложе.

— Тогда сдавайте ее.

— Сдавать ложу призрака! Попробуйте сами, господа!

На этом разговор был окончен. Мы с Ришаром никогда так не смеялись».

IV
Ложа № 5

Арман Моншармен написал такую толстую книгу воспоминаний о периоде своего директорства, что можно подумать, будто он занимался Оперой только в том смысле, что подробно описывал все происходящее в ее стенах. Господин Моншармен не знал ни одной ноты, однако был на «ты» с министром народного образования и изящных искусств, пописывал статейки в бульварные газеты и, кроме того, обладал большим состоянием. Наконец, он был обаятельным человеком, не лишенным здравого смысла, и, решившись встать к рулю управления Оперой, сумел выбрать себе надежного и ловкого коллегу — Фирмена Ришара.

Фирмен Ришар был тонкий музыкант и галантный мужчина. Вот что писали о нем в газете «Театральное обозрение»:

«Господину Фирмену Ришару около 50 лет. Это человек высокого роста, плотный, но не располневший. Он обладает представительной осанкой и изысканными манерами. В густых коротко подстриженных волосах и бороде совсем нет седых волос. В выражении лица проглядывает что-то грустное, однако эта грусть смягчается прямым и честным взглядом и обаятельной улыбкой. Господин Фирмен Ришар — очень талантливый музыкант, мастер гармонии и контрапункта. Мощь и размах — вот главные признаки его сочинений. Он писал камерную музыку, высоко ценимую знатоками, музыку для фортепиано, сонаты и небольшие пьесы, исполненные оригинальности, составившие целый сборник. Наконец, «Смерть Геркулеса», исполняемая на концертах в Консерватории, дышит эпической страстью, заставляющей вспомнить Глюка, одного из любимых учителей Ришара. Он обожает Глюка, но не меньше он любит и Пиччини. Ришар черпает вдохновение везде, где только можно. Восхищаясь Пиччини, он склоняется перед Мейербером, получает удовольствие от Чимарозы, и никто так высоко, как он, не ценит неповторимый гений Вебера. Наконец, в отношении Вагнера господин Ришар готов утверждать, что он понял его первым, а может быть, и единственным во Франции».

Из этой цитаты видно, что, поскольку Фирмен любил почти всю музыку и всех музыкантов, все музыканты были обязаны любить Фирмена Ришара. В заключение добавим, что новый директор был властным человеком и обладал очень дурным характером.

Первые дни пребывания в Опере оба директора радовались, как дети, ощущая себя хозяевами столь большого и прекрасного предприятия, и совершенно забыли странную и непонятную историю с призраком, как вдруг произошло событие, которое показало, что шутка — если это была шутка — далеко не окончена.

В то утро господин Ришар пришел в свой кабинет в одиннадцать часов. Его секретарь Реми показал ему полдюжины писем, которые он не распечатал, поскольку на конвертах была пометка «личное». Одно из них сразу привлекло внимание Ришара не только потому, что конверт был подписан красными чернилами, но и потому еще, что почерк показался ему знакомым. Действительно, этим спотыкающимся детским почерком был добавлен абзац в тетради обязанностей директоров. Он распечатал конверт и прочитал:

«Уважаемый директор, прошу прощения за то, что побеспокоил Вас в эти драгоценные минуты, когда Вы решаете судьбу лучших артистов Оперы, когда Вы возобновляете прежние контракты и заключаете новые,

причем делаете это уверенно и умело, со знанием публики и ее вкусов, с решительностью, которых недоставало вашим предшественникам. Я знаю, как много Вы сделали для Карлотты, Сорелли и маленькой Жамм и для некоторых других, в ком Вы угадали замечательные качества, талант или гений. Вам хорошо известно, кого я имею в виду — не Карлотту, пение которой напоминает вой шрапнели, и которой не следовало покидать подмостков «Амбасадора» или «Жакен», не Сорелли, которая пользуется успехом главным образом у извозчиков, не малышку Жамм, танцующую, как корова на лугу. Я веду речь о Кристине Даэ, чья гениальность бесспорна и которую, кстати, Вы ревниво бережете от истинного творчества. В конце концов, Вы вольны распоряжаться в своем учреждении по своему усмотрению. И все-таки я хотел бы воспользоваться тем, что Кристине Даэ еще не указали на дверь, и послушать ее нынче вечером в партии Зибеля, поскольку партия Маргариты после ее недавнего триумфа ей заказана, и в связи с этим прошу Вас не занимать мою ложу ни сегодня, ни в последующие дни. Я не могу закончить письма, не заметив Вам, как неприятно я был поражен тем, что моя ложа была абонирована по Вашему распоряжению.

Впрочем, я не протестовал: прежде всего потому, что я не сторонник скандалов, и во-вторых, потому, что Ваши предшественники, господа Дебьен и Полиньи, которые всегда были любезны со мной, возможно, по рассеянности забыли предупредить Вас о моих маленьких слабостях. Но я только что получил от этих господ ответ на мою просьбу объясниться, и этот ответ убедил меня, что Вы ознакомлены со своими обязанностями, и, следовательно, в Ваших действиях я усматриваю оскорбительную насмешку. Если хотите жить со мной в мире, не следует в самом начале наших отношений отбирать у меня ложу. В заключение разрешите, уважаемый директор, заверить, что я являюсь Вашим преданным и покорным слугой».

Подпись: *«П. О.»*

Письмо сопровождалось небольшой заметкой, вырезанной из газеты «Театральное обозрение»:

«П. О., виноваты Р. и М.
Мы их предупредили и передали им тетрадь с обязанностями.
Искренне ваши!»

Едва Фирмен Ришар успел дочитать эти строки, как открылась дверь кабинета и перед ним предстал Арман Моншармен с письмом в руке, как две капли воды похожим на то, которое получил он. Они переглянулись и расхохотались.

— Итак, шутка продолжается, — сказал Ришар, — но это уже не смешно!

— Что это значит? — удивился Моншармен. — Неужели они думают, что, если они были директорами Оперы, мы навсегда отдадим им ложу?

И первый и второй ни секунды не сомневались в том, что оба послания были делом рук их предшественников.

— Мне не улыбается так долго оставаться объектом для глупых шуток, — заявил Ришар.

— В этом же нет ничего обидного, — заметил Моншармен.

— Кстати, чего они хотят? Ложу на сегодняшний вечер?

И Фирмен Ришар велел секретарю немедленно передать абонент на ложу № 5 Дебьену и Полиньи, если она еще не сдана.

Она была свободна. Дебьен жил на углу улицы Скриба и бульвара Капуцинок, Полиньи — на улице Обера. Кстати, оба письма призрака были отправлены с бульвара Капуцинок; это заметил Моншармен, внимательно рассмотрев конверты. Директора пожали плечами, посетовав на то, что солидные пожилые люди развлекаются, как дети.

— Все-таки они могли быть повежливее, — заметил Моншармен. — Видишь, как они выговаривают нам за Карлотту, Сорелли и малышку Жамм.

— Да ладно, старина, они просто больны от ревности… Подумать только: даже заплатили за заметку в «Театральном обозрении». Неужели им больше нечего делать?

— Кстати! — сказал Моншармен. — Кажется, их очень интересует Кристина Даэ…

— Ты не хуже меня знаешь, что у нее репутация честной девушки, — ответил Ришар.

— Репутация часто обманчива, — сказал Моншармен. — Вот у меня репутация знатока музыки, а я не знаю, чем отличается «соль» от «фа».

— Успокойся! У тебя никогда не было такой репутации.

Потом Ришар велел привратнику впустить артистов, которые вот уже два часа прогуливались по большой директорской приемной, ожидая, когда откроется дверь, за которой их ждали слава и деньги… или увольнение.

Весь день наши директора вели переговоры, обсуждали дела, подписывали и разрывали контракты, так что можете себе представить, как они утомились в тот вечер — непогожий вечер 25 января — после сумасшедшего дня, наполненного истериками, интригами, рекомендациями, угрозами, протестами, признаниями в любви и ненависти. Они рано ушли домой, даже не заглянув в ложу № 5 и не полюбопытствовав, понравился ли спектакль Дебьену и Полиньи.

На следующее утро Ришар и Моншармен обнаружили среди корреспонденции открытку от призрака:

«Уважаемые директора!

Очень благодарен. Чудесный вечер. Даэ восхитительна. Обратите внимание на хор. Карлотта — превосходный, но бездушный инструмент. Позже напишу вам по поводу 240 тысяч, если быть точным — 233 424 франка 70 су, потому что господа Дебьен и Полиньи переслали мне 6575 франков и 30 сантимов за первые десять дней текущего года в связи с тем, что их полномочия истекали 10-го числа.

Ваш слуга, П. О.».

Вторым было письмо от Дебьена и Полиньи:

«Господа!

Спасибо за внимание, но сами понимаете, что перспектива еще раз послушать «Фауста», как бы это ни было приятно для бывших директоров Оперы, не мешает нам напомнить, что мы не имеем никакого права занимать ложу № 5, которая принадлежит исключительно тому, о ком мы с Вами уже говорили, при этом советуем перечитать последний абзац пункта 63.

Примите наши уверения и пр.».

— Эти двое уже начинают мне надоедать, — в сердцах признался Фирмен Ришар, разрывая на клочки письмо Дебьена и Полиньи.

И в тот же вечер ложа № 5 была сдана. На следующий день Ришар и Моншармен нашли на своем столе рапорт старшего контролера, касающийся событий, которые произошли накануне вечером в ложе № 5.

«Я был вынужден, — писал контролер, — вызвать жандарма и дважды — в начале и в середине второго акта — очистить ложу № 5. Находящиеся в ней, которые, кстати, появились только ко второму акту, устроили настоящий скандал, смеялись и отпускали непристойные замечания. Со всех сторон на них шикали, и зал начал возмущаться. За мной пришла билетерша, я зашел в ложу и сделал им замечание. Нарушители, по-моему, были немного не в себе и завели со мной странные разговоры. Я предупредил их, что, если подобное повторится, мне придется выдворить их. Не успел я выйти, как снова услышал смех в ложе и шумные протесты в зале. Я позвал жандарма и вывел их. Они сопротивлялись, продолжая смеяться, и заявили, что не уйдут, пока им не возвратят деньги. Наконец они успокоились, и я позволил им снова войти в ложу, но смех тут же возобновился, и на этот раз мы выдворили нарушителей окончательно».

— Пусть пошлют за контролером! — крикнул Ришар, обращаясь к секретарю.

В обязанности секретаря Реми, двадцати четырех лет, элегантного, всегда прекрасно одетого, умного и послушного, получавшего жалованье 2400 франков в год, входило: просматривать газеты, отвечать на письма, распределять ложи и пригласительные билеты, договариваться о встречах, беседовать с посетителями, ожидающими в приемной, навещать больных артистов, искать им замену; но главной его обязанностью была оборона директорского кабинета от нежелательных визитеров. Помимо всего прочего, ему постоянно приходилось быть начеку, чтобы — не дай бог! — не оказаться неугодным и выброшенным за дверь без всякой компенсации. И вот секретарь, который уже давно отдал приказание найти главного контролера, ввел его в кабинет.

— Расскажите-ка, что там стряслось вчера? — резко спросил Ришар.

Контролер что-то пробормотал в ответ и сослался на свой рапорт.

— Но почему все-таки эти люди смеялись?

— Господин директор, они, должно быть, хорошо пообедали и скорее были расположены шутить, чем слушать хорошую музыку. Едва войдя в ложу, они позвали билетершу. На ее вопрос: «В чем дело?» — они сказали: «Посмотрите внимательно. Ведь здесь никого нет, так?» — «Никого», — ответила билетерша. «Ну так вот, — заявили они, — когда мы вошли, мы услышали чей-то голос, который сказал, что здесь кто-то есть».

Моншармен с улыбкой наблюдал за Ришаром, однако тому было не до смеха. Он достаточно часто сам проделывал подобного рода трюки, чтобы распознать в наивном рассказе инспектора одну из тех злых шуток, которые вначале забавляют их жертв, но потом приводят их в ярость.

Заметив улыбку на лице Моншармена, контролер счел своим долгом тоже улыбнуться, но тут же взгляд Ришара испепелил беднягу, который поспешил принять сокрушенный вид.

— Скажите же наконец, — загремел ужасный Ришар, — когда они вошли в ложу, там кто-нибудь был?

— Никого, господин директор! Совершенно никого! Ни в ложе справа, ни в ложе слева, клянусь вам. Готов отдать руку на отсечение, что никого там не было. Так что это была лишь шутка.

— А билетерша, что она сказала?

— О! Она просто сказала, что это ложа Призрака Оперы. Вот так-то!

И контролер коротко рассмеялся, однако тут же осознал свою ошибку: не успел он произнести последние слова «ложа Призрака Оперы», как и без того темное лицо Ришара стало мрачным, как туча.

— Давайте сюда билетершу! — приказал Ришар. — Немедленно! И выпроводите всю эту толпу за дверь!

Контролер хотел возразить, но Ришар заткнул ему рот грозным:

— Замолчите!

Затем, когда губы несчастного служащего, казалось, были навеки сомкнуты, господин директор приказал им снова раствориться.

— Что это значит: «Призрака Оперы»? — проворчал Ришар.

Однако контролер уже был не в состоянии произнести ни слова. Отчаянно пожимая плечами и скривив лицо, он давал понять, что ничего об этом не знает и знать не желает.

— Вы-то хоть видели этого призрака?

Контролер энергично затряс головой.

— Тем хуже! — холодно проговорил Ришар.

Контролер сделал огромные глаза, собираясь спросить, почему господин директор произнес эти угрожающие слова «Тем хуже!».

— Потому что я рассчитаю всех, кто его не видел, — сквозь зубы процедил директор. — Подумать только: призрак шляется по театру, и никто его в глаза не видел! Я заставлю всех заниматься своим делом!

V
Ложа № 5
(Продолжение)

После этих слов Ришар потерял всякий интерес к контролеру и начал обсуждать другие дела с вошедшим администратором. Контролер решил, что пора ретироваться, и потихоньку, пятясь, приблизился к двери и вдруг застыл как вкопанный, услышав окрик заметившего этот маневр Ришара:

— Стоять!

Благодаря расторопности Реми, быстро разыскали билетершу, которая работала еще и консьержкой на улице Прованс в двух шагах от Оперы.

— Как вас зовут?

— Мадам Жири. Вы же меня знаете, господин директор: я — мать малышки Жири, или малышки Мэг, если хотите.

Это было сказано суровым и торжественным тоном, который оказал должное действие на директора. Он оглядел мадам Жири — выцветшая шаль, стоптанные туфли, старенькое платье из тафты, шляпа грязно-серого цвета. Выражение лица Ришара говорило о том, что он слыхом не слыхал ни о мадам Жири, ни о малышке Жири, ни даже о малышке Мэг. Однако гордая мадам полагала, что ее должны знать все. Я не знаю, какие у нее были для этого основания, но мне сдается, что от ее имени произошло слово girie[9], которое употребляется среди артистов.

— Не помню такой, — буркнул наконец директор. — Но все равно расскажите, мадам Жири, как получилось, что вчера вечером вам с контролером пришлось прибегнуть к услугам жандарма?

— Я как раз сама хотела поговорить об этом, господин директор, чтобы с вами не случилось таких неприятностей, как с господами Дебьеном и Полиньи… Они-то ведь тоже не хотели меня слушать сначала…

— Я вас спрашиваю не об этом. Я хочу знать, что произошло вчера вечером.

Мадам Жири вспыхнула от возмущения. С ней никогда не разговаривали подобным тоном. Она встала, собираясь уйти, начала поправлять юбку и энергично потряхивать шляпкой грязного цвета, но потом передумала, снова села и сказала недовольным голосом:

— А то произошло, что опять обидели нашего призрака!

Ришар был готов взорваться, но тут вмешался Моншармен, взял допрос в свои руки и выяснил, что билетерша находит вполне естественным голос, который заявил из совершенно пустой ложи, что она занята. Она могла объяснить этот феномен, который, кстати, не был для нее новостью, только присутствием в ложе призрака. По-настоящему этого призрака никто ни разу не видел, зато слышали его многие, да она и сама часто его слышала, а уж ей-то можно верить, потому что мадам Жири никогда не лжет. Если хотят, они могут спросить у господ Дебьена и Полиньи и вообще у всех, кто ее знает, а также у господина Исидора Саака, которому призрак сломал ногу.

— Чего-чего? — перебил ее Моншармен. — Призрак сломал ногу бедняге Сааку?

Мадам Жири широко раскрыла глаза, пораженная таким глухим невежеством. Наконец она снисходительно согласилась просветить несчастных. Так вот, это случилось во времена Дебьена и Полиньи, и опять-таки в ложе № 5, и снова во время представления «Фауста».

---

[9] Жеманство *(разг. фр.). — Примеч. пер.*

Билетерша откашлялась, попробовала голос и начала… Казалось, она намеревается спеть всю партитуру оперы Гуно.

— Это было так, месье. В тот вечер в первом ряду сидел господин Маньера со своей дамой, ну, вы должны его знать — гранильщик драгоценных камней с улицы Могадор, а позади мадам Маньера — их близкий друг Исидор Саак. Мефистофель запел (мадам Жири спела эту строчку): «Смиряя дрожь, зачем под нож…» И вот тут Маньера слышит справа (его жена сидела слева) голос, который говорит ему прямо в ухо: «Ха, ха! Наша Жюли не смиряла бы дрожь!» (Мадам Маньера как раз и звали Жюли.) Господин Маньера поворачивается направо посмотреть, кто с ним разговаривает. Никого! Он трет себе ухо и бормочет: «Неужели почудилось?» А тем временем Мефистофель продолжает петь… Но, может быть, я вам наскучила, господа?

— Нет-нет! Продолжайте!

— Господа директора очень любезны, — мадам Жири скорчила гримасу. — Так вот, Мефистофель продолжает петь, — и она снова затянула: — «Смиряя дрожь, зачем под нож, Катринхен, к милому идешь и гибели не видишь? Пусть он хорош, пусть он пригож, — ты девушкой к нему войдешь, но девушкой не выйдешь»[10]. И тут Маньера слышит, опять в правом ухе, тот же голос: «Ха! Ха! Жюли не отказалась бы пойти к Исидору». Он снова поворачивается — теперь уже в сторону Жюли и Исидора, и что же он видит? А видит он Исидора, который держит его жену за локоток и покрывает поцелуями ее руку… Вот так, дорогие мои господа, — и мадам Жири страстно поцеловала уголок обнаженной кожи над своей нитяной перчаткой. — Ну а потом… Можете себе представить, что было потом! Трах! Бах! Маньера — здоровый и сильный — вот как вы, месье Ришар, — залепил Исидору Сааку пару хороших оплеух, а Исидор — худой и слабый — вот как вы, господин Моншармен, — при всем моем уважении. Произошел скандал. В зале кричат: «Хватит! Хватит! Он убьет его!» Наконец Исидору удалось сбежать…

— Так призрак все-таки не сломал ему ногу? — спросил Моншармен, немного оскорбленный тем, что его телосложение произвело столь малое впечатление на мадам Жири.

— Сломал, месье, — высокомерно ответила мадам Жири. — Сломал совсем, когда наш Исидор бежал по парадной лестнице. Да так сломал, что бедняга не скоро очухается…

— Значит, это призрак рассказал вам о том, что он шептал в правое ухо господину Маньера? — осведомился Моншармен с серьезным видом настоящего следователя, который сам он находил очень забавным.

— Нет, сударь. Это господин Маньера…

— Но вы-то сами разговаривали с призраком, милая дама?

— Вот так же, как сейчас разговариваю с вами, уважаемый господин…

— Когда он с вами говорил и что сказал?

— Ну, он просил принести ему скамеечку для ног.

При этих словах, произнесенных самым торжественным тоном, лицо мадам Жири стало твердым, как желтоватый, в красных прожилках мрамор колонн, которые поддерживают большую парадную лестницу, мрамор этот еще называют пиренейским.

Только теперь Ришар, вместе с Моншарменом и секретарем Реми, разразился громовым хохотом. Старший контролер, помня свой горький опыт, не смеялся. Опершись спиной о стену и перебирая в кармане ключи, он думал, чем кончится эта история. Чем больше высокомерия появлялось в лице мадам Жири, тем больше он опасался вспышки директорского гнева. Но неожиданно, не дожидаясь этой вспышки, мадам Жири не на шутку рассердилась.

— Вместо того чтобы смеяться, господа, — с негодованием заговорила она, — вам бы лучше последовать примеру господина Полиньи, который сам убедился…

[10] Здесь и далее стихи из «Фауста» даны в переводе Б. Пастернака. — *Примеч. пер.*

— В чем он убедился? — переспросил Моншармен, который никогда еще так не веселился.

— В том, что призрак существует! Я вам целый час толкую об этом… — Неожиданно она успокоилась, почувствовав всю серьезность момента. — Я все помню так, будто это было только вчера. В тот раз давали «Еврейку»[11]. Господин Полиньи захотел сидеть в ложе один. Я хочу сказать, в ложе призрака. Мадемуазель Краусс имела огромный успех. Она уже спела эту штуку — ну, вы знаете: из второго акта. — И мадам Жири вполголоса напела:

Хочу с тобой, любимый мой,
Я жить и умереть.
И верю я, любимый мой,
Нас не разлучит смерть.

— Хорошо, хорошо! Я понял, — кисло улыбнулся Моншармен.

Однако мадам Жири продолжала, помахивая шляпкой грязно-серого цвета с пером:

Умчимся в край небесно-голубой,
Одна судьба связала нас с тобой.

— Да! Да! Нам все понятно, — нетерпеливо проговорил Ришар. — Ну и что дальше?

— А дальше Леопольд восклицает: «Бежим!», а Элеазар их останавливает и спрашивает: «Куда спешите вы?» Так вот, как раз в этот самый момент господин Полиньи — я видела это из соседней боковой ложи — встает и выходит прямой, как палка. Я успела спросить его точно так же, как Элеазар: «Вы куда?» Он мне даже не ответил, он был бледен как смерть! Я видела, как он спускался с лестницы, правда, ногу он не сломал… Шел, будто во сне, в дурном сне; не мог отыскать нужный поворот, и это он, которому платили за то, чтобы он хорошо знал Оперу.

Мадам Жири замолчала, ожидая реакции слушателей, которые ограничились тем, что неопределенно кивнули головой.

— Однако вы так и не сказали, как и при каких обстоятельствах Призрак Оперы попросил у вас скамеечку, — продолжал допытываться Моншармен, пристально глядя в глаза билетерше.

— Ну, это случилось после того самого вечера, потому что тогда-то нашего призрака и оставили в покое… Больше не отбирали у него ложу. Господа директора распорядились оставить эту ложу для него на все представления. И когда он приходил, он просил у меня маленькую скамеечку.

— Хо! Хо! Призрак просил скамеечку! Выходит, ваш призрак — женщина?

— Нет, призрак — мужчина.

— Откуда вы знаете?

— У него мужской голос, вот откуда! А происходит это так: он приходит в Оперу обычно в середине первого акта и стучит три раза в дверь ложи номер пять. Когда я в первый раз услышала этот стук, я хорошо знала, что в ложе никого нет, так что можете себе представить, как я была потрясена. Я открываю дверь, вслушиваюсь, всматриваюсь — никого! И тут услышала голос: «Мадам Жюль (это фамилия моего покойного мужа), будьте добры, принесите мне скамеечку». И знаете, господин директор, меня прямо в жар бросило… Но голос продолжал: «Не пугайтесь, мадам Жюль, это я, Призрак Оперы!» Я посмотрела в ту сторону, откуда доносился голос, который, между прочим, был такой приятный и располагающий, что я почти

[11] «Еврейка» — опера в 5 актах на музыку Ф. Галеви и слова Э. Скриба. Впервые поставлена в Опере в 1835 г. — *Примеч. пер.*

не испугалась. Голос этот, господин директор, сидел в первом кресле первого ряда справа. Хотя я никого не увидела, могу поклясться, что в кресле кто-то был, и кто-то очень даже воспитанный, уж можете мне поверить.

— А ложа справа от ложи номер пять не была занята? — спросил Моншармен.

— Нет, ни ложа номер семь справа, ни ложа номер три слева. Спектакль только начинался.

— И что вы сделали?

— Принесла скамеечку. Наверное, он просил ее не для себя, а для дамы. Но эту даму я не видела и не слышала.

Каково! Выходит, у призрака есть еще и женщина!

Взгляды Моншармена и Ришара остановились на контролере, который стоял за спиной билетерши и махал руками, чтобы привлечь к себе внимание директоров. Когда они посмотрели на него, он красноречивым жестом покрутил пальцем у виска — жест этот означал, что матушка Жири не иначе как свихнулась. Эта пантомима окончательно укрепила Ришара в его решении расстаться с контролером, который держит у себя работников, страдающих галлюцинациями. А женщина между тем вдохновенно продолжала:

— После спектакля он всегда дает мне монету в сорок су, иногда сто су, а несколько раз, после того как его не бывало по нескольку дней, я получала даже десять франков. А теперь, когда ему опять начали докучать, он мне больше ничего не дает…

— Простите, дорогая, — начал Моншармен, и мадам Жири снова тряхнула своей серой шляпкой с пером, возмутившись такой фамильярностью. — Простите, но как призрак вручает вам деньги?

— Да он просто-напросто оставляет их на столике в ложе, и я забираю их вместе с программкой, которую всегда приношу ему. Иногда я там нахожу даже цветы, например, розу, наверняка выпавшую из корсажа дамы. Да, я уверена, что иногда он приходит с женщиной, потому что однажды они оставили веер.

— Вот как? Веер? И что вы с ним сделали?

— Ничего. На следующем спектакле вернула его.

В этот момент старший контролер подал голос:

— Вы нарушили правила, мадам Жири, и я вас оштрафую.

— Замолчите, идиот! — прошипел Ришар.

— Вы вернули веер. Ну а дальше?

— А дальше они забрали его, господин директор, после спектакля его там уже не было, и вместо него они оставили коробку с конфетами, которые я просто обожаю. Это один из маленьких знаков внимания призрака.

— Хорошо, мадам Жири. Вы можете идти.

Когда билетерша с почтением и не без присущего ей достоинства попрощалась с директорами, они объявили старшему контролеру, что решили отказаться от услуг этой сумасшедшей старухи. После этого они отпустили контролера. Когда он вышел, не переставая уверять в своей преданности театру, они предупредили администратора, что он должен дать расчет господину контролеру. Оставшись наконец одни, оба директора переглянулись — в голову обоим одновременно пришла одна и та же мысль: совершить маленькую прогулку в ложу № 5.

Позже и мы последуем за ними.

VI
Волшебная скрипка

Кристина Даэ, ставшая жертвой интриг, о которых мы еще успеем поговорить, не сразу закрепила шумный успех, выпавший ей в тот памятный торжественный вечер, и долго не появлялась на сцене. Однако она выступила в доме герцогини Цюрихской, где исполняла самые лучшие вещи из своего репертуара, и вот что пишет о ней известный критик Х.:

«Когда мы слышим ее в «Гамлете», нам кажется, будто сам Шекспир прибыл на Елисейские Поля репетировать вместе с нею партию Офелии. А когда ее голову венчает звездная диадема Королевы Ночи, Моцарт, должно быть, сходит с небес, чтобы услышать ее пение. Впрочем, не стоит беспокоить великую тень — высокий, изобилующий переливами голос исполнительницы главной партии в «Волшебной флейте» сам достигает заоблачных высот, взмывая туда с той же легкостью, с какой она сама перелетела из крытой соломой хижины в Скотелофе во дворец из золота и мрамора, выстроенный господином Гарнье[12]».

После вечера у герцогини Цюрихской Кристина больше не пела в светских салонах и отказывалась от всех приглашений. Она, никак не объяснив свой отказ, даже не участвовала в благотворительном вечере, на котором раньше обещала присутствовать. Казалось, она перестала быть хозяйкой своей судьбы или же боялась нового триумфа.

Она знала, что граф де Шаньи, желая сделать приятное своему брату, хлопотал за нее перед господином Ришаром, и написала графу благодарственное письмо, в котором умоляла больше не делать этого и не беспокоить директоров. В чем же были причины столь странного поведения певицы? Одни считали, что все дело заключается в непомерной гордыне, другие говорили о божественной скромности. Но подобная скромность в театре невозможна. Я полагаю, что Кристина Даэ просто-напросто испугалась свалившегося на нее, как с неба, триумфа и была ошеломлена им не менее, чем многие другие. Ошеломлена? Не то слово! Я располагаю письмом Кристины из архива Перса, в котором описываются события того времени. Так вот, прочитав его еще раз, я уже не могу сказать, что Кристина была просто ошеломлена или напугана своим триумфом: она была в настоящем ужасе. Да, да! В ужасе! «Я больше не узнаю себя, когда пою!» — пишет она.

Бедное, невинное дитя!

Она нигде не показывалась, и виконт де Шаньи напрасно искал с ней встречи. Он написал ей, прося позволения навестить ее, и уже отчаялся ждать ответа, когда однажды утром получил такую записку:

«Сударь, я вовсе не забыла того маленького мальчика, который выловил мой шарф в море. Не могу не написать вам об этом сегодня, ибо уезжаю в Перрос, ведомая священным долгом. Завтра годовщина смерти моего бедного отца, которого вы знавали и который так любил вас. Он похоронен там вместе со своей скрипкой, на кладбище, окружающем маленькую церковь, у подножия холма, где мы играли детьми, рядом с той дорогой, где мы, повзрослев, в последний раз простились друг с другом».

Прочитав записку Кристины, виконт де Шаньи схватил расписание поездов, поспешно оделся, написал несколько строк, которые камердинер должен был передать старшему брату, и вскочил в карету, доставившую его к вокзалу Монпарнас. Однако на утренний поезд он опоздал.

Рауль провел ужасный день и успокоился только вечером, когда устроился в своем вагоне. Всю дорогу он перечитывал записку Кристины, вдыхая запах ее духов и воскрешая нежный образ своей юности. Тяжелая бессонная ночь прошла в горячечных видениях, началом и

[12] Имеется в виду здание Парижской Оперы, построенное архитектором Ш. Гарнье. — *Примеч. пер.*

концом которых была Кристина Даэ. Уже рассвело, когда Рауль приехал в Ланьон. Единственным пассажиром он сел в дилижанс, отправлявшийся на Перрос-Гирек. На его расспросы кучер ответил, что накануне вечером молодая женщина, похожая на парижанку, попросила отвезти ее в Перрос и сошла у постоялого двора под названием «Солнечный закат». Она приехала одна, без провожатых. Рауль глубоко вздохнул. Наконец-то в этой мирной тиши он может спокойно поговорить с Кристиной. Он любил ее до беспамятства. Этот юноша, объехавший мир, оставался чист, как девушка, никогда не покидавшая материнского дома.

Приближаясь к предмету своей любви, он перебирал в памяти историю маленькой девочки-шведки, ставшей певицей.

Когда-то в маленькой деревушке в окрестностях Упсалы жил крестьянин с семьей, в течение недели он возделывал свое поле, а по воскресеньям пел в церкви. У крестьянина была дочка, которую он еще до того, как она научилась читать, обучил нотной грамоте. Сам того не сознавая, папаша Даэ был великим музыкантом. Он играл на скрипке и считался лучшим деревенским скрипачом во всей Скандинавии. Слава его росла, его постоянно приглашали на свадьбы и праздники. Когда Кристине шел шестой год, умерла ее мать, всегда отличавшаяся слабым здоровьем. Вслед за тем отец, который любил только дочь и музыку, продал свой участок земли и отправился искать счастья в Упсалу. Но нашел там только нищету.

Тогда он возвратился в деревню и начал странствовать по ярмаркам, наигрывая скандинавские мелодии, а дочь, никогда не расставававшаяся с ним, с восторгом слушала его скрипку или пела под нее. Однажды на ярмарке в Лимбю их обоих услышал профессор Валериус и отвез в Готенбург. Он утверждал, что отец — первый скрипач в мире и что у дочери задатки великой певицы. Профессор позаботился о том, чтобы ребенок получил должное воспитание и образование. Девочка восхищала всех окружающих своей красотой, грацией и жаждой знаний. Когда профессору Валериусу потребовалось уехать во Францию, он взял с собой Даэ и Кристину, с которой госпожа Валериус обращалась, как с дочерью. А вот отец девочки, оторванный от родины, затосковал не на шутку. В Париже он никуда не выходил. Он жил будто во сне, который разделяла с ним только его скрипка. Целыми часами он сидел в комнате вместе с дочерью, и тогда в доме слышались печальные звуки скрипки и тихое пение. Иногда госпожа Валериус приходила послушать их за дверью, вздыхала, смахивала слезу и на цыпочках возвращалась к себе. Она тоже тосковала по бледному скандинавскому небу.

Папаша Даэ приходил в себя только летом, когда все семейство уезжало в деревню, в Перрос-Гирек — глухой бретонский уголок, в ту пору был почти неизвестный парижанам. Он полюбил здешнее море, которое напоминало ему родную северную синь, и, сидя на прибрежном песке, наигрывал самые печальные напевы, уверяя дочь, что море замолкает и слушает их. Потом у него появилась новая причуда.

Во время сельских праздников он, как когда-то на родине, брал скрипку и, спросив разрешения у госпожи Валериус, уводил дочь из города на несколько дней. Они дарили музыку жителям самых бедных деревушек и спали в сараях, отказываясь от кроватей на постоялых дворах, забираясь в солому и прижимаясь друг к другу, как в те времена в Швеции, когда были бедны.

Одеты они были довольно прилично, отвергали протягиваемые им монеты, милостыню не просили, и местные жители никак не могли понять поведение этого скрипача, бродившего по дорогам в сопровождении маленькой прелестной девочки с ангельским голосом.

Как-то раз городской мальчик заставил свою гувернантку проделать долгий путь, потому что никак не мог решиться покинуть девочку, чей голос, такой нежный и чистый, заворожил его. Так они пришли к бухточке, которая называется Трестрау. В то время там были только небо, море и золотой песок. Еще там дул сильный ветер, который сорвал шарф Кристины и унес его в море. Кристина закричала, вскинула руки, но легкая ткань уже колыхалась на волнах далеко от берега. И тут Кристина услышала мальчишеский голос:

— Не волнуйтесь, мадемуазель, я достану ваш шарф.

Она увидела мальчика, который бежал к ней, несмотря на крики и протестующие возгласы одетой в черное женщины. Мальчик прямо в одежде бросился в воду и достал шарф. Надо ли говорить, что оба они были в весьма плачевном состоянии? Дама в черном никак не могла успокоиться, а Кристина радостно засмеялась и поцеловала мальчика. Это был виконт Рауль де Шаньи. В то лето он гостил у своей тетки в Ланьоне. С той поры они встречались почти каждый день и играли вместе. По просьбе тетки и по совету профессора Валериуса добрейший папаша Даэ согласился давать юному виконту уроки игры на скрипке. И Рауль полюбил те же напевы, которые с детства питали душу Кристины.

Их детские мечтательные сердца сладко замирали, когда они слушали невероятные истории, старые бретонские сказки, которые им приходилось выпрашивать под дверями, как нищим: «Мадам, расскажите, пожалуйста, еще что-нибудь». А какая старая бретонка не видела хотя бы раз в жизни, как танцуют эльфы и феи в вересковых зарослях при свете луны?

Но самое интересное происходило в сумерках, в мирной тишине, после того как солнце опускалось в море и папаша Даэ садился возле них и негромким голосом, будто боялся спугнуть воскрешаемые им призраки, рассказывал красивые, убаюкивающие или страшные легенды северных стран. Иногда они были прекрасны, как сказки Андерсена, иногда печальны, как песни великого поэта Рунеберга. Когда он умолкал, дети просили: «Еще!»

Была одна история, которая начиналась так:

«Однажды некий король плыл в своем маленьком челноке по одному из тех спокойных и глубоких озер, которые, наподобие сверкающих глаз, открываются посреди норвежских гор…»

Или еще одна:

«Маленькая Лотта думала обо всем и не думала ни о чем. Летней птичкой она порхала в золотых солнечных лучах с весенним венком на белокурых волосах. Душа ее была такой же чистой и голубой, как ее глаза. Она любила свою мать, любила свою куклу, заботилась о своем платье, красных туфельках и скрипке, но больше всего она любила, засыпая, слушать ангела музыки».

Пока папаша Даэ рассказывал, Рауль любовался синими глазами и золотыми волосами Кристины. А Кристина думала о том, как была счастлива маленькая Лотта, когда засыпала и слушала ангела музыки. У папаши Даэ почти не было историй, в которых не присутствовал бы ангел музыки, и дети без конца просили рассказать об этом ангеле. Даэ отвечал, что все великие музыканты, все великие артисты хотя бы раз в жизни встречались с ангелом музыки. Иногда он склоняется над их колыбелькой, как это случилось с маленькой Лоттой, и тогда появляются вундеркинды, которые в шесть лет играют на скрипке лучше, чем пятидесятилетние музыканты. Иногда ангел музыки приходит позже, потому что дети не слушаются и не хотят учиться и повторять гаммы. А бывает, что ангел не приходит вовсе, потому что сердце человека нечисто и совесть неспокойна. Ангела никто никогда не видит, но избранные души слышат его. Происходит это чаще всего в такие моменты, когда люди меньше всего этого ожидают, когда они пребывают в печали и отчаянии. И вот тогда в ушах начинает звучать неземная музыка, слышится божественный голос, и они запоминают его на всю свою жизнь. Тех, кого посетил ангел, будто коснулся огонь небесный. Они испытывают трепет, который неведом прочим смертным. Они получают волшебный дар — любой инструмент, к которому они прикасаются, и собственный их голос рождают звуки, затмевающие своей красотой всю музыку мира. А люди не знают, что этих счастливцев посетил ангел музыки, и называют их гениальными.

Маленькая Кристина однажды спросила отца, слышал ли он ангела. Отец грустно покачал головой, потом сверкнул глазами, глядя на дочь, и сказал:

— А ты, дитя мое, обязательно его услышишь! Когда я буду в небесах, я пошлю его к тебе.

К тому времени папашу Даэ начал одолевать надрывный кашель.

Наступила осень и разлучила Рауля и Кристину.

Увиделись они только три года спустя, в пору своей юности. Это произошло опять в Перросе, и Рауль запомнил эту встречу на всю жизнь. Профессор Валериус уже умер, но его

вдова осталась во Франции вместе с Даэ и его дочерью, которые продолжали петь и играть на скрипке. Госпожа Валериус, как будто в водоворот, втягивалась в их прекрасные грезы и, казалось, тоже жила теперь только музыкой. Однажды юноша случайно заехал в Перрос и сразу поспешил в дом, где когда-то жила его подружка. Навстречу ему поднялся старый Даэ и со слезами на глазах поцеловал его. Они помнят его, говорил растроганный старик. И действительно, не проходило и дня, чтобы Кристина не вспоминала о Рауле. Старик говорил еще что-то, но в этот момент открылась дверь и появилось прелестное создание с подносом в руках, на котором стояли две чашки с дымящимся чаем. Кристина узнала Рауля, поставила поднос, и ее прекрасное лицо залилось краской смущения. Она стояла молча и нерешительно, а отец смотрел на них. Потом Рауль приблизился и поцеловал ее в щеку. Она не отстранилась. Потом, смущаясь по-прежнему, задала ему несколько вежливых, ничего не значащих вопросов и скоро удалилась, считая, что исполнила свои обязанности хозяйки. Кристина вышла в сад и присела на скамеечку. Ее девичье сердце первый раз тревожили незнакомые прежде чувства. Рауль вышел к ней, и они беседовали до вечера, так и не преодолев разделявшую их неловкость. Они оба изменились за эти годы и как будто даже не узнавали друг друга. Оба были осторожны, как дипломаты, и говорили о вещах, не имевших никакого отношения к новым чувствам, которые рождались в их сердцах. Когда они прощались, Рауль прижал к губам ее дрожащую руку и тихо сказал: «Я никогда не забуду вас, мадемуазель». И пошел прочь, сожалея о своих необдуманных словах, потому что Кристина Даэ не могла стать женой виконта де Шаньи.

А Кристина вернулась к отцу и сказала: «Ты не находишь, что Рауль не такой любезный, как прежде? Он мне больше не нравится». С того дня она старалась не думать о нем, но это было нелегко, и она с головой погрузилась в свое искусство. Ее успехи были просто поразительны: те, кто слышал ее, предсказывали, что она станет лучшей певицей в мире. Потом отец ее умер, и как-то вдруг вместе с отцом она будто потеряла голос, душу и талант. У нее осталось достаточно и того и другого, чтобы поступить в Консерваторию, но не более. Училась без вдохновения, переходила из класса в класс и получила приз, только чтобы сделать приятное старой госпоже Валериус, с которой она по-прежнему жила. Когда Рауль впервые увидел Кристину в Опере, он был очарован красотой девушки, и сладкие воспоминания нахлынули на него, однако пение ее чем-то его оттолкнуло, показалось бездушным. Он приходил еще и еще, искал ее за кулисами, поджидал за сценой, пытаясь привлечь ее внимание. Не один раз сопровождал ее до самого порога ее артистической уборной, но она не замечала его. Она, казалось, вообще никого не замечала. Рауль страдал от такого безразличия, потому что она была красива, а он робок и не смел признаться даже самому себе, что влюблен. Затем случилось невероятное — тот памятный торжественный вечер: разверзлись небеса, и ангельский голос сошел на землю, покорил всех и полностью завладел его сердцем….

А потом — потом был мужской голос за дверью: «Ты должна любить меня!» — и пустая артистическая…

Почему она засмеялась, когда он сказал ей, только что открывшей после обморока глаза: «Я тот мальчик, который выловил ваш шарф в море». Почему она не узнала его? И почему же тогда написала записку?

Ах! Какой долгий-долгий путь… Вот перекресток трех дорог… Вот пустынная равнина, отдающие холодом вересковые заросли, безжизненный пейзаж под белесым небом. Позвякивают оконные стекла, и этот звон в ушах кажется бесконечным… Как громыхает этот дилижанс и как он тащится! Он узнавал хижины, изгороди, кусты и деревья у дороги… Вот последний поворот, за ним будет море… и большая бухта Перрос…

Итак, она сошла у постоялого двора «Солнечный закат». Он здесь единственный и, кстати, совсем недурен. Сколько сказочных историй слушали они здесь, затаив дыхание! Как бьется сердце! Что она скажет, увидев его?

Первой, кого он встретил, входя в старый закопченный зал постоялого двора, была мамаша Трикар. Она узнала его, сказала, что он прекрасно выглядит, спросила, что его привело

сюда. Он покраснел и ответил, что едет по делам в Ланьон и заехал повидать ее. Старушка бросилась накрывать на стол, но он с благодарностью отказался. Казалось, что он ждет чего-то или кого-то. Открылась дверь, и он вскочил на ноги. Он не ошибся: это она! Он хотел заговорить и не смог. Кристина стояла перед ним улыбающаяся, но ничуть не удивленная. У нее было свежее розовое лицо, будто земляника в тенистом лесу. Она немного запыхалась от быстрой ходьбы, и грудь ее, в которой билось чистое девичье сердце, слегка вздымалась. В глазах цвета бледной лазури, напоминающих мерцающую гладь озер ее северной родины, отражалась ее детская душа. Под распахнутым меховым пальто угадывались гибкая талия и изящные линии юного грациозного тела. Рауль и Кристина долго смотрели в глаза друг другу. Мамаша Трикар понимающе улыбнулась и незаметно вышла. Наконец Кристина заговорила:

— Я знала, что вы приедете. У меня было предчувствие, что я встречу вас в этом доме, когда вернусь с мессы. Мне кто-то подсказал это там, в церкви. Да, мой друг, меня предупредили о вашем приезде.

— Кто же? — улыбнулся Рауль и взял в свои руки маленькую руку девушки, которую она не отняла.

— Мой покойный папа.

Наступило молчание. Потом Рауль продолжал:

— Отец говорил вам, Кристина, что я люблю вас и не могу без вас жить?

Кристина покраснела до корней волос и отвела глаза в сторону.

— Меня? Вы сошли с ума, — проговорила она дрожащим голосом.

— Не смейтесь, Кристина, это очень серьезно.

— Не для того я просила вас приехать сюда, — строго сказала она, — чтобы вы говорили подобные вещи.

— Вы просили меня?.. Ну да, вы знали, что ваше письмо не оставит меня равнодушным и я примчусь в Перрос. Значит, вы думали о том, что я люблю вас?

— Я думала, что вы вспомните о нашем детстве… и о моем отце. В сущности, я сама не знаю, о чем думала… Может быть, мне не следовало вам писать. Ваше внезапное появление в моей артистической в тот вечер унесло меня далеко-далеко в прошлое. И когда я вам писала, я вновь была той маленькой девочкой, которая очень хочет увидеть в минуту грусти и одиночества друга детства.

Снова наступило молчание. Что-то в поведении Кристины показалось ему неестественным, но он не мог понять, что именно. Однако враждебности он не чувствовал, скорее наоборот… Была какая-то нежность в ее глазах. Но почему в этой нежности угадывалась печаль? Он хотел знать это и уже начинал сердиться…

— Когда я пришел в вашу артистическую, вы впервые заметили меня, Кристина?

Она не умела лгать и ответила:

— Нет. Я не раз видела вас в ложе вашего брата. И еще на сцене, за кулисами.

— Я догадывался, — начал Рауль и прикусил губу. — Но почему же, когда вы увидели меня в своей уборной, у ваших ног, и вспомнили, что я — тот самый мальчик, который достал ваш шарф из моря, почему вы сделали вид, будто незнакомы со мной, и засмеялись?

Он проговорил все это таким суровым тоном, что Кристина молча, с удивлением посмотрела на него. Юноша сам был неприятно поражен собственными резкими словами и тотчас пожалел о них. Таким тоном мог бы говорить оскорбленный муж или любовник. Он рассердился на себя, на свою глупость, но единственным выходом из этого неловкого положения ему казалось принятое им решение быть грубым до конца.

— Вы молчите! — снова заговорил он, злой и несчастный. — Ну ладно, я сам отвечу за вас. Дело в том, что в комнате был кто-то, кто смущал вас; Кристина, перед кем вы не хотели показать, что знаете меня…

— Если это и было так, мой друг, — ледяным тоном прервала его Кристина, — если кто-то и смущал меня в тот вечер, так только вы сами, поэтому я и выставила вас за дверь.

— Да! Чтобы остаться с тем, другим!

— О чем вы? — удивилась девушка. — О каком другом вы говорите?

— О том, кому вы сказали: «Я пою только для вас! Сегодня я отдала вам всю душу!»

Кристина схватила руку Рауля и сжала ее с силой, какую он и не подозревал в этой хрупкой девушке.

— Вы подслушивали за дверью?

— Да, потому что люблю вас… Я все слышал.

— Что вы слышали? — Девушка неожиданно успокоилась и отпустила руку.

— Он сказал вам: «Ты должна любить меня».

При этих словах мертвенная бледность залила лицо Кристины, вокруг глаз ее выступили темные круги. Она покачнулась, Рауль подскочил к ней, подхватил ее, но Кристина уже пришла в себя и тихим, почти умирающим голосом произнесла:

— Скажите! Скажите, что вы слышали еще!

Рауль озадаченно посмотрел на нее, ничего не понимая.

— Говорите же! Не мучайте меня!

— Еще я слышал, как он вам ответил, когда вы сказали, что отдали ему душу: «Твоя душа прекрасна, дитя мое, и я благодарю тебя. Ни один король не получал такого подарка. Сегодня ангелы плакали».

Кристина прижала руку к сердцу и в неописуемом волнении пристально посмотрела на Рауля. В ее пронзительном неподвижном взгляде было безумие. Рауль испугался. Но вот глаза ее увлажнились, и по матовым щекам покатились две жемчужины, две тяжелые слезы…

— Кристина!

— Рауль!

Юноша хотел обнять ее, но она выскользнула из его рук и стремительно выскочила за дверь.

Пока Кристина сидела, запершись, в своей комнате, Рауль жестоко корил себя, но, с другой стороны, его терзала ревность. Если девушка так разволновалась, узнав, что ее тайна раскрыта, значит, это было для нее очень важно. Конечно, несмотря на то что он услышал, Рауль нисколько не сомневался в чистоте Кристины: во-первых, он знал ее безупречную репутацию, во-вторых, он был уже не ребенок и понимал, что артисткам порой приходится выслушивать назойливые признания в любви. Она ответила, что отдала всю свою душу, но, очевидно, она имела в виду только пение и музыку. Очевидно ли? Тогда откуда такое волнение? Боже мой, как он несчастен! Если бы только встретить того человека, тот мужской голос, уж он бы потребовал объяснений.

Почему убежала Кристина? И почему так долго не выходит?

От обеда он отказался. Он был в полном смятении и страдал от того, что эти часы, в которые он вложил столько сладостных надежд, проходили впустую, без юной шведки, которая даже не захотела прогуляться с ним по местам, пробуждавшим столько общих воспоминаний. И почему она не возвращается в Париж, ведь в Перросе делать ей больше нечего? Он узнал, что утром она заказала мессу за упокой души отца и несколько часов провела в молитвах в маленькой церкви и на могиле скрипача.

Грустный, снедаемый отчаянием, Рауль отправился на кладбище, окружавшее церквушку. Толкнул калитку и в одиночестве начал бродить среди могил, вглядываясь в надписи на плитах. Зайдя за апсиду, он сразу же узнал могилу старого Даэ по ослепительно ярким цветам, что печально лежали на гранитной могильной плите, свесив головки до белой, как саван, земли. Их аромат пронизывал этот заледенелый уголок бретонской земли. То были чудесные красные розы, которые, как будто по волшебству, распустились среди снега. Кусочек жизни в стране мертвых — ведь смерть здесь была повсюду. Смерть вылезала из земли, которая, казалось, исторгала из себя останки, которые уже не могла вместить. У стены церкви были навалены скелеты и черепа — сотни и сотни костей, — поддерживаемые железной проволокой. Черепа,

сложенные в кучу, как кирпичи, укрепленные через определенные интервалы ослепительно белыми костями, казалось, образуют фундамент, на котором построены стены ризницы. Дверь ее открывалась в самой середине этого храма из костей, как это бывает в старых бретонских церквях.

Рауль помолился за старого Даэ, потом, провожаемый вечными улыбками мертвых черепов, покинул кладбище, поднялся на холм и присел на краю пустынной равнины, которая спускалась к морю. Злой ветер гулял по песчаному берегу и свирепо гонялся за робкими отсветами ускользающего дня, от которого вскоре осталась только узкая бледная полоска на горизонте. Тогда ветер затих. Наступил вечер. Рауля окутывали холодные тени, но холода он не чувствовал. Его мысли бесцельно бродили по пустынным песчаным дюнам и были полны воспоминаниями. Вон там, на том месте, когда опускались сумерки, они с Кристиной часто смотрели, как танцуют феи, а в темном небе тем временем вставала луна. По правде говоря, он никогда не видел никаких фей, хотя имел хорошее зрение. Кристина же, будучи чуточку близорукой, утверждала, что видит их. Он улыбнулся при этой мысли, потом неожиданно вздрогнул. Рядом с ним, неизвестно откуда, бесшумно появилась человеческая тень и послышался голос:

— Вы думаете, что феи придут сегодня вечером?

Это была Кристина. Он хотел заговорить, она прикрыла ему рот рукой в перчатке.

— Выслушайте меня, Рауль, я хочу вам сказать что-то важное, очень важное.

Голос ее дрожал. После недолгой паузы она продолжала:

— Вы помните, Рауль, легенду об ангеле музыки?

— Еще бы не помнить! Ее рассказывал нам ваш отец.

— Вот на этом самом месте он сказал мне: «Когда я буду на небесах, дитя мое, я пришлю его к тебе». Так вот, Рауль, мой отец на небесах, и этот ангел сошел ко мне.

— Я не сомневаюсь, — резко откликнулся юноша, так как ему показалось, что охваченная экзальтацией Кристина смешала воспоминание о своем отце со своим недавним триумфом.

Девушку неприятно удивило хладнокровие, с которым виконт де Шаньи воспринял известие о том, что ее посетил ангел музыки.

— Вы его слышали? — спросила она, приблизив свое бледное лицо так близко к лицу юноши, что он решил, что Кристина собралась поцеловать его, но она только заглянула ему в глаза.

— Я слышал, как вы пели в тот вечер: ни одно человеческое существо не может так петь, если только ему не помогает само небо. На земле нет профессора, который мог бы научить этому. Вы слышали ангела музыки, Кристина.

— Да, — торжественно заявила она. — В моей артистической уборной. Там он дает мне ежедневные уроки.

При этом голос ее был настолько проникновенным и странным, что Рауль озабоченно посмотрел на нее, как смотрят на человека, который несет невообразимую чепуху и верит в нее всеми извилинами своего больного мозга. Но она тут же отстранилась, вновь обратившись тенью, темным пятном в ночи.

— В вашей артистической уборной? — как эхо повторил он.

— Да, там я услышала его, и услышала не одна…

— Кто же еще его слышал?

— Вы, мой друг.

— Я? Слышал ангела музыки?

— Да. В тот вечер это был его голос, когда вы стояли за дверью. Это он сказал мне: «Ты должна любить меня». Но мне казалось, что слышу его только я. Поэтому можете представить мое удивление, когда я сегодня узнала, что и вы его слышали.

Рауль расхохотался. И тотчас ночь расступилась над пустынной равниной, и первые лучи лунного света упали на молодых людей. Кристина повернулась к Раулю, ее глаза, обычно такие мягкие и нежные, метали молнии.

— Почему вы смеетесь? Может быть, вы думаете, что слышали голос мужчины?

— Черт меня побери! — воскликнул юноша, у которого начали путаться мысли.

— И это вы, Рауль! Это вы говорите мне такие вещи! Мой друг детства! Друг моего отца! Я не узнаю вас. Что вы себе воображаете? Я — честная девушка, господин виконт де Шаньи, и не запираюсь с мужчинами в своей уборной. Если бы вы открыли дверь, вы бы увидели, что там никого нет.

— Это правда. Когда вы вышли, я открыл дверь и никого в комнате не нашел…

— Ну так что вы теперь скажете?

Виконт призвал на помощь все свое мужество.

— Тогда, Кристина, мне кажется, что над вами насмехаются.

Она вскрикнула и побежала прочь. Он поспешил за ней, но услышал гневное:

— Оставьте меня! Оставьте!

И она скрылась в ночи. Рауль вернулся на постоялый двор усталый, полный отчаяния и очень грустный.

Он узнал, что Кристина только что поднялась к себе и объявила, что не спустится к ужину.

— Не заболела ли она часом? — спросил юноша.

Хозяйка уклончиво отвечала, что, если она и больна, это не очень серьезно, и удалилась, пожимая плечами и жалея про себя молодых людей, которые растрачивают на пустые ссоры драгоценные часы, отведенные им Господом Богом на этой земле. Рауль ужинал один возле очага, и можете себе представить, что настроение у него было довольно мрачное. Потом в своей комнате он пробовал читать, затем лег в постель и попытался уснуть. Ни одного звука не доносилось из соседней спальни. Что делала Кристина? Спала ли она? А если не спала, о чем она думала? И о чем думал он? Вряд ли он мог бы сказать это. Разговор с Кристиной перевернул его душу. Он думал не столько о ней, сколько о том, что было вокруг нее, и это «вокруг» было настолько неясным, туманным и неуловимым, что он испытывал странное пугающее чувство.

Время будто остановилось: могло быть и одиннадцать часов ночи, и больше, когда он услышал отчетливые шаги в соседней комнате. Это были легкие, осторожные шаги. Неужели Кристина до сих пор не ложилась? Не отдавая отчета в своих действиях, юноша поспешно, стараясь не шуметь, оделся и стал чего-то ждать. Он сам не знал — чего. Его сердце едва не выпрыгнуло из груди, когда он услышал, как медленно повернулась на петлях дверь Кристины. Куда направилась она в столь поздний час, когда весь Перрос спит? Он неслышно приоткрыл дверь и в лунном свете разглядел белую фигуру девушки, проскользнувшую в коридор. Она спустилась по лестнице; он перегнулся через перила и вдруг услышал внизу голоса, но уловил только одну фразу: «Не потеряйте ключ». Это был голос хозяйки. Потом открылась и снова закрылась входная дверь. И все стихло. Рауль быстро вернулся в свою комнату и открыл окно. На пустынной дороге маячила одинокая белая фигура.

Второй этаж находился невысоко, и по дереву, протянувшему ему свои ветви, Рауль легко спустился на землю. Каково же было удивление доброй хозяйки, когда на следующее утро в дом занесли почти обледенелого юношу, скорее мертвого, нежели живого, и когда она узнала, что его нашли лежавшим на ступенях алтаря церквушки Перроса. Хозяйка поспешила сообщить эту новость Кристине, та быстро спустилась вниз и оказала бедняге помощь; через минуту он пришел в себя, и его глазам предстало прелестное лицо девушки.

Но что же произошло? Несколько недель спустя, когда драмой в Опере занялись всерьез, комиссар Мифруа беседовал с виконтом де Шаньи по поводу событий той ночи в Перросе, и вот что записано в материалах следствия (протокол № 150):

«*Вопрос.* Мадемуазель Даэ не видела, как вы спускались из своей комнаты таким странным путем?

Ответ. Нет, сударь, и еще раз нет. Однако я следовал за ней, даже не стараясь заглушить свои шаги. Я молил только об одном: чтобы она обернулась, заметила меня и узнала. Сейчас я понимаю, что вел себя недостойно, выслеживая ее. Но она, по-моему, вообще меня не слышала и не подозревала о моем присутствии. Она спокойно сошла с дороги, потом неожиданно стала подниматься на холм. Церковные часы пробили без четверти двенадцать, и мне показалось, что эти звуки подстегнули ее: она побежала не останавливаясь до самой двери церкви.

В. Дверь церкви была открыта?

О. Да, сударь, и это меня озадачило, но, кажется, совсем не удивило мадемуазель Даэ.

В. На кладбище никого не было?

О. Я никого не заметил. Я бы увидел, если бы кто-нибудь там был. Луна светила очень ярко, а снег делал ночь еще светлее.

В. Никто не мог прятаться за могилами?

О. Нет, сударь. Это небольшие надгробные плиты, скрытые под слоем снега, их почти не видно, только кресты торчат. А церковь прямо сияла, я никогда раньше не видел столька света ночью. Было очень красиво и очень холодно. Я в первый раз ходил на кладбище ночью и не знал, что такое можно увидеть — какой-то невесомый и неестественный свет.

В. Вы суеверны?

О. Нет, я верующий.

В. В каком вы были состоянии?

О. Честное слово, я был совершенно здоров и совершенно спокоен, хотя, признаться, необычное поведение мадемуазель Даэ сначала меня озадачило, но как только я увидел, как она вошла на кладбище, я решил, что она просто хочет исполнить какой-то обет, помолившись на отцовской могиле, и нашел это вполне естественным. Я только удивился, что она не слышала моих шагов, хотя снег сильно скрипел под ногами. Но она, очевидно, была поглощена своими мыслями. Поэтому я не стал беспокоить ее, и, когда она подошла к могиле отца, я остановился в нескольких шагах. Она опустилась на колени прямо в снег, перекрестилась и начала молиться. В этот момент часы пробили полночь. Двенадцатый удар еще звенел у меня в ушах, как вдруг она подняла голову, устремила взгляд в небесный свод и простерла руки к звездам; мне показалось, что она в экстазе, и я сам поднял голову вверх. Тогда все мое существо будто устремилось к чему-то невидимому, и тут из этого невидимого пространства полилась музыка. И какая музыка! Мы с Кристиной уже слышали ее в детстве. Но никогда на скрипке старого Даэ ее не исполняли с таким божественным совершенством. В эти минуты мне вдруг пришло на память то, что Кристина рассказывала об ангеле музыки, и я действительно подумал, что если эти звуки не сошли с небес, тогда я ничего не понимаю — на земле они родиться не могли. Здесь нет такой скрипки и такой руки, которая могла бы водить по ней смычком. О, я помню эту чудную мелодию! Это было «Воскрешение Лазаря», которое старый Даэ играл нам в минуты печали и вдохновения. Если и существует ангел Кристины, он не смог бы сыграть лучше в ту ночь на скрипке покойного музыканта. Я словно услышал глас Христа и, клянусь, ждал, что вот-вот приподнимется надгробный камень на могиле отца Кристины. Потом я подумал, что Даэ похоронили вместе с его скрипкой, и, честное слово, я не понимаю до сих пор, что из происходящего в ту скорбную и сияющую ночь на крохотном провинциальном кладбище, рядом с мертвыми головами, которые скалились своими неподвижными черепами, было вызвано моим воображением, а что существовало независимо от него. Но музыка прекратилась, я пришел в себя, и мне показалось, что я услышал какой-то шум в куче черепов.

В. Ага! Значит, вы слышали шум в груде костей?

О. Не то чтобы шум, но мне показалось, что черепа смеются, и я вздрогнул.

В. Вы не подумали, что за этой грудой мог спрятаться искусный музыкант, который очаровал вас?

О. Именно об этом я и подумал, господин комиссар, и даже забыл о существовании мадемуазель Даэ, которая тем временем поднялась и спокойно пошла к выходу с кладбища. Она была в таком состоянии, что даже не заметила меня. А я не мог пошевелиться и не спускал глаз с груды костей, решив до конца выяснить, что же все-таки там происходит.

В. А что было до того, как вас нашли утром полумертвого на ступеньках алтаря?

О. Все произошло очень быстро и неожиданно. К моим ногам скатился череп, за ним второй… третий… Как будто ко мне летели шары в какой-то загробной игре. Мне показалось, будто чье-то неосторожное движение разрушило пирамиду из костей, за которой скрывался таинственный музыкант. Тут я заметил тень, скользнувшую по сверкающей стене ризницы. Я бросился туда. Тень проскользнула в церковь. Я последовал за ней. Тень была в пальто! Я схватил ее за рукав. В этот момент мы были перед алтарем, и лунный свет через большой витраж апсиды падал прямо на нас. Тень оглянулась, и я увидел, господин следователь, — вот как вижу сейчас вас, — я увидел ужасный череп, который смотрел на меня глазами, горящими адским огнем. Мне показалось, что передо мной сам Сатана, и при виде этого существа из загробного мира мое сердце не выдержало, и я больше ничего не помню; не помню, как оказался в своей комнате на постоялом дворе».

VII
Посещение ложи № 5

Мы расстались с Фирменом Ришаром и Арманом Моншарменом в тот момент, когда они решили нанести визит в ложу № 5.

Они спустились по широкой лестнице, которая ведет из дирекции к сцене и к ее помещениям; прошли через сцену, через вход для посетителей лож, потом, минуя первый коридор слева, вошли в зал. Между рядами кресел партера остановились и посмотрели оттуда на ложу № 5. Она была погружена в полумрак, виднелись только огромные чехлы, наброшенные на красный бархат перил.

В эту минуту они были совсем одни в громадном сумрачном пространстве и их окружала глубокая тишина. Был тот час, когда рабочие сцены уходят перекусить и выпить.

Бригада покинула подмостки, оставив наполовину установленную декорацию; редкие полоски света — мертвенно-бледного и мрачного, казавшегося отблеском умирающей звезды, — проникали неизвестно откуда и падали на старую башню, которая вздымала посреди сцены свои картонные зубчатые стены; все вещи в полумраке этой искусственной ночи или, скорее, этого обманчивого дня приобретали странно искаженные формы. Полотно, наброшенное на кресла партера, напоминало бурное море, вдруг застывшее по мановению руки повелителя бурь, которого, как известно, зовут Адамастор. Моншармен и Ришар казались двумя матросами, потерпевшими кораблекрушение в этом неподвижном море из крашеного полотна и плывущими к берегу. Они продвигались к левым ложам. В сумраке возвышались восемь больших колонн, которые казались волшебными столбами, подпирающими угрожающе наклонившуюся, готовую рухнуть скалу, основанием которой служили округлые балконы первых, вторых и третьих лож. Сверху, с самой вершины скалы, затерянной в медно-желтом небе, смотрели вниз загадочные фигуры, они гримасничали, посмеивались, издевались над Моншарменом и Ришаром. Впрочем, в обычное время это были вполне серьезные лица. Они звались: Изида, Амфитрита, Геба, Флора, Пандора, Психея, Фетида, Помона, Дафна, Галатея, Аретуза. Да, и Аретуза, и Пандора, всем известная своим злополучным ящиком, взирали на новых директоров Оперы, которые в конце концов, казалось, ухватились за какой-то обломок и теперь молча уставились на ложу № 5. Предполагаю, что оба чувствовали себя не в своей

тарелке. Во всяком случае Моншармен признается, что на него эта атмосфера произвела жутковатое впечатление. Вот что он пишет:

«Этот вздор насчет Призрака Оперы, которым нас потчевали с самого первого дня, когда мы заменили Полиньи и Дебьена, в конце концов повлиял на мое воображение и, если уж на то пошло, на зрение тоже, потому что — возможно, виной тому были декорации, среди которых мы находились в этой невыносимой тишине, или полумрак в зале — я увидел в ложе № 5 какую-то фигуру. Ришар тоже увидел ее, но ничего не сказал, и мы инстинктивно взялись за руки. Подождали несколько минут, не двигаясь, устремив глаза в одну точку, но фигура исчезла. Тогда мы вышли и, оказавшись в коридоре, обменялись впечатлениями. Однако впечатления наши не совпадали. Я увидел что-то вроде черепа, лежавшего на бортике, а Ришар заметил силуэт женщины, похожей на мамашу Жири. Поэтому мы решили, что все это нам померещилось, и, не сговариваясь, с хохотом побежали в ложу № 5. Вошли в нее и никого там не увидели».

Это была ложа как ложа, как все остальные, и ничем не отличалась от своих соседок.

Моншармен и Ришар, веселясь и подсмеиваясь друг над другом, принялись обшаривать всю мебель, приподнимать чехлы, переворачивать кресла, обратив особое внимание на то, в котором обычно сидел «голос». Однако оно оказалось обыкновенным добротным креслом, в котором не было ничего сверхъестественного. Короче говоря, это была самая рядовая ложа с красным ковром на полу, с красной же обивкой по стенам, с креслами и перилами, обитыми красным бархатом. С величайшей тщательностью ощупав ковер и не обнаружив ничего подозрительного, они спустились в бенуар, расположенный ниже ложи № 5 рядом с первым левым выходом из оркестровой ямы, но и там не нашли ничего заслуживающего внимания.

— Эти негодяи попросту насмехаются над нами! — вскричал Фирмен Ришар. — В субботу мы оба будем слушать «Фауста» в ложе номер пять.

VIII
Глава, в которой Ришар и Моншармен осмеливаются дать «Фауста» в проклятом зале и становятся свидетелями невероятного события

Однако в субботу утром в своем кабинете директора нашли очередное письмо от П. О. следующего содержания:

«Уважаемые директора!

Итак, вы объявили мне войну? Если вы еще хотите мира, вот вам мой ультиматум. Он заключается в четырех пунктах:

1. *Верните мне мою ложу; я желаю, чтобы начиная с этого момента она была в моем полном распоряжении.*
2. *Партию Маргариты сегодня будет петь Кристина Даэ. Насчет Карлотты не беспокойтесь: она заболеет.*
3. *Я рассчитываю на услуги мадам Жири, своей билетерши, которую вы немедленно восстановите на работе.*
4. *Передайте мне через мадам Жири письменное уведомление о том, что вы, по примеру ваших предшественников, принимаете мои условия, включая пункт о ежемесячном содержании. Позже я дам вам знать, в какой форме будет происходить выплата.*

В случае вашего отказа представление «Фауста» нынче вечером будет проходить в ***проклятом зале****.*

С приветом
П. О.»

— Как он мне надоел! — взревел Ришар, потрясая кулаками и с грохотом опуская их на стол.

В это время зашел администратор Мерсье.

— С вами хочет поговорить Лашеналь. Дело, кажется, срочное, и он чем-то потрясен.

— Кто такой Лашеналь? — нахмурился Ришар.

— Наш старший берейтор.

— Как! Наш старший берейтор?

— Да, сударь, — объяснил Мерсье. — В Опере несколько берейторов, и Лашеналь у них старший.

— Чем же он занимается, этот берейтор?

— Руководит конюшней.

— Какой конюшней?

— Нашей конюшней, сударь, конюшней Оперы.

— Разве в Опере есть конюшня? Честное слово, впервые слышу! И где она находится?

— В подвалах, со стороны Ротонды. Это очень важная служба, ведь у нас двенадцать лошадей.

— Двенадцать! Но для чего столько?

— Для выездов в «Еврейке», «Пророке» и прочих операх нужны дрессированные лошади, которые не боятся сцены. Берейторы должны их обучать. А Лашеналь — большой мастер. Это бывший директор конюшен Франкони.

— Очень хорошо… Но что ему нужно?

— Не знаю. Но я ни разу не видел его в таком расстройстве.

— Пусть войдет.

Вошел Лашеналь, нервно постукивая по сапогу хлыстом.

— Добрый день, господин Лашеналь, — вежливо сказал Ришар. — Что у вас стряслось?

— Господин директор, я прошу вас выставить за дверь всю конюшню.

— Как! Сразу всю конюшню?

— Я имею в виду не лошадей, а конюхов.

— Сколько их у вас, господин Лашеналь?

— Шестеро!

— Шесть конюхов! Не слишком ли много?

— Столько назначило нам Министерство изящных искусств, — вставил Мерсье. — И все они — протеже правительства, так что я хотел бы знать…

— Плевал я на правительство! — отрезал Ришар. — Нам нужно не более четырех конюхов на двенадцать лошадей.

— Одиннадцать, — поправил старший берейтор.

— Двенадцать! — повторил Ришар. — Администратор сказал мне, что у нас их двенадцать.

— Было двенадцать, но с тех пор, как украли Цезаря, осталось одиннадцать!

И Лашеналь еще раз хлестнул себя по сапогу.

— Украли Цезаря?! — воскликнул администратор. — Цезаря! Белого коня для «Пророка»?

— Другого такого нет, — мрачно заявил Лашеналь. — Уж я-то за десять лет у Франкони достаточно повидал лошадей. Такого больше нет. И вот его украли.

— Как же так?

— Не знаю. И никто не знает. Вот поэтому я и прошу выгнать всех конюхов.

— А что они сами говорят?

— Несут какую-то чушь… Одни обвиняют актеров, другие — консьержа дирекции.

— Да я головой ручаюсь за консьержа! — возмутился Мерсье.

— Но все же, господин берейтор! — не выдержал Ришар. — У вас же должна быть какая-нибудь мысль…

— Конечно, мысль у меня есть, — твердо сказал Лашеналь. — И я вам выскажу ее. Для меня нет никакого сомнения… — старший берейтор подошел вплотную к директорам и прошептал, — …что это дело рук призрака!

Ришар подскочил на месте.

— Ага! И вы туда же!

— Но это же вполне естественно…

— Что вы несете, господин Лашеналь? Вы, старший берейтор!

— Я говорю то, что видел собственными глазами!

— Что вы видели, господин Лашеналь?

— Я видел вот так же близко, как вас, черную тень, которая ехала на белой лошади, как две капли воды похожей на Цезаря!

— И вы не бросились в погоню?

— Я бежал и кричал, господин директор, но они ускакали прочь и исчезли в темноте галереи.

Ришар поднялся:

— Ну ладно, вы можете идти, господин Лашеналь. Можете идти… Мы подадим на призрака в суд…

— И не забудьте выставить за дверь конюхов.

— Договорились. До свиданья, месье.

Лашеналь попрощался и вышел, а Ришар тут же взорвался:

— Увольте этого идиота!

— Он — друг комиссара правительства, — начал Мерсье.

— Кроме того, он приятель Лагренэ, Шолла и Пертюизэ — он с ними частенько пропускает стаканчик у Тортони, — они поднимут на ноги всю прессу, — добавил Моншармен. — Он всем расскажет эту историю о призраке, и нас засмеют. А если мы окажемся в глупом положении, нам — конец!

— Хорошо, давайте больше не будем об этом, — сдался Ришар, думая уже о чем-то другом.

В этот момент открылась дверь, за которой, очевидно, не было обычного цербера, потому что в кабинет вошла мадам Жири, потрясая письмом, и с ходу затараторила:

— Простите, извините, господа, но сегодня утром я получила вот это письмо от Призрака Оперы. Он пишет, что вы якобы должны мне…

Она осеклась на полуслове, увидев лицо Фирмена Ришара. Лицо это было ужасно. Почтенный директор Оперы кипел от ярости, которая пока выражалась лишь в ярко-красных пятнах, выступивших на серых щеках, и в сверкании глаз. Он молчал, так как не мог произнести ни слова. Но вдруг он зашевелился. Вначале он взмахнул левой рукой, отчего нелепая фигурка мадам Жири сделала резкий пируэт с поворотом, сопровождаемый отчаянным воплем, затем наступила очередь правой ноги, и след подошвы почтенного директора запечатлелся на черной тафте юбки, которая никогда не терпела подобного унижения.

Все произошло настолько быстро и неожиданно, что матушка Жири, оказавшись в коридоре, первую минуту стояла, будто оглушенная, и ничего не могла понять. Однако через минуту театр огласился возмущенными криками, неистовыми протестами и жестокими угрозами. Понадобилось трое рабочих, чтобы свести ее вниз, и еще двое жандармов, чтобы вывести на улицу.

А в это время Карлотта, которая жила в небольшом особняке на улице Фобур-Сент-Оноре, позвонила горничной, потребовала принести ей в постель почту и прочитала такую анонимную записку:

«Советую не выходить сегодня вечером на сцену, иначе случится непоправимое, нечто худшее, чем сама смерть».

Эта угроза была написана красными чернилами неуверенным, спотыкающимся почерком.

Прочитав записку, Карлотта потеряла аппетит. Она оттолкнула поднос, на котором горничная принесла горячий шоколад, села в постели и глубоко задумалась. Не первый раз она получала подобные послания, но ни одно из них не было таким угрожающим.

Она охотно, при любом удобном случае, рассказывала о тысячах козней и заговоров, о таинственных врагах, поклявшихся погубить ее. Однако при этом добавляла, что запугать ее не так-то просто.

Правда же заключалась в том, что если и были какие-то интриги, то плела их сама Карлотта против бедной Кристины, которая об этом даже не догадывалась. Карлотта не забыла и не простила Кристине ее триумфального выступления в тот вечер, когда та заменила ее в спектакле.

Узнав о горячем приеме, оказанном ее сопернице, Карлотта мгновенно излечилась от бронхита и приступа обиды на администрацию и больше не высказывала намерения уступить кому-нибудь свои роли. С тех пор она лезла из кожи вон, чтобы превзойти соперницу, и бросила в атаку на дирекцию полчища своих могущественных друзей и покровителей с тем, чтобы не дать Кристине повода для нового триумфа. Некоторые газеты, начавшие было воспевать талант Кристины, писали теперь только о славе Карлотты. Наконец, в самом театре знаменитая «дива» говорила о Кристине ужасные вещи и делала ей самые разные пакости.

Карлотта не имела ни души, ни сердца. Это был всего лишь безупречный в техническом отношении инструмент. В ее репертуаре были все партии, какие только может пожелать честолюбие большой артистки, начиная от опер немецких композиторов и кончая итальянцами или французами. Никто никогда не слышал, чтобы Карлотта сфальшивила или не сумела справиться с голосом при передаче трудного пассажа своего обширного репертуара. Короче, инструмент этот был очень мощный и исключительно точный. Но никто не сказал бы Карлотте слов, какие услышала от Россини мадемуазель Краусс, когда она спела для него на немецком языке арию из «Вильгельма Телля»: «Вы поете душой, девочка, и душа ваша прекрасна».

Где же была твоя душа, Карлотта, когда ты лихо выплясывала в притонах Барселоны? Где была она, когда позже ты пела циничные куплеты в парижских балаганах? Где была твоя душа, когда перед веселыми гостями очередного любовника звучал твой послушный инструмент, который с одинаковым совершенством воспевал возвышенную любовь и самую непристойную оргию? Если хоть когда-нибудь у тебя, Карлотта, была чистая душа, если ты ее просто потеряла, почему же вновь не обрела ее, когда становилась Джульеттой, Эльвирой, Офелией или Маргаритой? Ведь другие благодаря искусству и любви поднялись, очищенные, и из более глубоких пропастей…

Поразмыслив над угрожающим посланием, Карлотта встала.

— Ну что же, посмотрим, — проговорила она вслух, потом решительным тоном по-испански произнесла несколько замысловатых ругательств.

Первое, что она увидела, выглянув в окно, был катафалк. Погребальная карета и полученное письмо окончательно убедили ее в надвигавшейся опасности. Она вызвала к себе всех до одного своих друзей и вассалов, рассказала им, что нынче вечером, во время спектакля, состоится скандал, организованный против нее Кристиной Даэ, и объявила, что следует дать отпор этой маленькой негоднице и заполнить зал почитателями Карлотты, в которых, слава богу, недостатка не было.

Личный секретарь Ришара, который пришел справиться о здоровье «дивы», вернулся с уверенным ответом, что она чувствует себя отлично и вечером будет петь партию Маргариты, «даже если для этого надо будет встать со смертного одра». А поскольку секретарь от имени шефа порекомендовал ей — причем настоятельно! — поостеречься, не выходить на улицу и беречься сквозняков, Карлотта после его ухода связала эти странные советы с угрозами, содержавшимися в письме.

Было пять часов, когда она получила новое анонимное письмо, написанное тем же почерком, что и предыдущее. Оно было кратким:

«У вас насморк, и если вы благоразумны, вы поймете, что петь сегодня вечером — безумие».

Карлотта посмеялась, пожала роскошными плечами и пропела несколько гамм, что совершенно ее успокоило.

Ее друзья сдержали слово. Они все собрались на спектакль, однако напрасно искали в зале ужасных заговорщиков, с которыми им предстояло сразиться. Если не считать нескольких профанов и добропорядочных буржуа, на честных лицах которых читалось только желание вновь услышать музыку, которая уже давно завоевала их доверие, здесь были только завсегдатаи, чьи элегантные и изысканные манеры отвергали всякое подозрение в недобрых намерениях. Необычным было лишь присутствие Ришара и Моншармена в ложе № 5. Друзья Карлотты решили, что, возможно, господа директора также прослышали о предстоящем скандале и поэтому пришли на спектакль, чтобы потушить пожар, если только он разгорится, однако мы-то с вами знаем, что они думали лишь о призраке.

Великий дух миропорядка
Пришел и мною пренебрег.
Природа для меня загадка.
Я на познанье ставлю крест.

Знаменитый баритон Каролюс Фонта только успел бросить первый призыв доктора Фауста к силам ада, как Фирмен Ришар, который сидел в кресле призрака — правом в первом ряду, — наклонился к своему коллеге и самым беззаботным тоном поинтересовался:

— Тебе ничего не шепнул этот голос?

— Подождем, не будем торопиться, — в тон ему ответил Моншармен. — Спектакль только начался, а ты ведь знаешь, что призрак, как правило, является в середине первого акта.

Первый акт прошел благополучно, что, впрочем, не удивило сторонников Карлотты, потому что в этом акте Маргарита не поет. Что же касается директоров, когда занавес опустился, они обменялись лукавыми улыбками.

— Никого! — сказал Моншармен.

— Да, призрак запаздывает, — согласился Ришар.

— Как бы то ни было, — продолжал Моншармен, — зал неплохо смотрится для проклятого места.

Ришар молча указал на толстую даму вульгарного вида, одетую в черное, которая сидела в самом центре зала в окружении двух мужчин с деревенскими физиономиями в драповых рединготах.

— Это еще что за публика? — удивился Моншармен.

— Это моя консьержка со своим супругом и братом.

— Ты дал им билеты?

— Конечно. Она ни разу не была в Опере — сегодня в первый раз, а поскольку теперь ей придется приходить сюда каждый вечер, я хотел, чтобы она привыкла.

Моншармен не понял, и Ришар объяснил ему, что решил взять свою консьержку, которой он всецело доверял, на место мадам Жири.

— Кстати, насчет мадам Жири, — заметил Моншармен. — Ты знаешь, что она собирается подать на тебя жалобу?

— Кому? Призраку?

Опять этот призрак! Моншармен почти забыл о нем.

Неожиданно дверь ложи распахнулась, и вбежал испуганный режиссер.

— Что такое? — изумленно уставились на него директора, не ожидавшие увидеть его здесь посреди спектакля.

— Простите, но дело в том, что друзья Кристины Даэ устроили заговор против Карлотты. Она в ярости.

Ришар нахмурился, но в этот момент поднялся занавес, и директор досадливо махнул рукой. Когда режиссер удалился, Моншармен наклонился к Ришару.

— Разве у Даэ есть друзья?

— Да, — ответил тот и указал взглядом на первую ложу, в которой сидели только двое.

— Граф де Шаньи?

— Да, и он так настойчиво рекомендовал ее мне, что если бы я не знал, что он покровительствует Сорелли…

— А кто этот юноша рядом с ним?

— Его брат, виконт.

— Ему было бы лучше остаться дома: у него такой больной вид.

Сцена взорвалась веселым пением. Музыкой опьянения. Звоном бокалов.

Никто не пьет?
Притихло пенье?
Не слышно смеха?
Чур вас, чур!
Ребята просто загляденье,
А скисли хуже мокрых кур.

Студенты, горожане, солдаты, девицы и матросы весело кружились перед кабачком с вывеской, изображавшей Бахуса. Появился Зибель.

Кристина Даэ великолепно смотрелась в костюме «травести», который подчеркивал ее свежесть и соблазнительную беззаботную грацию. Сторонники Карлотты приготовились к тому, что вот-вот раздастся восторженная овация, которая и станет сигналом к боевым действиям противника. Однако этого не случилось.

А когда на сцену вышла Маргарита и спела всего лишь две строчки из своей партии во втором акте:

Я и не барышня и не мила,
Дойду без спутников домой, как шла.

Карлотту встретили оглушительными криками «Браво!». Это было настолько неожиданно и неуместно, что зрители, не посвященные в тайну, недоуменно переглянулись, но и второй акт прошел спокойно. Некоторые, очевидно, информированные лучше, решили, что скандал разразится во время исполнения «Кубка Фульского короля», и поспешили за кулисы предупредить Карлотту.

В антракте директора пошли разузнать насчет заговора, о котором сообщил режиссер, но скоро вернулись, пожимая плечами и чертыхаясь по адресу сплетников. С порога им бросилась в глаза коробка английских конфет, лежавшая на бархате перил. Они тут же опросили билетерш, но никто не мог объяснить, откуда и каким образом в ложе появились конфеты. Вернувшись в ложу, они увидели рядом с коробкой лорнет и обменялись долгим взглядом. Им было не до смеха. В их памяти всплыло все, что рассказывала мадам Жири, и вдруг они

почувствовали какое-то движение воздуха в ложе, похожее на сквозняк… Не проронив ни слова, они опустились в кресла.

Тем временем на сцене появился сад. С букетом роз в руке Кристина начала петь арию Марты и, подняв голову, вдруг заметила сидевшего в своей ложе виконта де Шаньи. Голос ее тут же изменился, зазвучал как-то неуверенно и глухо, задрожал от волнения.

— Странно, — обронил вслух один из друзей Карлотты. — В прошлый вечер она пела божественно, а сегодня спотыкается. Опыта нет, вот в чем дело.

Единая моя опора,
Услышь, услышь меня.

Закрыв лицо руками, виконт плакал. Граф, обычно холодный и сдержанный, сердито кусал усы и хмурил брови. То, что он, обычно прекрасно владевший собой, не мог скрыть охватившие его чувства, говорило о силе его гнева. И он действительно был в ярости. Он видел, в каком удрученном состоянии вернулся его брат из короткого таинственного путешествия, и случившийся после этого разговор отнюдь не успокоил графа, который, теряясь в догадках, попросил Кристину Даэ о встрече. Девушка, к его неприятному удивлению, ответила, что не может принять ни его, ни его брата, и он усмотрел в этом дьявольский расчет. Он не мог простить Кристине то, что она заставила Рауля страдать, более того — не мог простить Раулю, что тот страдает из-за Кристины. Все-таки напрасно он принял такое участие в этой девушке, тем более что прошлый ее триумф был полной для всех неожиданностью и, скорее всего, случайностью.

— Вот плутовка, — проворчал граф, гадая, на что рассчитывал этот северный ангел, не имевший, как говорили, ни друзей, ни покровителей.

Пряча за сложенными руками детские слезы, обильно лившиеся из глаз, Рауль думал лишь о письме, которое получил сразу после возвращения в Париж, в котором Кристина, предательски бросившая его в Перросе, писала:

«Дорогой мой друг, милый товарищ моего детства, наберитесь мужества и не пытайтесь больше встречаться со мной. Если вы хоть чуточку любите меня, сделайте это ради той, которая никогда вас не забудет… Особенно прошу никогда больше не приходить в мою артистическую. Речь идет о моей жизни. И о вашей тоже.

Ваша маленькая Кристина».

Размышления графа прервал гром аплодисментов. На сцену вышла Карлотта.

Действие в саду шло своим чередом.

Когда Маргарита закончила балладу о Фульском короле, раздались восторженные крики, а после арии о драгоценностях последовали громкие овации.

Ах, мне б такую парочку серег!
В них сразу кажешься гораздо краше.
Что толку в красоте природной нашей,
Когда наряд наш беден и убог.

С этого момента Карлотта, уверенная в своем голосе и своем успехе, уверенная в своих сидевших в зале друзьях, запела с опьяняющей страстью. Теперь это была уже не целомудренная Маргарита, а пылкая Кармен. Дуэт с Фаустом предвещал новый взрыв аплодисментов, когда вдруг произошло… нечто чудовищное!

Фауст опустился на колени и запел:

Твой милый рядом и мгновенно
Освободит тебя из плена.

Маргарита отвечала:

Ушам поверить я не смею.
Где он? Скорей к нему на шею!
Скорей, скорей к нему на грудь!

И в этот момент… в этот самый момент случилось, как я уже сказал, нечто невероятное.

Зал поднялся, подхваченный единым порывом. Оба директора в своей ложе не смогли сдержать крика ужаса… Зрители переглянулись, будто спрашивая друг у друга причину такого неожиданного явления… Лицо Карлотты выражало сильнейшую муку, в глазах горело безумие. Она только что допела фразу «Скорей, скорей к нему на грудь!», взяла дыхание для следующей и… застыла в оцепенении.

Из горла певицы, из этого совершенного инструмента, который еще ни разу не подводил Карлотту, из этого сложнейшего аппарата, которому для божественности недоставало лишь огня небесного — ибо только этот огонь потрясает и возносит души, — так вот, из этих уст выскочила… жаба!

Уродливая, отвратительная, мерзкая, скользкая, злобно квакающая жаба!

Как она туда попала? Как оказалась на языке? С согнутыми лапками, готовая прыгнуть еще выше, еще дальше, она выскочила прямо из гортани и… ква!

Ква! Ква! Ох, этот ужасный «квак»!

Вы, разумеется, понимаете, что жабу как таковую никто не видел, но — о, ужас! — ее все услышали. Квак!

Зал содрогнулся от отвращения. Никогда еще ни одна земноводная тварь, живущая в самых глухих болотах, не разрывала ночь более мерзким звуком.

В первый момент никто в это не поверил. Сама Карлотта стояла потрясенная, прижав руки к груди. Ударившая у ног молния удивила бы ее меньше, чем эта жаба, выскочившая изо рта. И кроме того, молния не нанесла бы ущерба ее чести, тогда как жаба, соскочившая с языка, обесчещивает певицу навсегда. Некоторые умирали после подобного испытания.

Да и кто мог поверить в такое?.. Она прекрасно спела «Скорей, скорей к нему на грудь!». Пела она, как всегда, без усилий, с такой легкостью, с какой вы обычно произносите: «Добрый день, мадам, как вы себя чувствуете?»

Мы не собираемся отрицать, что есть самонадеянные певицы, которые, обуреваемые гордыней и не рассчитав своих возможностей, стремятся достичь голосом высот, недоступных им с самого рождения. Тогда природа в наказание посылает им жабу, которая с противным кваканьем выскакивает у них изо рта. Это всем известно. Но кто же мог подумать, что Карлотта с ее голосом, покрывающим по меньшей мере две октавы, «выдаст жабу»?

Разве можно забыть ее пронзительные контр-фа, ее незабываемые стаккато в «Волшебной флейте»? Многие до сих пор вспоминают «Дон Жуана», где она пела Эльвиру, и эта партия стала оглушительным триумфом, благодаря потрясающему си-бемолю, на который оказалась неспособна даже донна Анна. Что же тогда означало кваканье, и могла ли сама певица поверить своим ушам?

В этом было что-то неестественное, какое-то колдовство. Эта жаба пахла паленым. Бедная, несчастная, уничтоженная Карлотта!..

Шум в зале возрастал. Если бы на месте Карлотты оказалась другая певица, ее бы освистали, но зрители знали и любили Карлотту и теперь были ошеломлены и испуганы. Точно такой ужас они испытали бы, если бы стали свидетелями катастрофы, уничтожившей руки Венеры Милосской.

Только через несколько секунд Карлотта осознала, что с ее губ слетела чудовищная нота, но можно ли назвать это нотой? И вообще, можно ли назвать это звуком? Ведь звук — это все-таки из области музыки. А это был какой-то адский скрип, и Карлотта отчаянно молила Бога, чтобы это оказалось мимолетным обманом слуха, а не вероломным предательством совершенного инструмента ее голоса.

Она бросала по сторонам отчаянные взгляды, как будто искала убежища, защиты, а может быть, подтверждения того, что голос не изменил ей. Прижав к груди стиснутые пальцы, она стояла и не верила, что действительно услышала это кваканье. Сам Каролюс Фонта не верил в это; он стоял рядом, с глупым видом уставившись на губы Карлотты, как глядят малые дети в бездонную шляпу фокусника. Неужели такой красивый рот мог исторгнуть такое чудовище?

Несколько секунд продолжалась немая сцена, несколько секунд, показавшихся вечностью обоим побледневшим директорам, сидевшим в ложе № 5. Этот в высшей степени необъяснимый эпизод наполнил их сердца мистическим ужасом, тем более что они находились в ложе призрака и уже несколько минут ощущали его присутствие.

Они почувствовали его дыхание, и от этого дыхания зашевелились редкие волосы на голове Моншармена. Ришар прикладывал к потному лбу носовой платок. Да, призрак был где-то здесь: вокруг них, позади них, рядом с ними; даже не видя призрака, они его чувствовали, слышали его дыхание. Совсем рядом. Невозможно не почувствовать чье-то близкое присутствие. Теперь они были уверены, что в ложе их трое… Их била дрожь, подмывало бежать. Но они не смели пошевелиться и даже произнести хоть слово, боясь, что их услышит призрак. Что же будет дальше?.. А дальше снова раздался квакающий звук. Перекрывая шум в зале, послышалось одновременное восклицание директоров, исполненное ужаса. В спину им дышал призрак, а они, опершись грудью на перила, с изумлением смотрели на Карлотту, словно не узнавали ее. Из самых недр певицы, как из преисподней, раздался сигнал, предвещающий ужасную беду. Теперь они уже не сомневались: катастрофа надвигается, ее обещал призрак. Зал проклят! И оба директора мелко-мелко дрожали в ожидании чего-то страшного и неминуемого.

— Что же вы! Продолжайте! — услышал зал сдавленный голос Ришара.

Карлотта сделала над собой героическое усилие и снова нерешительно, осторожно начала роковой куплет.

Шум в зале сменился напряженным молчанием. И звенящее от напряженного ожидания пространство снова заполнил голос Маргариты:

Ушам поверить я не смею…

Зал затаил дыхание.

Где он? Скорей к нему на шею! Ква!
Ква!.. Скорей, скорей к нему на грудь… Ква!

Жаба опять была здесь.

В зале разразилась настоящая буря. Откинувшись на спинку кресел, Ришар и Моншармен боялись оглянуться. А в затылок им смеялся призрак! И вот в правом ухе у обоих отчетливо прозвучал голос:

— Сегодня она поет так, что не выдержит и люстра!

Оба одновременно подняли глаза к потолку и испустили жуткий вопль: люстра — огромная сверкающая масса — надвигалась на них. Она качнулась и словно зависла над оркестровой ямой. Началась страшная суматоха. Мое перо не в силах описать это ужасное происшествие, скажу только, что было много раненых и один убитый.

Люстра грохнулась прямо на голову несчастной консьержки, которая пришла в тот вечер в Оперу впервые в своей жизни и которую господин Ришар прочил на место мадам Жири.

Смерть наступила мгновенно, а на следующий день одна из газет вышла с крупным заголовком на первой странице: «ДВЕСТИ КИЛОГРАММ НА ГОЛОВУ КОНСЬЕРЖКИ!» Такой некролог заслужила бедная женщина.

IX
Таинственный экипаж

В тот трагический вечер пострадали многие. Карлотта слегла в постель. Кристина Даэ исчезла после представления. Прошло две недели, а ее никто не видел ни в театре, ни за его пределами.

Не следует путать это первое исчезновение с тем знаменитым похищением, которое случилось гораздо позже при непонятных и драматических обстоятельствах.

Рауль первый встревожился отсутствием Кристины. Он написал ей на адрес госпожи Валериус, но так и не получил ответа. Вначале он не очень беспокоился, зная, в каком состоянии была девушка, и помня, что она решила порвать с ним всякие отношения, хоть и не догадывался, почему.

Однако с каждым днем тревога его возрастала, и в конце концов он начал беспокоиться всерьез, не находя ее имени в программе. Однажды во второй половине дня он зашел в театр справиться о причине отсутствия Кристины Даэ и нашел обоих директоров в удрученном состоянии. Их не узнавали даже близкие друзья: с пустыми глазами они слонялись по театру, понурив головы, нахмурив брови, словно преследуемые какой-то неотвязной мыслью.

Падение люстры повлекло за собой большие неприятности, но оба — Моншармен и Ришар — дружно избегали всяческих разговоров на эту тему.

Следствие пришло к выводу, что это был несчастный случай, что износилось подвесное устройство, что следить за этим должны были еще бывшие директора, хотя и с нынешних ответственность за катастрофу не снималась.

Следует заметить, что Ришар и Моншармен сильно изменились за это время, выглядели чрезвычайно рассеянными и загадочными, и некоторые стали подозревать, что господ директоров потрясло нечто более ужасное, чем падение люстры.

И вообще все в театре были какие-то раздраженные и нетерпеливые, что, пожалуй, не относилось только к мадам Жири, которая снова исполняла свои обязанности. Так что можете себе представить, как встретили виконта де Шаньи. Ему коротко ответили, что мадемуазель Даэ в отпуске. Шаньи спросил, сколько времени он продлится. И ему ответили, что это неизвестно и что девушка попросила отпуск по состоянию здоровья.

— Так она больна! — вскричал он. — Что с ней?

— Мы ничего не знаем.

— Разве вы не посылали к ней врача?

— Да нет, она, собственно, и не просила, и так как мы ей доверяем, то поверили на слово.

Все это показалось Раулю весьма странным; он вышел из Оперы во власти самых мрачных дум и решил во что бы то ни стало справиться о Кристине у госпожи Валериус. Он не забыл, что в своем письме Кристина решительно запрещала ему предпринимать любые попытки с ней увидеться, но все, что он видел на кладбище в Перросе и слышал за дверью артистической уборной, все, что рассказала ему Кристина в дюнах у моря, указывало на то, что здесь не обошлось без сознательного вмешательства каких-то неведомых сил, в которых, на его взгляд, было столько же дьявольского, сколько и человеческого. Экзальтированное воображение девушки, ее чистая нежная душа, непритязательное воспитание, состоявшее главным образом из сказок и легенд, постоянные думы об умершем отце и прежде всего то экстатическое состояние, до которого доводила ее музыка, — стоит только вспомнить сцену на кладбище! — все это, как

казалось Раулю, должно было стать благоприятной почвой для происков какого-нибудь коварного и бессовестного человека. Но чьей жертвой стала Кристина Даэ? Этот вполне естественный вопрос не давал покоя Раулю, когда он спешно отправился к госпоже Валериус.

Виконт был в душе поэт, любил музыку в самых заоблачных ее проявлениях, ценил старые бретонские сказки, в которых волшебные существа танцуют под луной, а больше всего любил он эту маленькую северную фею — Кристину Даэ; но в сверхъестественное он верил лишь настолько, насколько этого требовала от него христианская религия. Самая фантастическая история в мире не могла заставить его забыть о том, что дважды два будет четыре.

Что он узнает от госпожи Валериус? Он весь дрожал при одной мысли об этом, когда звонил в дверь маленькой квартирки на улице Нотр-Дам-де-Виктуар.

Ему открыла горничная, та самая, что в тот памятный вечер вышла из артистической уборной Кристины; она ответила, что хозяйка больна, лежит в постели и никого не принимает.

— Передайте ей мою визитную карточку.

Ждать пришлось недолго. Горничная вернулась и провела его в небольшую, довольно темную гостиную, будто наспех обставленную скромной мебелью, где на стенах напротив друг друга висели два портрета — профессора Валериуса и отца Даэ.

— Мадам просит прощения у виконта, — сказала служанка. — Она может принять вас только в своей комнате, потому что ей трудно ходить с ее больными ногами.

Минуту спустя Рауль вошел в комнату, где было почти совершенно темно, но он сразу различил в полумраке доброе лицо покровительницы Кристины. Волосы госпожи Валериус совсем побелели, но глаза остались молодыми; более того, никогда прежде ее взгляд не был таким чистым и по-детски доверчивым.

— Господин де Шаньи! — радостно проговорила она, протягивая к юноше обе руки. — Ах, само небо посылает вас к нам! Теперь мы сможем побеседовать о ней.

Последние слова довольно мрачно прозвучали для Рауля, и он тут же спросил:

— Мадам, где Кристина?

— Так ведь она со своим добрым гением, — спокойно ответила старушка.

— Каким еще добрым гением? — вскричал бедный Рауль.

— С ангелом музыки.

Потрясенный виконт де Шаньи рухнул на ближайший стул. Выходит, Кристина с ангелом музыки! Госпожа Валериус со своей постели улыбнулась ему, приложив палец к губам, призывая к молчанию. И добавила:

— Только не следует никому говорить об этом.

— Можете на меня рассчитывать, — ответил Рауль, сам не соображая, что говорит, потому что мысли его о Кристине, и без того беспокойные и разрозненные, путались все больше и больше, и ему показалось, что комната начинает кружиться вокруг него и этой славной женщины с седыми волосами, с глазами цвета бледно-голубого неба… «Можете на меня рассчитывать…»

— Знаю, знаю, — снова заговорила она с доброй улыбкой. — Подойдите же поближе, как тогда, в детстве. Дайте мне ваши руки, как тогда, в детстве, когда вы прибегали рассказать мне историю маленькой Лотты, которую услышали от папаши Даэ. Знаете, месье Рауль, я вас очень люблю. И Кристина тоже вас любит.

— …Она меня любит, — вздохнул юноша, с трудом собирая воедино свои мысли, путавшиеся теперь вокруг «доброго гения» госпожи Валериус, «ангела», о котором как-то уклончиво и загадочно говорила Кристина, мертвой головы, увиденной, будто в кошмарном сне, на ступенях алтаря в Перросе, а также «Призрака Оперы», чье имя он услышал однажды за кулисами от рабочих сцены, припоминавших таинственную гибель Жозефа Бюкэ.

— Откуда вы знаете, мадам, что Кристина любит меня? — тихо спросил он.

— Да она целыми днями только и говорила, что о вас!

— Правда?.. А что она говорила?

— Что вы объяснились ей в любви.

И старушка расхохоталась, обнажая свои удивительно сохранившиеся зубы. Рауль поднялся, и на его покрасневшем лице изобразилось страдание.

— Вы куда? Ну садитесь же. Неужели вы собираетесь уйти вот так, сразу? Не сердитесь, бога ради, что я смеюсь, и простите меня… В конце концов, не ваша вина, что так получилось. Ведь вы же думали, что Кристина свободна…

— Разве Кристина обручена? — спросил несчастный Рауль.

— Да нет же, нет! Вы знаете, Кристина не может выйти замуж, даже если бы захотела.

— Как! Я ничего об этом не знал. Но почему она не может выйти замуж?

— Из-за ангела музыки!

— Вы опять…

— Да, он запрещает ей.

— Запрещает? Ангел музыки запрещает ей выходить замуж?!

Рауль наклонился к госпоже Валериус, как будто собираясь укусить ее. Никогда и ни на кого не смотрел он более свирепым взглядом. Бывают моменты, когда чрезмерная наивность вызывает раздражение и даже ненависть. Именно такой казалась теперь Раулю наивность госпожи Валериус.

Она и не догадывалась, сколько злобы и муки было в обращенном на нее взгляде, и продолжала самым естественным тоном:

— Не то чтобы он запрещает… Он просто говорит, что если она выйдет замуж, то никогда больше не увидит его. Вот и все. И что он уйдет навсегда. А вы ведь понимаете, что она не может отпустить ангела музыки. Это вполне естественно.

— Да, да… — рассеянно откликнулся Рауль. — Это вполне естественно.

— Кстати, я думала, что Кристина сказала вам об этом, когда вы приехали в Перрос, где она проводила время со своим добрым гением.

— Так она была в Перросе со своим гением?

— Дело в том, что он назначил ей свидание там, на кладбище в Перросе, на могиле Даэ, и обещал сыграть ей «Воскрешение Лазаря» на скрипке ее покойного отца.

Рауль де Шаньи встал и произнес строгим и решительным голосом:

— Мадам, вы знаете, где он живет, этот гений?

Старушка, казалось, ничуть не удивилась таким словам. Она подняла глаза к потолку и ответила:

— На небе.

Такая простота и такая бесхитростная вера в гения, который по вечерам сходит с небес и посещает артистические уборные в Опере, сбила Рауля с толку. Теперь он начал понимать, в каком состоянии духа находилась бесхитростная девушка, воспитанная суеверным сельским музыкантом и доброй, осаждаемой видениями дамой, и вздрогнул при мысли о возможных последствиях.

— Кристина — честная девушка? — неожиданно спросил он.

— Клянусь спасением моей души! — воскликнула старушка, не на шутку оскорбившись. — И если вы в этом сомневаетесь, сударь, тогда уж и не знаю, зачем вы сюда пришли.

Рауль нервно затеребил перчатки.

— Давно она знакома с этим «гением»?

— Примерно три месяца… Да, три месяца назад он начал давать ей уроки.

Виконт в отчаянии развел руками и бессильно уронил их.

— Так, значит, он дает ей уроки! И где же это происходит?

— Я не знаю, где теперь, но две недели назад это было в артистической Кристины в театре. В моей квартирке это невозможно. Их услышал бы весь дом. А в Опере в восемь утра никого нет, никто их не беспокоит. Вы ведь понимаете…

— Еще бы! Еще бы не понять! — вскричал Рауль и поспешно распрощался со старой женщиной, которая, покачав головой, подумала, уж не рехнулся ли случаем молодой виконт.

Проходя через гостиную, Рауль столкнулся с горничной, на какой-то миг ему пришла мысль расспросить ее обо всем, но он заметил на ее губах легкую, почти незаметную усмешку, и промолчал. Разве недостаточно того, что он узнал, с горечью подумал он, выходя на улицу. До дома брата Рауль брел пешком, и вид у него был потерянный и жалкий.

Ему захотелось сделать себе больно, биться лбом о стены… Так доверять ее невинности и чистоте, поверить с такой наивностью и с такой простотой в девичью непорочность… Гений музыки! Теперь-то он знает, кто это! Он наверняка его видел! Ясно как день, что это какой-нибудь смазливый тенор, который завывает неестественным голосом. «Ах, несчастный, незадачливый, раздавленный, молодой и глупый виконт де Шаньи! — бичевал себя Рауль. — А она — ловкая и дьявольски хитрая бестия!»

Прогулка по городу пошла ему на пользу и несколько остудила его ярость. Оказавшись у себя в комнате, он хотел лишь одного — броситься на кровать и разрыдаться. Но пришел брат, и Рауль кинулся ему на грудь, как обиженный ребенок. Граф по-отечески утешил его и не спросил объяснений, да и вряд ли Рауль рассказал бы ему эту глупую историю о «гении музыки». Есть на свете вещи, которыми не хвастаются, существуют и такие, жаловаться на которые слишком унизительно.

Граф решил повести брата на обед в кабаре. Рауль был в отчаянии и, быть может, отказался бы от приглашения, если бы граф, чтобы окончательно убедить его, не упомянул, что накануне вечером в Булонском лесу даму его сердца видели в весьма приятной компании. Поначалу виконт не поверил, но, получив очень убедительные подробности, перестал спорить и замолчал. Что, в конце концов, в этом удивительного? Ее видели в экипаже с опущенными стеклами, и она довольно долго дышала холодным ночным воздухом. Ярко светила луна, так что ошибиться было невозможно. Что же до ее спутника, то виден был лишь неясный силуэт, остававшийся в тени. Карета медленно ехала по пустынной аллее за ипподромом Лоншан.

Рауль одевался с лихорадочной поспешностью, пытаясь забыть обо всем и намереваясь броситься, как говорится, в вихрь удовольствий. Увы, он оказался не слишком веселым сотрапезником и, рано покинув брата, около десяти вечера уже сидел в экипаже, который медленно двигался позади трибун.

Стоял собачий холод. Аллея была пуста и ярко освещена лунным светом. Он велел кучеру оставаться на углу узкой боковой аллеи и, постаравшись спрятаться как можно тщательнее, стал ждать, слегка пританцовывая на одном месте, чтобы не замерзнуть окончательно.

Не прошло и получаса такой зарядки, как со стороны Парижа показалась карета, свернула на главную аллею и не спеша поехала в ту сторону, где стоял Рауль.

«Это она!» — подумал он сразу же, и сердце забилось часто и гулко, как в тот вечер, когда он услышал мужской голос за дверью артистической уборной… Бог ты мой! Как же он ее любит!

Экипаж приближался. Рауль ждал. Если это она, он бросится наперерез, остановит лошадей и непременно потребует объяснений у «ангела музыки».

Еще несколько шагов, и экипаж поравняется с ним. Он уже не сомневался — это она: внутри кареты был виден женский силуэт. И вдруг бледный луч лунного света упал на ее лицо.

— Кристина!

Он не смог сдержаться: благословенное имя вырвалось из его груди, и этот крик, брошенный в холодное лицо ночи, послужил сигналом к бешеному рывку — лошади промчали мимо, и он не успел остановить их. Стекло дверцы быстро поднялось, лицо женщины исчезло, а экипаж скоро превратился в черную точку на белой дороге.

Он снова позвал:

— Кристина!

Потом остановился, и все стало тихо.

Он отчаянным взглядом окинул небо, усеянное мерцающими звездами, ударил кулаком в свою пылающую грудь. Он любит — но не любим!

Долго и мрачно смотрел он в зябкую, неуютную аллею, в мертвенно-бледную ночь. Аллея была пуста, как и его сердце. Он любил в Кристине ангела, но теперь презирал земную женщину.

Как она насмеялась над ним, маленькая и коварная северная фея! Стоит ли иметь свежие щечки, такие стыдливые и ежеминутно готовые залиться краской целомудрия, чтобы проводить ночь в нескромной тесноте роскошной кареты, наедине с таинственным возлюбленным? Должны же быть какие-то границы, священные для самой гнусной лжи и лицемерия. Как эти ясные, по-детски чистые глаза уживаются с душой куртизанки?

Она не ответила на его зов…

Но по какому праву он встал на ее пути? На пути женщины, которая просила забыть ее.

«Уйди! Исчезни! Ты — лишний!»

И он в двадцать лет подумал о смерти… Утром слуга нашел его сидящим в постели. Он даже не раздевался, и слуга перепугался, увидев лицо хозяина. Рауль вырвал из его рук почту.

Он сразу узнал ее письмо: бумагу, почерк… Кристина писала:

«Друг мой, приходите послезавтра в Оперу на бал-маскарад. Будьте ровно в полночь в маленьком салоне за камином большого фойе. Встаньте у двери, ведущей в Ротонду. Никому на свете не говорите о нашем свидании. Наденьте белое домино и маску. Ради всего святого, сделайте так, чтобы вас не узнали. Кристина».

X
Бал-маскарад

На забрызганном грязью конверте не было марки. Только надпись карандашом: «Виконту Раулю де Шаньи лично» и адрес. Письмо, очевидно, подбросили в надежде, что какой-нибудь прохожий подберет его и принесет по адресу. Оно было найдено на тротуаре на площади Оперы.

Рауль лихорадочно прочитал его, и этого было достаточно, чтобы вновь обрести надежду. Образ коварной Кристины, забывшей о своем долге, забывшей и о себе и о нем, уступил место образу несчастной невинной девочки, жертвы собственной неосторожности и слишком большой чувствительности. Но в какой мере она была жертвой? Чьей пленницей она стала? В какую пропасть ее заманили?

Это были жестокие и мучительные вопросы, но что стоила эта мука рядом с безумием, в которое ввергала его мысль о лживой и лицемерной Кристине! Что же случилось? Какой монстр околдовал ее и каким образом?

Ну конечно же, все дело в музыке! Чем больше он об этом думал, тем больше в этом убеждался. Он вспомнил, каким тоном она сказала ему там, в Перросе, что ее посетил небесный посланник. Он не забыл отчаяния, которое овладело Кристиной после смерти отца, и того отвращения, которое она испытывала в ту пору ко всему на свете, даже к своему искусству. Она вышла из Консерватории бездушной поющей машиной и вот вдруг преобразилась, как будто ее коснулось божественное дыхание. Пришел ангел музыки! Она спела Маргариту и познала триумф. Ангел музыки!.. Так кто же стал для нее этим чудесным гением? Кто, узнав о легенде, столь милой сердцу старого Даэ, так жестоко использовал ее, кто превратил девушку в безропотный инструмент, послушный его воле?

Такие вещи случаются в жизни, и Рауль слышал об этом. Он слышал о том, что произошло с княгиней Бельмонте, когда она потеряла мужа. Ее горе перешло в глухое оцепенение, и целый месяц княгиня не могла ни говорить, ни плакать. Физическая и духовная

апатия бедной женщины возрастала, и жизнь постепенно, с каждым днем, покидала ее. Каждый вечер ее выносили в сад, однако она, казалось, даже не понимала, где находится. Рафф, величайший певец Германии, находившийся в Париже проездом в Неаполь, захотел посетить этот сад, славящийся своей красотой. Друзья княгини упросили артиста спеть, спрятавшись в рощице, где отдыхала больная. Рафф спел простенькую арию, которую княгиня часто слышала от своего мужа в первые годы их счастливого союза. Ария была выразительной и очень трогательной. Мелодия, слова, чудный голос — все это вместе стало толчком, который до самых потаенных глубин потряс душу княгини. Из глаз ее хлынули слезы. Она плакала, она была спасена: она навсегда осталась в убеждении, что ее супруг сошел с небес на землю, чтобы спеть для нее их любимую арию.

«Да, но это длилось только один вечер, — думал Рауль, — один-единственный вечер… Такое прекрасное видение не могло длиться дольше…» Она непременно обнаружила бы певца за кустами, бедная скорбящая княгиня Бельмонте, если бы каждый вечер, в течение трех месяцев, приходила в тот сад…

А ангел музыки три месяца давал уроки Кристине. Очень пунктуальный учитель… И вот теперь он прогуливается с ней в Булонском лесу.

Так, терзаясь и стискивая побелевшие пальцы, бедный Рауль терялся в догадках и спрашивал себя, для чего девушка пригласила его на бал-маскарад и какую роль ему уготовила. До каких же пор девица из Оперы будет насмехаться над благородным, неискушенным в любви юношей? Какая мука!

Эти размышления бросали Рауля из одной крайности в другую. Он уже не знал, жалеть Кристину или проклинать ее, и жалел и проклинал одновременно. Тем не менее он раздобыл себе белое домино, так, на всякий случай.

Наконец настал час свидания. С черной полумаской на лице, украшенной длинной широкой лентой, наряженный в нелепый белый балахон Пьеро, виконт отправился на бал, сгорая от стыда. Светский человек не надевает маскарадного костюма, когда отправляется на бал в Оперу, — его засмеют. Одна лишь мысль была ему утешением — надежда, что его не узнают. Кроме того, полумаска и белое домино давали ему немалое преимущество: Рауль мог чувствовать себя в безопасности от любопытных глаз и спрятать свою печаль. Впрочем, он мог обойтись и без маски, потому что ее заменяло его собственное лицо.

Этот бал — долгожданный праздник, который ежегодно устраивается в последние дни перед постом, — давался в этом году в честь дня рождения знаменитого рисовальщика, соперника Гаварни, чей карандаш сделал бессмертным денди, жившего в давние дни на улице Куртий. Именно поэтому он был веселым и менее скованным условностями, чем обычные балы-маскарады. Там собралось немало художников, пришедших вместе со своими натурщицами и мазилами-подмастерьями, которые к полуночи разошлись вовсю.

Рауль поднялся по парадной лестнице без пяти двенадцать и сразу окунулся в буйство ярких разноцветных костюмов, теснившихся на мраморных ступенях, среди самых роскошных декораций в мире; он избежал назойливых приставаний, не отвечая на шутки и отвергая фамильярность некоторых чересчур веселых гостей. Пройдя через большое фойе, где едва не попал в объятия исполнителей зажигательной фарандолы, он добрался до салона, который был указан в записке Кристины. Там было особенно людно, потому что это был перекресток, где назначали свидание те, кто собирался отправиться на ужин в Ротонду, и те, кто хотел побаловаться шампанским. Здесь царило необузданное веселье. Рауль отметил про себя, что Кристина не зря выбрала для их тайной встречи такую толчею, где под маской можно чувствовать себя надежно защищенным от нескромных глаз.

Он прислонился к стене возле двери и стал ждать. Ждать ему пришлось недолго. Мимо прошла фигура в черном домино и, не останавливаясь, быстро сжала ему кончики пальцев. Он понял, что это Кристина, и последовал за ней.

— Это вы, Кристина? — еле слышно спросил он.

Фигура в черном домино резко обернулась и приложила палец к губам, очевидно, умоляя не произносить ее имени.

Рауль молча шел следом, боясь снова потерять ту, кого любил больше всего на свете и на кого больше не сердился. Он уже не сомневался в том, что «ей не в чем себя упрекнуть», несмотря на странное и необъяснимое поведение. Он заранее был готов простить ее. Потому что любил. И верил, что она, конечно же, объяснит ему причину столь долгого отсутствия.

Время от времени фигура в черном оборачивалась, будто желая убедиться, что белое домино идет следом.

Когда Рауль, не теряя из виду своего проводника, опять проходил по главному фойе, проталкиваясь через экстравагантную, бесшабашно веселившуюся толпу, в глаза ему бросилась группа людей, окруживших человека, чей мрачный вид, странное поведение и оригинальный костюм привлекали всеобщее внимание.

Он был в ярко-красной одежде и в огромной шляпе с перьями, надетой на голый череп — имитацию, ничем не отличающуюся от оригинала. Восхищенные зеваки осыпали его комплиментами и спрашивали, в какой мастерской — не иначе как посещаемой Плутоном — ему изготовили и раскрасили такую прекрасную голову. Позировала, должно быть, сама «Безносая».

Человек с головой мертвеца, в шляпе с перьями и в пурпурных одеждах волочил за собой длинный шлейф из красного бархата, ярко пламеневший на паркете, а на спине у него золотыми буквами были вышиты слова, которые весело и громко повторяли окружающие: «НЕ ПРИКАСАТЬСЯ — КРАСНАЯ СМЕРТЬ!»

Кто-то попытался до него дотронуться, но тут же из пурпурного рукава высунулась костлявая рука, схватила смельчака за запястье, и тот, почувствовав холодное пожатие смерти, от которого, казалось, никогда не освободиться, испустил крик боли и ужаса. Через мгновение Красная Смерть отпустила его, и он с безумным видом исчез в веселящейся толпе. В этот миг жуткий персонаж повернулся в сторону Рауля, который едва не вскрикнул: «Мертвая голова из Перроса!» Он узнал ее! Он хотел броситься к человеку в красном, позабыв про Кристину, но неожиданно подоспевшая фигура в черном домино, которая, казалось, тоже была в страшном волнении, схватила его за руку и поспешно увлекла прочь из фойе, подальше от этого сатанинского веселья, где разгуливала Красная Смерть…

Черное домино поминутно оборачивалось и, как ему показалось, дважды заметило нечто, сильно его испугавшее, потому что оно ускорило шаг, продолжая тащить за собой Рауля, как будто за ними гнались.

Таким образом они поднялись на два этажа. Здесь лестницы и коридоры были почти пустынны. Черное домино толкнуло одну из дверей, они вошли, и Кристина — теперь он узнал ее по голосу — тотчас заперла ее за собой и шепотом велела Раулю отойти в дальний угол и не показываться. Рауль снял маску. Кристина свое лицо не открывала. Он хотел попросить ее сделать это, но вдруг с удивлением увидел, что она прижалась к стене, будто прислушиваясь к чему-то… Потом она приоткрыла дверь и, осторожно выглянув в коридор, произнесла еле слышным голосом:

— Должно быть, он поднялся выше…

И вдруг вскрикнула:

— Он спускается!

Она хотела закрыть дверь, но Рауль помешал ей, увидев, как на самую верхнюю ступеньку лестницы, ведущей наверх, опустилась сначала одна красная нога, потом другая… Медленно, как будто даже торжественно, сходила по ступеням фигура в пурпурной одежде с головой мертвеца, и Рауль снова узнал ту самую голову из Перрос-Гирека.

— Это он! — закричал виконт. — На этот раз он не уйдет!

Но Кристина успела захлопнуть дверь, прежде чем Рауль выскочил в коридор, и спросила сдавленным шепотом:

— О ком вы говорите?

Рауль довольно грубо попытался оттолкнуть девушку от двери, однако встретил неожиданно сильное сопротивление. Он все понял или ему показалось, что понял, и его охватила ярость.

— О ком?! Да о том самом, кто прячется под этой отвратительной маской мертвеца!.. Злой гений с кладбища в Перросе! Красная Смерть! Так вот кто ваш друг, мадам… Ваш «ангел музыки»! Я сорву с него маску, мы посмотрим друг на друга, лицо в лицо, и я узнаю, кого вы любите и кто любит вас…

Он разразился безумным смехом, а из-под маски Кристины послышался слабый стон.

Она жестом отчаяния протянула руки — хрупкий барьер из белой плоти, загораживающий выход.

— Во имя нашей любви, не выходите, Рауль.

Он остановился, будто парализованный. Что она говорит? Во имя их любви? Никогда, ни разу не говорила она, что любит его. Хотя удобных случаев было предостаточно. Как-то раз он стоял перед ней, несчастный, со слезами на глазах, вымаливая хоть слово надежды, которого так и не дождался… Она видела его больным и измученным, почти мертвым от ужаса и холода после той ночи на кладбище в Перросе. Разве пришла она ему на помощь в тот момент, когда он больше всего нуждался в этом? Нет! Она сбежала! И вот теперь говорит, что любит его. «Во имя нашей любви». Ничего подобного! Просто-напросто ей надо на несколько секунд задержать его, чтобы дать время ускользнуть Красной Смерти. Какая любовь? Все это ложь!

И не в силах сдержать ребяческий гнев, он бросил ей в лицо:

— Вы лжете, мадам! Вы меня не любите и никогда не любили! Надо быть таким круглым идиотом, как я, чтобы дать обвести себя вокруг пальца! Зачем же в тот день в Перросе своим поведением, своим сияющим взглядом, своим молчанием вы заронили надежду в мою душу? И, кстати, благородную надежду, мадам, потому что я считаю себя благородным человеком, а вас всегда считал честной девушкой и не думал, что вы хотите только насмеяться надо мной. Увы! Вы посмеялись над всеми! Вы самым бессовестным образом злоупотребили добротой вашей покровительницы, которая до сих пор продолжает верить в вашу искренность, хотя вы проводите долгие часы наедине с Красной Смертью. Я презираю вас!

И он заплакал. Она молчала, безропотно выслушивая упреки и думая только о том, как удержать его.

— Когда-нибудь вы будете просить у меня прощения, Рауль, за свои злые слова, и я прощу вас!

Он покачал головой:

— Нет! Нет! Вы сводите меня с ума… Подумать только: я мечтал дать свое имя какой-то девице из Оперы!..

— Рауль!.. Несчастный!

— Мне кажется, я сейчас сгорю со стыда и умру.

— Живите, друг мой, — строгим, прерывающимся голосом сказала Кристина. — И прощайте!

— Прощайте, Кристина.

— Прощайте, Рауль.

Юноша, пошатываясь, пошел к двери.

— Вы позволите мне иногда приходить поаплодировать вам? — саркастически спросил он у порога.

— Я больше не буду петь, Рауль…

— Ну, разумеется. — Ирония его возрастала. — У вас теперь есть другое занятие, с чем вас и поздравляю… Но, может быть, мы еще увидимся когда-нибудь в Булонском лесу.

— Ни в Булонском лесу, ни в каком другом месте вы больше меня не увидите, Рауль.

— По крайней мере, вы можете мне сказать, куда вы отправляетесь? В какой ад… или в какой рай?

— Я хотела сказать вам, мой друг, но теперь не могу… Вы мне не поверите, потому что потеряли веру в меня. Все кончено, Рауль.

Эти слова «все кончено» были сказаны с таким отчаянием, что юный виконт вздрогнул, почувствовав угрызения совести за свою невольную жестокость.

— Я вас умоляю! — воскликнул он. — Объяснитесь же, наконец! Вы свободны, вы прогуливаетесь по городу, надеваете маскарадный костюм и идете на бал. Почему же вы не возвращаетесь к себе домой? Чем вы занимались две недели? Что это за история с ангелом музыки, которую вы рассказали госпоже Валериус? Кто-то обманул вас, воспользовался вашей доверчивостью… Я сам видел в Перросе… Но теперь вы в своем уме, Кристина. Вы отдаете себе отчет в своих поступках… А госпожа Валериус продолжает ждать вас и все твердит про вашего «доброго гения»… Объясните, Кристина, умоляю вас! Что это за комедия?

Кристина сняла маску и сказала:

— Это трагедия, друг мой…

Рауль не мог удержаться от удивленного и испуганного возгласа. Он увидел смертельную бледность на этом лице, которое знал таким прелестным и нежным и которое теперь было искажено до неузнаваемости. Горькая складка нарушила его чистую гармонию, а прекрасные глаза, когда-то чистые и прозрачные, как озера, служившие глазами маленькой Лотте, теперь пугали таинственной, темной, бездонной глубиной и были окружены мрачной тенью.

— Любовь моя! Моя любовь! — простонал виконт, протягивая к ней руки. — Вы обещали простить меня…

— Может быть… Когда-нибудь, может быть. — Она снова надела маску и удалилась, коротким жестом остановив собравшегося было последовать за ней Рауля.

Он нерешительно шагнул вперед, но она обернулась и тем же царственно-повелительным движением руки пригвоздила его к месту.

Некоторое время он смотрел ей вслед. Потом спустился вниз и присоединился к веселящейся толпе, но ничего вокруг не видел. Сердце его разрывалось от отчаяния, в висках стучала кровь; пробираясь через зал, юноша то и дело спрашивал, не видел ли кто человека в костюме Красной Смерти. В ответ недоуменно пожимали плечами. Тогда он объяснил, что это — неизвестный с головой мертвеца и в широком красном плаще, и получил ответ, что Красная Смерть только что прошла здесь, волоча за собой королевскую пурпурную мантию. Но он так и не встретил ее и к двум часам ночи в полном изнеможении оказался за сценой в коридоре, ведущем к артистической уборной Кристины Даэ.

Ноги сами привели его к тому месту, где начались его страдания.

Он постучал в дверь. Ответа не было… Он вошел так же, как и в прошлый раз, когда разыскивал «голос». Артистическая была пуста. Ее тускло освещал газовый фонарь. На маленьком бюро лежала стопка бумаг. Рауль решил написать Кристине записку, но в эту минуту в коридоре послышались шаги… Он едва успел спрятаться в будуаре, который отделяла от комнаты только легкая занавеска. Дверь открылась. Вошла Кристина.

Он затаил дыхание. Он хотел видеть. Он хотел знать! Что-то подсказывало ему, что сейчас должно произойти событие, которое, возможно, рассеет туман таинственной неизвестности…

Кристина вошла, усталым жестом сняла маску, бросила ее на стол, тяжело вздохнула и села, обхватив руками свою прелестную головку. О чем она думала? О Рауле? Нет! Потому что он тут же услышал, как она прошептала:

— Бедный Эрик!

Сначала ему показалось, что он ослышался. Ведь ему казалось, что если кто-то заслуживает жалости, так это только он, Рауль. И было бы вполне естественным после всего, что произошло между ними, услышать из ее уст вздох: «Бедный Рауль!» Но она, покачивая головой, еще раз повторила:

— Бедный Эрик!

Зачем этот Эрик вторгся в мысли Кристины и почему маленькая северная фея сокрушалась об Эрике, когда так страдал несчастный Рауль?

Кристина, склонившись над столом, принялась писать — спокойно и деловито, и при этом вся ее фигура излучала такую безмятежность, что Рауль, который все еще дрожал от возмущения, был удивлен и раздосадован еще больше. «Какое хладнокровие», — с горечью подумал он… Между тем она писала, откладывая в сторону исписанные листки. Неожиданно она подняла голову и быстро спрятала написанное в корсаж… Казалось, она к чему-то прислушивается. Рауль тоже прислушался. Откуда доносится этот странный шум, этот далекий звук? Что-то вроде глухого пения, которое просачивается сквозь стену. Впечатление было такое, будто поют стены… Пение становилось все громче, слова — отчетливее… Вот уже хорошо слышен голос: красивый, нежный и в то же время мужественный, берущий за душу. Голос приближался, прошел сквозь стену, и вот он уже в комнате возле Кристины. Кристина встала и заговорила с ним, как будто перед ней был человек.

— Я здесь, Эрик, — сказала она. — И я готова. А вот вы опоздали, друг мой.

Рауль осторожно выглянул из-за ширмы и не поверил своим глазам: рядом с Кристиной никого не было.

Лицо девушки светилось радостью. На обескровленных губах играла слабая улыбка, улыбка выздоравливающего человека, который обретает надежду и верит, что болезнь уже не страшна ему.

Невидимый голос снова запел, и никогда в своей жизни Рауль не слышал ничего подобного: в этом голосе, на одном дыхании, почти на одной ноте, слились мощная всепобеждающая страсть и нега, торжествующее коварство, трепетная сила, настойчивая нежность и, наконец, ликование. Это были величавые звуки, которые уже самим фактом своего звучания должны возносить в небо души смертных, чувствующих, любящих и понимающих музыку. Это был чистый и незамутненный источник гармонии, к которому должны припадать посвященные, уверенные в том, что пьют из него квинтэссенцию музыки. И тогда их искусство, познавшее вдруг божественное начало, меняется неузнаваемо. Рауль жадно слушал этот голос и начинал понимать, каким образом Кристина Даэ в тот незабываемый вечер явила перед пораженной публикой невиданную до тех пор красоту звука и сверхчеловеческую экзальтацию, все еще находясь, без сомнения, под влиянием таинственного и невидимого учителя. Он понял всю значительность этого преображения только теперь, когда слышал этот неземной голос, поющий самые банальные слова, и увидел, каким образом из грязи, пошлости и банальности вырастают дивные цветы. Непритязательные стихи и простая мелодия превращались в красоту, преображенные вдохновением певца, уносившим их высоко в небо на крыльях страсти. Ангельский голос пел языческий гимн. Это была «Ночь Гименея» из «Ромео и Джульетты».

Рауль увидел, как Кристина протянула руки к «голосу» точно так же, как она тянулась на кладбище Перроса к невидимой скрипке, игравшей «Воскрешение Лазаря».

Судьба навек связала нас с тобой!..

У Рауля затрепетало сердце, и, стараясь не поддаться очарованию, которое, казалось, лишало его воли и энергии, почти лишало ясности мысли именно в тот момент, когда он больше всего в этом нуждался, он отодвинул ширму, скрывавшую его, и шагнул к Кристине. Она же, отойдя в глубь комнаты, где почти всю стену занимало большое зеркало, не могла видеть Рауля, который стоял за ее спиной.

Судьба навек связала нас с тобой…

Кристина медленно приближалась к своему отражению, и собственное лицо надвигалось на нее. Две Кристины — человек и отражение — коснулись друг друга, слились воедино, и Рауль неосознанным движением протянул руку, чтобы схватить обеих.

Но вдруг каким-то непостижимым образом Рауль был отброшен назад, он почувствовал на лице ледяное дыхание и увидел, что уже не две, а четыре, восемь, двадцать Кристин кружатся вокруг него с необычайной легкостью, насмехаются над ним и ускользают столь стремительно, что его рука натыкалась на пустоту. Наконец, застыв в неподвижности, он увидел в зеркале себя. Кристина исчезла.

Он бросился к зеркалу, но наткнулся на холодное стекло. Никого! А в артистической продолжал звучать далекий страстный голос:

Судьба навек связала нас с тобой…

Рауль прижал ладони к потному лбу, ощупал пустой сумрак, прибавил пламя газового фонаря. Он был уверен, что это ему не снится: он оказался втянутым в какую-то зловещую игру, смысла которой он не понимал и которая, возможно, его уничтожит, и чувствовал себя любопытным и неосторожным принцем, шагнувшим через запретный порог волшебной сказки и ставшим добычей колдовских чар, которые в конце концов он разрушит силой своей любви…

Но куда? Куда исчезла Кристина?

Откуда она появится вновь?

И появится ли она вообще? Увы! Разве она не сказала, что между ними все кончено! А сквозь стену доносилось по-прежнему:

Судьба навек связала нас с тобой…

Тогда, доведенный до изнеможения, побежденный, неспособный размышлять, он сел на стул, на котором только что сидела Кристина. И так же, как она несколько минут назад, уронил голову в ладони. Когда он поднял ее, юное лицо было залито слезами — настоящими крупными слезами, какими плачут обиженные ревнивые дети, слезами, которыми оплакивают горе, знакомое всем влюбленным на земле, и которое он высказал вслух.

— Кто же этот Эрик? — громко произнес он.

XI
Забыть имя «голоса»

На следующий день после того, как Кристина исчезла прямо на его глазах в какой-то ослепительной вспышке, заставившей его усомниться в собственном здравом уме, виконт де Шаньи отправился за новостями к госпоже Валериус и нашел в доме идиллическую картину.

В изголовье кровати старой дамы, сидевшей в постели с вязанием в руках, Рауль увидел Кристину, которая плела кружева. Никогда еще над девичьим рукоделием не склонялась более прелестная головка, более чистый лоб, более нежный взгляд. Щеки девушки обрели свежесть, исчезли синеватые тени вокруг ясных глаз. В ее лице уже не было вчерашнего трагического выражения. Если бы не легкая грусть, будто вуаль, наброшенная на прелестное лицо, как последний след невероятных событий, обрушившихся на бедную девушку, никто бы и не подумал, что Кристина имела к ним самое прямое отношение.

Она, как ни в чем не бывало, поднялась ему навстречу и протянула руку. Но Рауль был в таком сильном замешательстве, что остался стоять, будто громом пораженный, не в силах вымолвить ни слова.

— Что же вы, господин де Шаньи, — воскликнула матушка Валериус. — Разве вы не узнаете нашу Кристину? Добрый гений вернул ее нам.

— Матушка! — прервала девушка, и краска бросилась ей в лицо. — Мне кажется, не стоит больше говорить об этом. Вы же знаете, что нет никакого гения музыки.

— Девочка моя, однако же он давал тебе уроки целых три месяца!

— Матушка, я вам все объясню когда-нибудь… И вы обещали мне хранить молчание и не задавать пока никаких вопросов.

— Если бы ты только дала мне слово не покидать меня больше! Ты обещаешь, Кристина?

— Матушка, все это не интересно господину де Шаньи…

— Вот в этом вы ошибаетесь, мадемуазель. — Юноша попытался придать своему голосу твердости, но тот предательски дрожал. — Все, что касается вас, меня очень интересует, и когда-нибудь вы это поймете. Я не скрою, что удивлен не меньше, чем обрадован, найдя вас рядом с вашей приемной матушкой, хотя после всего, что произошло между нами вчера, что вы мне наговорили, я никак не ожидал такого поворота. И я буду несказанно рад, если вы не станете делать из этого тайны, ибо она может оказаться для вас роковой. Кроме того, я ваш старый друг, и меня, так же как и госпожу Валериус, серьезно беспокоят эти странные события, суть которых так и осталась для нас неведомой и которые таят в себе опасность, большую опасность для вас, Кристина.

При этих словах матушка Валериус беспокойно зашевелилась в своей постели.

— Что это значит? Неужели Кристина в опасности?

— Да, мадам, — заявил Рауль, не обращая внимания на предупреждающие знаки девушки.

— Бог ты мой! — простонала добрая и наивная старушка. — Ты должна все мне рассказать, Кристина! Почему ты все время успокаиваешь меня? А о какой опасности идет речь, господин де Шаньи?

— Ее доверчивостью злоупотребляет злой человек!

— Ангел музыки — злой человек?

— Она же сама вам сказала, что нет никакого ангела музыки.

— О, ради всего святого! — умоляющим голосом сказала старушка. — Вы убиваете меня!

— Знаете, мадам, вокруг Кристины, вокруг всех нас существует вполне земная тайна, которая гораздо опаснее, чем все призраки и все гении музыки, вместе взятые.

Матушка Валериус повернула к Кристине испуганное лицо, но та уже бросилась к своей приемной матери и заключила ее в объятия.

— Не слушайте его, матушка, не верьте ему, — повторяла она, стараясь успокоить ее своими ласками, потому что старая дама душераздирающе вздыхала.

— Тогда обещай, что никогда меня не оставишь! — взмолилась вдова.

Кристина промолчала, и Рауль сказал:

— Вы должны обещать, Кристина. Это единственное, что может нас утешить — меня и вашу матушку. Мы даем слово не задавать вам ни единого вопроса о прошлом, если вы обещаете впредь во всем полагаться на нас.

— Я вовсе не прошу вас о подобном одолжении, — гордо ответила девушка. — Я свободна в своих действиях, господин де Шаньи, и у вас нет никакого права следить за мной, так что прошу вас оставить этот разговор. Что же до того, чем я занималась эти две недели, знайте: только один человек в мире мог бы потребовать у меня отчета — мой муж! Но у меня его нет и никогда не будет!

Произнеся эту тираду, она вытянула руку в сторону Рауля как бы для того, чтобы придать своим словам больше торжественности, и Рауль побледнел — не столько из-за услышанного, сколько из-за того, что успел заметить на пальце Кристины золотое колечко.

— У вас нет мужа, и тем не менее вы носите обручальное кольцо!

Он хотел схватить ее за руку, но Кристина живо отдернула ее.

— Это подарок! — Она покраснела, безуспешно стараясь скрыть свое замешательство.

— Кристина! Если мужа у вас нет, значит, это кольцо подарил вам человек, который надеется им стать! Зачем обманывать меня? Зачем мучить? Это кольцо — предложение руки и сердца, и вы его приняли!

— И я то же самое говорила ей, — заволновалась старушка.

— А что она вам ответила, мадам?

— То, что сочла нужным! — в отчаянии воскликнула Кристина. — Вам не кажется, сударь, что этот допрос слишком затянулся? Что касается меня…

Рауль, крайне взволнованный, удержался от слов, которые могли привести к окончательному разрыву, и прервал ее:

— Простите меня за такой тон, мадемуазель. Вам хорошо известно, какое чувство вынуждает меня сейчас вмешиваться в дела, которые, разумеется, меня не касаются. Но позвольте мне сказать: все, что я видел, а я видел больше, чем вы можете предположить, Кристина… Или все, что мне привиделось? По правде говоря, в такой ситуации трудно поверить своим глазам…

— Что же вы видели, сударь, или что вам показалось?

— Я видел ваше возбуждение, когда вы слышали тот голос, Кристина! Голос доносился откуда-то из стены или соседнего помещения… Да, я видел это. И это страшит меня. Вы в большой опасности. И мне сдается, что вы сами понимаете это — понимаете всю опасность этого очарования, если сегодня говорите нам, что гения музыки не существует… Но зачем тогда вы пошли за ним? Зачем вы встали с таким сияющим лицом, как будто услышали ангелов? Да, этот голос очень опасен, Кристина, потому что я сам, пока слушал его, был настолько очарован, что даже не понял, каким образом прямо на моих глазах вы исчезли… Ах, Кристина! Кристина! Ради Бога, ради вашего отца, который смотрит на вас с небес и который так любил и вас и меня, скажите же нам: кому принадлежит этот голос? И мы спасем вас. Итак, как зовут того человека, Кристина? Того, кто осмелился надеть вам на палец кольцо?

— Господин де Шаньи, — холодно заявила девушка, — вы никогда этого не узнаете.

В этот момент послышался резкий голос матушки Валериус, которая неожиданно вступилась за Кристину:

— Знаете, господин виконт, если она любит того человека, так это вас не касается!

— Увы, мадам, — смиренно, со слезами на глазах ответил Рауль. — Увы! Я знаю, что Кристина любит его. У меня есть все доказательства, но не это приводит меня в отчаяние: просто я не уверен, что человек, которого она любит, достоин этой любви.

— Только мне судить об этом, сударь, — бросила в ответ Кристина, глядя прямо в глаза Раулю негодующим взглядом.

— Когда для того, чтобы соблазнить молодую девушку, используют столь романтические средства… — продолжал Рауль, чувствуя, что силы покидают его.

— То это непременно оттого, что мужчина подлец, а девушка непроходима глупа! — договорила Кристина.

— Кристина!

— Рауль, как вы можете судить о человеке, которого никогда не видели, о котором ничего не знаете?

— Вы ошибаетесь, Кристина. По крайней мере, мне известно его имя, которое вы так желаете скрыть. Вашего ангела музыки, мадемуазель, зовут Эрик!

И Кристина выдала себя… Она сделалась белой, как алтарное покрывало, и пробормотала:

— Кто вам это сказал?

— Вы сами.

— Когда?

— В тот вечер на костюмированном балу. Войдя в свою артистическую, вы произнесли: «Бедный Эрик!» И не знали, что вас слышит бедный Рауль.

— Значит, вы снова подслушивали за дверью, господин де Шаньи!

— Я был вовсе не за дверью! Я был в комнате!.. В вашем будуаре, мадемуазель.

— О, несчастный! — простонала девушка, вложив в этот стон весь свой ужас. — Несчастный! Вы ищете смерти?

— Может быть.

Рауль произнес это «может быть» с такой любовью и с таким отчаянием, что Кристина не смогла сдержать рыданий.

Потом она взяла его руки в свои и посмотрела ему в лицо со всей целомудренной нежностью, на какую была способна, и юноша почувствовал, что его злость проходит.

— Рауль, — сказала она. — Вы должны забыть об этом «голосе» и никогда больше не вспоминать его имя… И не пытайтесь узнать его тайну.

— Значит, здесь есть тайна?

— Ужасная тайна.

Тяжелое молчание повисло над молодыми людьми и разделило их. Рауль был подавлен.

— Поклянитесь, что вы ничего не предпримете, чтобы узнать, — настаивала она. — Поклянитесь, что больше не зайдете в мою артистическую, пока я сама вас не позову.

— Вы даете слово, что позовете меня, Кристина?

— Я вам обещаю.

— Когда же?

— Завтра.

— Тогда я клянусь!

Это были их последние слова в тот день. Он поцеловал ей руку и ушел, проклиная Эрика и обещая себе быть терпеливым.

XII
Над люками

На другой день они встретились в Опере. На ее пальце по-прежнему блестело золотое колечко. Она была тихой и какой-то умиротворенной. Когда она спросила его о планах на будущее, он рассказал, что полярная экспедиция должна отправиться раньше намеченного срока и что через три недели, самое позднее через месяц, он покинет Францию.

Она весело, с радостью заговорила об этом путешествии, сказала, что это будет его первый шаг к будущей славе. Когда же он ответил, что слава без любви не имеет для него никакой ценности, она назвала его ребенком и добавила, что все его неприятности скоро пройдут.

— Как вы можете, Кристина, с такой легкостью говорить о таких серьезных вещах? Возможно, мы никогда больше не увидимся. Я могу погибнуть во время этой экспедиции…

— Я тоже могу умереть, — просто сказала она.

Она больше не улыбалась и не шутила. Она казалась чем-то озабоченной, и вдруг ее глаза неожиданно загорелись, как будто она что-то вспомнила.

— О чем вы думаете, Кристина?

— Я думаю о том, что мы больше не увидимся.

— И эта мысль приводит вас в такой восторг?

— И что через месяц нам придется распрощаться… навсегда.

— Но мы можем обручиться и дать слово ждать друг друга.

Она прикрыла ему рот ладонью.

— Молчите, Рауль… Об этом не может быть и речи, вы же отлично знаете! И мы никогда не поженимся. Это решено!

Казалось, она с трудом сдерживает неожиданно охватившую ее радость, а когда она по-детски захлопала в ладоши, Рауль с беспокойством посмотрел на нее.

— Впрочем… — снова заговорила она и подала юноше обе руки, словно вдруг решила сделать ему подарок. — Впрочем, раз уж мы не можем пожениться, можно устроить хотя бы помолвку. И никто, кроме нас, не будет знать об этом, Рауль. Бывают же тайные браки, почему же не быть тайным помолвкам? Итак, решено: мы помолвлены, мой друг! Через месяц вы уезжаете, и я всю жизнь буду счастлива, вспоминая об этом месяце.

Эта мысль привела ее в восторг. Потом она снова стала серьезной.

— Это будет счастье, которое никому не принесет ничего плохого, — сказала она.

Рауль просиял и, преисполненный восторга, захотел немедленно осуществить ее идею.

Он склонился перед Кристиной с неожиданной для себя покорностью и воскликнул:

— Мадемуазель, я имею честь просить вашей руки!

— Да они обе уже у вас, дорогой мой жених… О Рауль, как мы будем счастливы!.. Мы будем играть в жениха и невесту.

«Погоди же! — подумал Рауль. — Не пройдет и месяца, как я заставлю тебя забыть об этом «голосе», а еще через месяц ты согласишься стать моей женой. А пока — да здравствует игра!»

Это была самая прекрасная игра в мире, и они отдавались ей, как малые дети, какими, в сущности, они и были. Ах, какую милую чушь говорили они друг другу! Какие произносили клятвы! Мысль о том, что через месяц эти клятвы ничего не будут значить, приводила их в замешательство, которым они наслаждались с каким-то извращенным восторгом, впадая то в беззаботный смех, то в слезы. Они играли в эту игру, как другие играют в мяч, только перебрасывали друг другу свои сердца, поэтому приходилось быть очень-очень ловкими и осторожными, чтобы не уронить их при этом. Однажды — шел восьмой день их обручения — сердце Рауля не выдержало, и юноша неожиданно заявил:

— Я не поеду на Северный полюс.

Кристина, которая по своей неопытности не думала о такой возможности, вдруг обнаружила всю опасность этой жестокой игры и горько пожалела о том, что затеяла ее. Но не сказала Раулю ни слова и ушла домой.

Это случилось после обеда в ее артистической, где они встретились и устроили себе настоящее пиршество: три пирожных, парочка стаканов портвейна и букетик фиалок на столе.

В тот вечер она не пела. И он не получил обычного письма, хотя они положили себе писать друг другу каждый вечер в течение этого месяца. На другое утро он побежал к матушке Валериус, которая сказала ему, что Кристины нет дома уже второй день. Она ушла накануне вечером в пять часов, предупредив, что вернется не раньше, чем послезавтра… Потрясенный Рауль страшно разгневался на старушку, которая сообщила ему это известие с удручающим спокойствием. Он попробовал вытянуть из нее еще что-нибудь, но она больше ничего не знала.

— Это секрет Кристины, — заявила она, подняв при этих словах палец тем трогательным и торжественным жестом, который призывал к молчанию и одновременно заключал в себе утешение.

— Ах вот как! — взорвался Рауль и стремительно выскочил из комнаты. — Да, наша матушка Валериус — надежная защита для молодых девиц, — бормотал он, спускаясь по лестнице.

Но где же Кристина? Два дня… Целых два дня украдено из их такого короткого счастья! И все по ее вине!.. Неужели она забыла, что он скоро должен уехать? А если он твердо решил не уезжать, зачем сказал об этом так рано? Теперь он обвинял себя в неосторожности и был самым несчастным из людей в продолжение сорока восьми часов, после чего Кристина объявилась так же неожиданно, как исчезла.

Она появилась в день своего нового триумфа.

После того достопамятного случая с «жабой» Карлотта больше не выходила на сцену: в ее сердце вселилось жуткое предчувствие нового провала, которое парализовало ее волю. Опера,

свидетельница ее необъяснимого позора, стала ей ненавистна. Она под каким-то предлогом разорвала контракт, и в тот же день Кристину уговорили занять вакансию. В «Еврейке» ее ждал сумасшедший успех.

Разумеется, виконт присутствовал на спектакле и был единственным, кто страдал посреди всеобщего восторга, потому что на пальце Кристины было все то же золотое обручальное колечко.

— Сегодня она снова надела это кольцо, но не ты подарил его. Она снова отдала всю свою душу и опять отдала ее не тебе, — такие слова прошептал на ухо юноше чей-то неслышный голос.

Потом тот же вкрадчивый голос продолжал:

— Если она не расскажет, чем занималась эти два дня, если не скажет, где скрывалась, пойди к Эрику и спроси у него сам!

Он бросился за кулисы и встал на ее пути. Она увидела его, кажется, даже обрадовалась и пробормотала:

— Быстрее! Идемте быстрее!

И увлекла его в артистическую, не обращая внимания на толпу поклонников новой звезды, которые недоуменно перешептывались перед закрывшейся дверью:

— Ах, какой скандал!..

Рауль опустился на колени, клятвенно пообещал, что скоро уедет, и умолял не лишать его больше ни единого часа из того недолгого счастья, которое им оставалось. Она расплакалась. Они обнялись безутешно, как брат с сестрой, которых недавно постигло неожиданное горе и которые встретились, чтобы оплакать дорогого обоим покойника.

Вдруг она вырвалась из нежных и робких объятий юноши и прислушалась к чему-то, слышному только ей, потом молча указала Раулю на дверь. Когда он был на пороге, она сказала, но так тихо, что виконт скорее угадал, чем услышал ее слова:

— До завтра, дорогой мой. И будьте счастливы. Знайте, сегодня я пела для вас.

На следующий день он почувствовал, что прежнее очарование их сладкой лжи исчезло. Они молча, с грустными глазами, сидели в артистической, не зная, что сказать друг другу. Рауль изо всех сил сдерживался, чтобы не крикнуть: «Я ревную! Неужели ты не видишь, как я ревную!» Но она все же услышала эти слова.

Потом она сказала:

— Пойдемте прогуляемся на свежем воздухе.

Рауль сначала подумал, что она предлагает ему загородную прогулку, подальше от этого тяжелого мрачного здания, которое он теперь ненавидел как собственную тюрьму вместе с ее неусыпным стражем — тюремщиком по имени Эрик… Однако она провела его на сцену и усадила на дощатое основание фонтана, где они долго сидели в обманчивом покое декораций, установленных для предстоящего спектакля.

Держась за руки, они бродили по пустынным аллеям сада, где к высоким сводам тянулись деревья, подрезанные умелой рукой декоратора, — деревья, навсегда лишенные живого неба, цветов, живой почвы, обреченные никогда больше не вдыхать другого воздуха, кроме спертой атмосферы театра. Юноша избегал задавать ей вопросы, потому что сразу понял, что она на них не ответит, а понапрасну мучить ее он не хотел. Время от времени в отдалении проходил пожарный, поглядывая издали на их меланхолическую идиллию. Иногда она храбро пыталась обмануть и себя, и своего спутника фальшивой искусственной красотой, созданной человеческим воображением… Ей казалось, что природа не способна сотворить эти ярчайшие цвета и эти необыкновенные формы. Она с восхищением оглядывала все, что их окружало, а Рауль нежно сжимал ее пылающую руку.

— Смотрите, Рауль, — говорила она, — эта сцена, эти деревья, эти кусты, эти роскошные декорации видели самую возвышенную, неземную любовь, созданную поэтами, которые стоят

намного выше обычных людей. И наша любовь, Рауль, тоже живет здесь, ибо она так же выдумана, она такая же иллюзия! Увы!

Рауль не отвечал, и тогда она заговорила снова:

— Любви на нашей земле слишком неуютно, давайте же унесем ее на небеса! Вы увидите, как там все легко и просто.

И она повела его еще выше, выше искусственных облаков, висевших посреди живописного беспорядка колосников; она доводила его до головокружения, бесстрашно перебегая по хрупким мостикам арок и сводов, посреди тысяч веревок и канатов, соединенных с бесчисленными шкивами, лебедками, барабанами, посреди настоящего леса ажурных снастей и мачт. Она с удовольствием наблюдала его тревогу и бросала ему с очаровательной гримасой:

— Эх вы, а еще моряк!

Потом они сошли на твердую землю и оказались в каком-то коридоре, который привел их в просторный зал, искрящийся смехом, танцами и детской радостью, прерываемой строгим окликом: «Плавнее, плавнее, девочки! Следите за носком!» Это был детский танцевальный класс, где занимались девочки от шести до десяти лет — уже в декольтированных корсажах, воздушных пачках, белых панталончиках и розовых чулочках; они изо всех сил, до изнеможения перебирали своими худенькими, болевшими от усталости ножками в надежде, что когда-нибудь получат отдельную партию, маленькую, но уже самостоятельную роль, а со временем, может быть, сделаются примами-балеринами и будут жить в роскоши… А пока Кристина раздавала им конфеты.

В другой день она привела его в одно из помещений своего дворца, наполненное мишурой, рыцарскими доспехами, копьями, щитами и плюмажами, и, будто полководец на параде, обошла ряды неподвижных, но по-прежнему воинственных запыленных призраков. Она обращалась к ним с ласковыми словами, утешала их и обещала, что они еще выйдут на сцену, увидят ослепительные спектакли и услышат восхитительную музыку.

Она делала смотр своей империи иллюзий — огромной, простиравшейся на семнадцати этажах и населенной полчищами персонажей. Она проходила мимо них, как добрая королева, одаряющая милостями своих подданных. Она заходила в пыльные кладовые и мастерские, давала мудрые советы работницам, которые кроили и шили богатые одеяния для героев будущих спектаклей. Жители этой страны были искусны во всем — от сапожного ремесла до ювелирного дела. Все они любили Кристину, так как ей были интересны их горести, маленькие слабости и капризы.

Ей были известны глухие уголки, где тайно обитали дряхлые супружеские пары. Она стучала в их двери, знакомила их с Раулем, представляя его как сказочного принца, который просит ее руки, и оба, присев на что придется, слушали бесконечные и причудливые легенды Оперы с таким же вниманием, с каким когда-то, в далеком детстве, слушали старые бретонские сказки. Эти старики ничего уже не помнили, кроме того, что касалось Оперы. Они жили здесь, казалось, целую вечность. То и дело сменявшиеся директора и администраторы не подозревали об их существовании, дворцовые перевороты и революции не задевали их, за толстыми стенами театра проходила жизнь, творилась история Франции, а они даже не замечали этого.

Так проходило драгоценное время, когда они были вместе и за своим интересом к внешнему миру пытались спрятать друг от друга и от самих себя то единственное, чем были полны их сердца. Только иногда Кристина, которая обычно вела себя более разумно и казалась сильнее, чем Рауль, неожиданно теряла спокойствие и начинала нервничать. Она то принималась веселиться без всякой причины, то вдруг резко останавливалась и сильно сжимала Раулю руку своей внезапно похолодевшей рукой. При этом глаза ее перебегали с одного предмета на другой, будто следили за ускользавшими таинственными видениями, и потом она куда-то тащила его, захлебываясь нервным смехом, который часто заканчивался слезами. В такие минуты Раулю хотелось растормошить ее, расспросить обо всем, хотя он обещал не делать

этого. Однако, еще не успев задать первый вопрос, он уже слышал ее будто в горячке произнесенные слова:

— Ничего!.. Клянусь вам, ничего нет!

Как-то на сцене, когда они проходили перед открытым люком, Рауль склонился над темной бездной и сказал:

— Вы показали мне верхние этажи своей империи, Кристина, а внизу, где, как говорят, творятся странные вещи, мы еще не были. Может быть, спустимся туда?

Услышав такие слова, она обхватила его руками, будто боялась, что он вот-вот провалится в черную дыру, и с дрожью в голосе прошептала:

— Ни за что! Я вам запрещаю ходить туда! И потом, это не мое. Все, что под землей, принадлежит «ему».

Рауль пристально посмотрел в ее глаза и хрипло спросил:

— Значит, он живет в подземелье?

— Я вам этого не говорила!.. Откуда вы взяли? Знаете, Рауль, иногда мне кажется, что вы сходите с ума. Вечно вам чудится что-то необычайное! Пойдемте отсюда.

И она силой увела его, хотя он никак не хотел уходить от люка, так притягивала его эта бездна.

Вдруг люк со стуком захлопнулся, да так неожиданно — они не заметили никакой руки, которая могла это сделать, — что оба вздрогнули и застыли на месте, будто оглушенные.

— Это не он? — тихо спросил Рауль.

Она покачала головой, но в ее лице не было никакой уверенности — ничего, кроме озабоченности.

— Нет, нет! Это рабочие, которые следят за люками. Должны же они заниматься чем-нибудь… Они открывают и закрывают их просто так, без всякой причины. Просто, чтобы проводить время, как швейцары у дверей.

— А если это «он»?

— Да нет же! Нет! Люк закрылся сам по себе. А «он» сейчас работает.

— Вот как? «Он» работает?

— Да. Не может же он открывать и закрывать люки и в то же время работать. Нам не о чем беспокоиться.

При этом она вздрогнула.

— И что же это за работа?

— О, это нечто ужасное… Когда он над этим работает, он ничего не видит: не ест, не пьет, даже не дышит… Целыми днями и ночами. Как живой труп… и у него нет времени забавляться с люками.

Она снова вздрогнула и немного наклонилась в сторону люка, будто прислушиваясь к чему-то. Рауль молчал. Теперь он опасался, что звук его голоса может спугнуть ее, остановить слабый поток ее первых робких признаний.

Она по-прежнему держала его за руку.

— А если это он… — вздохнула она и тотчас замолчала.

— Вы его боитесь? — нерешительно спросил Рауль.

— Да нет же! Нет! — сердито ответила она.

Юноша почувствовал к ней невольную жалость, как к впечатлительному ребенку, который все еще находится во власти недавнего дурного сна. Не бойся, ведь я же здесь, твердил он про себя; и жест его, сопровождавший невысказанные слова, получился угрожающим; Кристина с удивлением взглянула на него, как смотрят на бесстрашного, но, в сущности, бессильного рыцаря. Она обняла Рауля, как старшая и нежная сестра, признательная за то, что брат — слабый и наивный брат — собирается защитить ее от опасности.

Рауль понял и покраснел от стыда… В конце концов, он чувствовал себя таким же слабым, как она. «Она только делает вид, что не боится, но сама дрожит от страха и упорно оттягивает

меня от люка», — подумал он, и это было правдой. На другой день и в последующие дни они унесли свое целомудренное чувство под самые крыши, подальше от люков. Но беспокойство Кристины не проходило. Однажды она пришла с опозданием, ее лицо было таким бледным, а в покрасневших глазах билась такая отчаянная тоска, что Рауль решился на крайнюю меру и объявил ей, что отправится к Северному полюсу только в том случае, если она откроет тайну «голоса».

— Замолчите! Ради всего святого, замолчите! Если бы только он вас слышал, бедный мой Рауль!

И ее испуганные глаза забегали по сторонам.

— Я вырву вас из его власти, Кристина, клянусь вам! И вы больше не будете думать о нем.

— Возможно ли это?

Она опрометчиво позволила себе это сомнение и тут же потащила юношу на самый верхний этаж здания, туда, где они будут далеко-далеко от ужасных люков.

— Я спрячу вас в таком месте, где он никогда не додумается искать вас. Я спасу вас и только после этого уеду, потому что вы поклялись никогда не выходить за меня замуж.

Неожиданно Кристина крепко обняла его. Потом снова с тревогой огляделась вокруг.

— Выше! — проговорила она. — Еще выше! — И опять потащила его наверх.

Он с трудом поспевал за ней. Скоро они оказались под самой крышей, в настоящем лабиринте конструкций и балок. Они пробирались между аркбутанами[13], стропилами, опорами, каркасными стенками, скатами; они перебегали от балки к балке, как в лесу — между деревьями с чудовищно толстыми стволами.

Но несмотря на всю осторожность, с какой Кристина поминутно оглядывалась назад, она не заметила тени, которая следовала за ними неслышно, как и подобает настоящей тени, которая застывала, когда они останавливались, снова двигалась вместе с ними и производила шума не больше, чем положено тени. Рауль также ничего не заметил: когда рядом была Кристина, его ничего больше не интересовало.

XIII
Лира Аполлона

Между тем они добрались до самого верха. Кристина скользнула на крышу легко и непринужденно, как бабочка, и обвела взглядом пустынное пространство, ограниченное тремя куполами и треугольной формы фронтоном. Потом глубоко вдохнула в себя вечерний воздух, еще раз посмотрела на раскинувшуюся внизу долину — Париж — и обратила к Раулю доверчивые глаза. Она подозвала его к себе, и они бок о бок пошли по мостовым, выложенным цинком, по бульварам из чугуна. Их силуэты отражались в больших бассейнах с неподвижной водой, где летом в теплую погоду купаются и учатся плавать мальчишки из танцкласса. Позади снова появилась та же тень, она припадала к кровле, застывала, раскинув свои черные крылья, на перекрестках улиц из металла, кружила вокруг бассейнов, неслышно огибая купола, в то время как несчастные влюбленные, по-прежнему не подозревая о ее присутствии, наконец уселись рядом под высокой фигурой Аполлона, отлитого в бронзе, который вздымал свою волшебную лиру в самую сердцевину багрового неба.

Их окружал весенний вечер. Над ними медленно плыли легкие облака, окрашенные закатом в золотисто-пурпурный цвет. Кристина посмотрела в глаза Раулю и заговорила:

[13] *Аркбутан* — наружная подпорная полуарка. — *Примеч. пер.*

— Скоро мы улетим быстрее, чем эти облака, на край света и там расстанемся. А если я откажусь, если не захочу последовать за вами, прошу вас, Рауль, все равно заберите меня с собой, украдите меня.

Она произнесла это с такой удивительной силой и страстью, что юноша невольно вздрогнул.

— Значит, вы боитесь передумать?

— Не знаю, — покачала она головой. — Это демон, а не человек!

Она зябко передернулась и с тихим стоном еще теснее прижалась к нему.

— Теперь мне страшно возвращаться туда… под землю.

— Что же вас заставляет возвращаться, Кристина?

— Если я не вернусь к нему, могут произойти большие несчастья. Но я больше не могу! Не могу больше! Я знаю, что надо жалеть тех, кто живет под землей. Но этот человек слишком ужасен! Срок близок, мне остается только один день, и если я не вернусь, он сам придет за мной… со своим голосом и уведет меня в подземелья, встанет на колени, склонит свою голову мертвеца и скажет, что любит меня. И будет плакать… Ах, Рауль, как ужасны эти слезы, что катятся из двух черных отверстий в жутком черепе! Я не могу больше их видеть!

Она заломила руки, и Рауль, которому передалось ее отчаяние, крепко прижал девушку к своей груди.

— Нет, нет! Вы никогда больше не услышите его признаний в любви! Никогда больше не увидите его слез. Бежим, скорее бежим, Кристина!

Он попытался увести ее, но она отстранилась.

— Нет, — горестно покачала она головой. — Уже поздно. Теперь это было бы слишком жестоко… Пусть он еще раз послушает меня завтра вечером. В последний раз. А потом мы с вами убежим. В полночь вы придете в мою артистическую, ровно в полночь, когда он будет ждать меня в своем доме на озере… И вы увезете меня! Но если я откажусь… Поклянитесь, Рауль, что увезете меня силой, ведь я чувствую, что если вернусь к нему еще раз, то никогда уже не выйду оттуда… — Помолчав, она добавила: — Вам не понять меня.

Потом вздохнула, и ему почудилось, будто у нее за спиной вздохнул кто-то еще.

— Вы ничего не слышали? — Ее зубы стучали от страха.

— Нет, — солгал, чтобы ее успокоить, Рауль. — Я ничего не слышал.

— Как это ужасно, — проговорила она, — дрожать от страха все время. Но здесь нам ничего не грозит, здесь мы у себя дома; да, да, здесь мой дом. Еще не вечер, еще светит солнце, а ночные птицы солнца не любят… Я никогда не видела его днем. Должно быть, это мерзкое зрелище, — пробормотала она, передернувшись от отвращения. — Когда я увидела его в первый раз, мне показалось, что он вот-вот умрет.

— Но почему? — быстро спросил Рауль, которому передался ее страх. — Отчего вам так показалось?

— Оттого, что я увидела его лицо! Он едва не умер от отчаяния, когда я увидела его уродство.

На этот раз Рауль и Кристина обернулись одновременно.

— Здесь кто-то есть… — проговорил Рауль. — Кто-то, кто очень страдает… Вы слышали?

— Я уже ничего не понимаю, — каким-то обреченным тоном ответила Кристина. — Даже когда его нет рядом, в ушах у меня звучат его вздохи. Но если вы что-то услышали…

Оба разом поднялись и огляделись вокруг. Они были одни на огромной свинцовой крыше, и это их несколько успокоило.

— Как вы встретились с ним в первый раз? — спросил Рауль.

— Впервые я услышала его три месяца назад и подумала, что певец, чей необыкновенно прекрасный голос неожиданно зазвучал рядом со мной, находится в соседней артистической. Я даже вышла, чтобы посмотреть, кто это, и только тут вспомнила, что моя уборная расположена

отдельно от других — да вы ведь это знаете — и что за стеной никого быть не может. Но этот голос по-прежнему звучал. Он не только пел — он разговаривал со мной, отвечал на мои вопросы, это был голос человека, с той только особенностью, что он был красив как голос ангела. Как могла я объяснить такое невероятное явление? Представьте, я никогда не переставала думать об «ангеле музыки», которого папа обещал прислать мне после смерти. Я, не стыдясь, рассказываю вам об этом, потому что вы знали моего отца и потому что он любил вас. Когда вы были ребенком, вы, так же как и я, верили в ангела музыки, и я надеюсь, что вы не будете смеяться надо мной. Ведь у меня, друг мой, такая же нежная и преданная душа, как у маленькой Лотты; и уж конечно, жизнь в обществе матушки Валериус не могла лишить меня ее. И вот я, по своей наивности, вручила свою душу этому «голосу», думая, что вручаю ее ангелу. Моя приемная мать, от которой я ничего не скрывала, тоже в чем-то виновата. Она сказала мне: «Это, должно быть, ангел, я в этом уверена, впрочем, ты можешь сама спросить его об этом». Я так и сделала, и этот неземной голос ответил мне, что он — на самом деле ангел, которого я жду и которого обещал прислать мне умирающий отец. С того момента мы с «голосом» подружились, и я абсолютно доверяла ему. Он сказал также, что спустился на землю, чтобы я насладилась высшей радостью вечного искусства, и попросил у меня позволения давать мне уроки музыки. Естественно, я с восторгом согласилась и не пропустила ни одного урока, которые он каждый день давал в моей артистической уборной, когда в этом уголке Оперы никого не бывает. Ах, что это были за уроки! Даже вы не можете себе представить, хотя тоже слышали тот голос.

— Да, разумеется, — подтвердил юноша. — А на чем он себе аккомпанировал?

— Я даже не знаю, но за стеной звучала какая-то невероятно чистая, неземная музыка. «Голос» будто знал, какой метод использовал отец во время наших занятий и в какой момент эти занятия прервала его смерть. Вот так я вспомнила — вернее, мой голос вспомнил — все пройденные с отцом уроки и, пользуясь этими воспоминаниями наряду с новыми советами, за короткое время я достигла того, для чего обыкновенно требуются долгие годы. Судите сами, друг мой: ведь я довольно хрупкая, и голос мой вначале был совсем не разработан, особенно нижний регистр, верхние ноты звучали грубовато, а средние как-то смазывались. Именно с этими дефектами боролся мой отец и, кажется, в какой-то момент добился своего, а «голос» окончательно избавил меня от них. Понемногу диапазон моего голоса необыкновенно расширился, и я научилась контролировать дыхание. А самое главное — «голос» открыл мне секрет, как разрабатывать грудные звуки в сопрановом регистре. Наконец, все это он заключил в оболочку священного огня вдохновения и пробудил во мне какую-то высшую, неземную и всепоглощающую страсть, он вдохнул в мою душу гармонию, вознес ее до своих высот, и оба наши голоса стали звучать в унисон.

Несколько недель спустя я сама себя не узнавала, когда пела. Это стало меня пугать… Однажды мне стало страшно, что за всем этим стоит колдовство, но матушка Валериус успокоила меня. По ее словам, я слишком простая девушка, чтобы представлять интерес для демона.

Мои успехи оставались тайной, «голос» хотел, чтобы о них знали только трое: он сам, матушка Валериус и я. Странно, но за пределами своей артистической я пела, как и прежде, и никто ни о чем не догадывался. Я делала все, что велел мне «голос», который говорил: «Подожди, придет день, и мы удивим весь Париж!» И я слушала его. Я жила как будто в каком-то сне или экстазе, в каком-то волшебном мире, где всем управлял «голос». Между тем однажды вечером я увидела вас в зале, Рауль, и не захотела скрыть свою радость, когда вернулась к себе в артистическую. К несчастью, «голос» был уже там и по моему виду понял, что произошло что-то особенное. Он спросил, и я откровенно рассказала ему о нашем знакомстве, не скрыв и того, какое место вы занимаете в моем сердце. После этого «голос» замолчал, я звала его, он не отвечал; я умоляла, но все было напрасно. Я испугалась, что он ушел навсегда. В тот вечер я вернулась домой в полном отчаянии и сказала матушке, что «голос» ушел и никогда больше не вернется. Она была потрясена не меньше меня и попросила объяснений. Когда я рассказала все,

она заметила: «Черт побери! Значит, «голос» ревнует!» Тогда, друг мой, я в первый раз подумала, что люблю вас.

Кристина замолчала, положила голову на грудь Раулю, и несколько мгновений они оставались в объятиях друг друга и не увидели или скорее не почувствовали, как к ним приближается распластавшаяся тень с двумя большими черными крыльями. Ближе, ближе, кажется, еще немного, и она накроет их…

— На следующий день, — глубоко вздохнув, продолжала Кристина, — когда я вернулась в свою артистическую, «голос» был там. Ах, мой друг, как он был печален! Он сразу заявил, что если мое сердце будет принадлежать кому-нибудь здесь, на земле, ему останется только вернуться на небо. Он произнес это с такой, я бы сказала, человеческой болью, что с того дня я стала остерегаться и вскоре догадалась, что оказалась жертвой своего не в меру разгоряченного воображения. Но я все еще верила, что чудесное появление «голоса» связано с моим покойным отцом, и боялась только одного — что больше никогда его не услышу. С другой стороны, я стала размышлять над своими чувствами к вам и поняла всю их опасность. Правда, я даже не знала, помните ли вы меня. Что бы ни случилось, ваше положение в свете делало невозможной саму мысль о нашем законном браке. Я поклялась «голосу», что для меня вы всего лишь брат и никем другим никогда не станете, что сердце мое свободно от земной любви… Вот почему, мой друг, я отворачивалась, когда на сцене или в коридоре вы искали моего взгляда, вот почему я не узнавала вас. Все это время наши уроки проходили в каком-то неземном опьянении. Никогда прежде я не чувствовала до такой степени всю красоту звуков, и однажды «голос» сказал мне: «Теперь иди, Кристина Даэ, дай людям послушать немного небесной музыки».

Как получилось, что в тот торжественный вечер Карлотта не пришла в театр? Как получилось, что вместо нее вызвали меня? Я этого не знаю: я просто вышла на сцену и стала петь. Пела с необыкновенным подъемом. Я чувствовала в себе чудную легкость, как будто у меня выросли крылья; в какой-то момент мне даже почудилось, что моя пылающая душа покидает тело!

— О Кристина! — сказал Рауль, и в его глазах заблестели слезы при этом воспоминании. — В тот вечер мое сердце трепетало при каждом звуке вашего голоса. Я видел, как по вашим бледным щекам катились слезы, и я плакал вместе с вами. Но как вы могли петь и плакать одновременно?

— Я пела из последних сил, — отвечала Кристина, — а потом ничего больше не помню. Когда я открыла глаза, рядом со мной были вы. Но «голос» тоже был рядом, Рауль! Я испугалась за вас и снова сделала вид, что мы незнакомы, и стала смеяться, когда вы напомнили о том случае с шарфом. Но, увы, «голос» все понял! Он сразу узнал вас и начал ревновать. Два дня после этого он устраивал мне дикие сцены. «Вы его любите! — кричал он. — Если бы это было не так, вы бы его не избегали. Вы бы не боялись остаться с ним наедине. Вы бы не прогнали его!» Тогда я резко сказала: «Довольно! Завтра же я еду в Перрос на могилу отца и попрошу господина де Шаньи сопровождать меня». — «Это ваше дело, — ответил он. — Только знайте, что я тоже буду в Перросе, потому что я всегда с вами, Кристина, и если вы достойны меня, если вы мне не солгали, ровно в полночь я вам сыграю на могиле вашего отца «Воскрешение Лазаря» на скрипке покойного».

Вот, друг мой, как случилось, что я написала вам письмо, которое привело вас в Перрос. Как могла я обмануться до такой степени? Как мне сразу не пришла мысль о его коварстве, хотя я отлично видела, что у «голоса» есть личный интерес? Увы! Я не владела собой, я вся была в его власти… А возможности и средства, которыми он располагал, легко могли обмануть такого ребенка, как я.

— Но скажите! — вскричал Рауль в тот момент, когда Кристина готова уже была выразить слезами всю невинность своей слишком неопытной души. — Ведь вскоре вы узнали всю правду! Почему вы сразу не избавились от этого кошмара?

— Вам легко говорить! Так знайте же, что я ощутила этот кошмар только в тот день, когда узнала всю правду! Поэтому прошу вас замолчать! Считайте, что я ничего вам не говорила. И теперь, когда мы будем спускаться с небес на землю, пожалейте меня, Рауль… Пожалейте… Как-то раз, вечером… О, сколько несчастий началось в тот роковой вечер, когда Карлотта прямо на сцене превратилась в отвратительную жабу, когда она начала издавать отвратительные звуки, как будто прожила всю жизнь в болоте… В тот вечер люстра с грохотом разбилась о пол, и зал неожиданно погрузился в темноту. В тот вечер были убитые и раненые, и весь театр был полон жалобными возгласами. Прежде всего, Рауль, среди всей этой суматохи я подумала о вас и о нем, потому что тогда вы оба были равными половинками моего сердца. В отношении вас я быстро успокоилась, когда увидела вас в ложе вашего брата и поняла, что опасность вам не грозит. Что же касается «голоса», я за него боялась, потому что он предупредил меня, что будет присутствовать на представлении… Да, я за него боялась по-настоящему, как за живое существо, которое может умереть. Почему-то мне пришло в голову, что люстра могла его раздавить. Я находилась на сцене и была настолько потрясена, что собиралась бежать в зал и искать его среди мертвых и раненых. Потом в голове у меня мелькнула мысль, что, если с ним не случилось ничего страшного, он должен прийти в мою артистическую, чтобы поскорее утешить меня. Я кинулась туда и, захлебываясь слезами, стала умолять его откликнуться, если он жив. «Голос» не отвечал, но вдруг я услышала протяжный, такой знакомый звук, похожий на стон. Это был плач Лазаря, когда, услышав голос Иисуса, он начинает приподнимать веки и вдруг видит Божий свет. То пела отцовская скрипка. Я сразу узнала звук скрипки Даэ, тот самый звук, Рауль, который мы, как зачарованные, слушали на дорогах Перроса, который очаровал нас обоих в ту ночь на кладбище. А потом невидимая скрипка издала торжествующий крик опьянения Жизнью, и наконец «голос» запел главную тему: «Приди и поверь мне! Верующие в меня оживут! Спеши! Ибо не умрет тот, кто верит в меня!» У меня не хватает слов, чтобы передать впечатление от этой музыки, которая воспевала вечную жизнь в тот момент, когда рядом с нами умирали несчастные, раздавленные ужасной люстрой. Мне показалось, что я слышу призыв, что я должна встать и идти за волшебным голосом. Он стал удаляться, я последовала за ним. «Приди и поверь мне!» Я верила ему, я шла и шла, и — о, чудо! — моя артистическая удлинялась… удлинялась передо мной. Очевидно, это был эффект зеркал, потому что передо мной была зеркальная стена. И вдруг я, сама не понимая как, оказалась за стенами своей комнаты.

В этом месте Рауль неожиданно прервал девушку:

— Как! Вы сами этого не поняли? Кристина, Кристина! Когда вы перестанете грезить наяву?

— Я не грезила, друг мой. Я очутилась за стенами своей комнаты, сама не понимая, каким образом. Однажды вы видели, как я исчезла из артистической, и, может быть, вы объясните мне это, а я не могу. Я помню только, как подошла к зеркалу, и вдруг оно исчезло, я стала искать его, оглянулась, но его не было, и комнаты тоже не было. Я оказалась в каком-то сыром темном коридоре… Я испугалась и стала кричать… Вокруг меня была полная темнота, только вдалеке слабый красноватый свет освещал угол стены, где коридор делал поворот. Я стала кричать. В темноте звучал только мой крик, потому что пение и скрипка умолкли. И тут неожиданно чья-то рука опустилась на мою руку. Вернее, это было нечто костлявое и холодное, оно схватило мое запястье и больше его не отпускало… Какое-то время я отбивалась в неописуемом ужасе, мои пальцы скользили по влажной стене, которая была совершенно гладкой и холодной. Потом я затихла и почувствовала, что сейчас умру от страха. Меня потащили к слабому красному свету, и я увидела, что нахожусь в руках человека, закутанного в широкий черный плащ, лицо его было закрыто маской… Я сделала отчаянное усилие, все мое тело напряглось, я уже открыла рот, чтобы закричать, но человек крепко держал меня, я почувствовала его ладонь на своем лице… Это была рука мертвеца! И я потеряла сознание.

Сколько времени я была без сознания? Не помню. Когда я открыла глаза, мы — тот человек и я — по-прежнему были в темноте. На земляном полу стояла тусклая лампа и освещала

бьющий фонтан. Вода лилась откуда-то из стены и исчезала под камнями, на которых я лежала; моя голова покоилась на коленях человека в черном плаще и в маске. Мой молчавший спутник осторожно смачивал мне виски, и эти нежные прикосновения показались мне даже неприятнее, чем то насилие, которое он только что совершил. От его рук, несмотря на легкость его прикосновения, исходил запах смерти. Я оттолкнула их и, собрав все силы, спросила: «Кто вы такой? Где «голос»?» Но он только вздохнул в ответ. Вдруг моего лица коснулось теплое дыхание, и в потемках, рядом с черной фигурой моего похитителя, я различила какое-то смутно белеющее существо. Человек в черном приподнял меня и положил на эту мягкую белую массу, и тут же я с удивлением услышала тихое радостное ржание и прошептала: «Цезарь!» Животное вздрогнуло. Итак, я полулежала на спине той самой лошади из «Пророка», которую часто баловала сладостями. Однажды в театре распространился слух, что конь пропал, что его украл Призрак Оперы. Я знала, что «голос» существует, но не верила ни в каких призраков, однако теперь меня охватил ужас: уж не попала ли я в лапы призраку! Я всем своим существом призвала на помощь «голос», потому что даже представить не могла, что «голос» и призрак — это одно и то же лицо. Вы слышали о Призраке Оперы, Рауль?

— Слышал, — ответил юноша. — Но скажите, Кристина, что было дальше, когда вы оказались на белой лошади?

— Я не шевелилась и покорно лежала в седле. Понемногу ужас, в который меня повергло это жуткое приключение, сменился каким-то странным оцепенением. Черная фигура поддерживала меня, и я уже не пыталась освободиться. Меня охватил непонятный покой, как будто я находилась под благотворным воздействием какого-то эликсира. Голова была удивительно ясной, глаза привыкли к темноте, которая, впрочем, то здесь, то там прерывалась пятнами слабого света. Я поняла, что мы находимся в узкой круговой галерее, проходящей по окружности через огромные подземелья Оперы. Один раз, друг мой, один только раз я спускалась в подвалы, но добралась лишь до третьего подземного этажа, не осмелясь идти ниже. А под моими ногами простирались еще два этажа, где мог разместиться целый город. Но меня испугали мелькавшие там, внизу, фигуры, и я поспешно вернулась наверх. Мне показалось, что я увидела внизу черных демонов, которые стояли возле огромных котлов и ворочали своими лопатами, поддерживая огонь в печах, а печи угрожающе раскрывали широкие красные пасти… Так вот, когда Цезарь неторопливо вез меня той кошмарной ночью, я вдруг заметила вдалеке — это было очень далеко — совсем крошечных, будто я видела их через перевернутый бинокль, черных демонов, которые стояли перед красными огнедышащими печами. Они то появлялись из темноты, то снова исчезали… Наконец исчезли совсем. Молчавший человек поддерживал меня по-прежнему, а Цезарь уверенно шел сам, без понуканий.

Я не помню, даже приблизительно, сколько времени длилось это путешествие, мне только казалось, что мы без конца поворачиваем и спускаемся по какой-то странной спирали все ниже и ниже, к самому центру преисподней, или, может быть, это у меня кружилась голова. Хотя вряд ли: я все видела и воспринимала необычно отчетливо. В какой-то момент Цезарь приподнял голову, шумно втянул ноздрями воздух и ускорил шаг. Скоро я почувствовала сырость в воздухе, и тут Цезарь остановился. Темнота отступила. Теперь нас окружало голубоватое свечение. Я огляделась по сторонам: мы находились на берегу озера, свинцовые воды которого терялись вдали, в полной темноте, но голубой свет освещал нас, и я увидела маленькую лодку, привязанную к железному кольцу на дощатом причале.

Разумеется, я слышала о том, что где-то глубоко в подземельях существует озеро, поэтому для меня не было во всем этом ничего сверхъестественного. Но представьте себе обстоятельства, при которых я оказалась на берегу. Души мертвых, приближающиеся к Стиксу[14], не могли бы

[14] *Стикс* — в греческой мифологии подземная река в царстве мертвых. — *Примеч. пер.*

ощущать большее беспокойство! Сам Харон[15] не мог бы выглядеть более мрачным и молчаливым, чем тот, кто перенес меня в лодку. Возможно, действие успокаивающего эликсира ослабло? Или свежий воздух этого места окончательно привел меня в чувство? Как бы то ни было, мое оцепенение исчезло, я зашевелилась, и при этом движении снова пробудился мой страх. Видимо, мой мрачный спутник заметил это, потому что прогнал Цезаря, который быстро растворился в темноте галереи, — я услышала только звонкий стук копыт по камням, — потом человек отвязал лодку, сел за весла и начал быстро и сильно грести. Его глаза под маской не отрывались от меня; я ощущала тяжелый взгляд неподвижных зрачков. Озеро было удивительно тихим и спокойным. Некоторое время мы скользили в голубоватом свете, затем снова погрузились в темноту и причалили к невидимому берегу. Лодка ткнулась во что-то твердое. Меня подняли на руки, и я снова нашла в себе силы закричать. Я закричала, потом вдруг замолкла, будто оглушенная внезапно вспыхнувшим светом. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела комнату, все украшение которой составляли цветы, величественные и вместе с тем глупые цветы в корзинах — глупые из-за шелковых лент, которыми они были связаны; такие цветы продаются в лавочках на бульварах, слишком нарядные — подобно тем, что я обыкновенно находила в своей артистической после каждой премьеры. Так вот, в центре этого по-парижски назойливого великолепия стоял человек в маске со скрещенными на груди руками и говорил мне: «Успокойтесь, Кристина, вам ничего не грозит». Это был «голос»! Моя ярость была не меньшей, чем мое удивление. Я бросилась к нему, чтобы сорвать маску и увидеть лицо «голоса». Человек сказал снова: «Вам ничего не грозит, Кристина, если только вы не тронете маску». С этими словами он мягко взял меня за руки и заставил сесть. Потом упал передо мной на колени и замолчал.

Этот униженный жест придал мне храбрости. Свет, который рельефно подчеркивал все предметы вокруг, вернул меня к действительности. Каким бы сверхъестественным ни казалось это приключение, теперь оно разворачивалось в окружении обычных вещей, которые можно увидеть и потрогать. Ковры на стенах, мебель, канделябры, цветы в позолоченных корзиночках, о которых я даже могла бы сказать, где они были куплены и сколько они стоили, каким-то фатальным образом возвращали меня в атмосферу обычного буржуазного салона, банальность и пошлость которого, однако, можно понять и извинить хотя бы потому, что он находится в подземелье. Разумеется, я оказалась в жилище какого-то чудака, который, как и многие другие, почему-то поселился в подвалах из-за недосмотра или попустительства администрации, который нашел убежище в самой сердцевине вавилонской башни, где интригуют, поют на разных языках и объясняются в любви на разных наречиях.

Этот «голос», который я сразу узнала под маской, стоял передо мной на коленях, и это был обычный человек! Я больше не думала об ужасном положении, в котором находилась, я даже не задавалась вопросом, что со мной будет, какой дьявольский замысел привел меня в этот салон и какая роль мне уготована — узницы или наложницы? Я только твердила про себя: «Голос» — всего лишь человек!» И вдруг расплакалась.

Человек, который все еще стоял на коленях, понял причину моих слез и сказал: «Да, Кристина! Я не ангел, не гений и не призрак… Я — Эрик!»

Здесь Кристина снова прервала свой рассказ. Молодым людям почудилось, что позади них прокатилось эхом: «Эрик!». Они разом обернулись и только теперь заметили, что уже стемнело. Рауль попытался встать, но Кристина удержала его.

— Останьтесь! Я хочу, чтобы вы узнали все именно здесь.

— Почему именно здесь, Кристина? Я боюсь, что вы простудитесь.

---

[15] *Харон* — мифический персонаж, перевозивший души мертвых через реку Стикс. — *Примеч. пер.*

— Бояться нам надо только люков, мой друг, а здесь мы на краю света, далеко от них… Кроме того, я не должна встречаться с вами за пределами театра. Не будем давать повода для подозрений.

— Кристина! Кристина! Что-то мне подсказывает, что мы напрасно решили дожидаться завтрашнего вечера — нам надо бежать немедленно!

— Я же сказала вам: если он не услышит меня завтра вечером, он будет очень страдать.

— Нельзя уйти от Эрика и при этом не причинить ему боль…

— Вы правы, Рауль, и я знаю, что мое бегство убьет его. Но шансы у нас равны, — глухим голосом добавила девушка, — потому что мы тоже рискуем: он может убить нас.

— Так он вас очень сильно любит?

— До безумия!

— Но ведь его жилище легко найти. Можно пойти к нему. Если Эрик никакой не призрак, а обычный человек, с ним можно поговорить, ну а если что, так и заставить держать ответ…

Кристина решительно покачала головой:

— Нет, нет! С Эриком ничего сделать нельзя… От него можно только бежать!

— Но почему же вы к нему вернулись, хотя могли и не делать этого?

— Потому что так было нужно. Вы это поймете, когда узнаете, как я ушла от него…

— Ах, как я его ненавижу! — вскричал Рауль. — А теперь, Кристина, прежде чем выслушать вашу необыкновенную любовную историю до конца, я хотел бы знать: вы его ненавидите?

— Нет! — коротко ответила Кристина.

— Все ясно! Ничего больше не говорите. Вы его любите! Ваш страх и ваш ужас — все это любовь, любовь извращенная, такая, в которой обычно не признаются даже самим себе! Такая любовь бросает в дрожь, когда о ней думают… Еще бы: любовь к человеку, живущему в подземном дворце!

Юноша саркастически усмехнулся, и девушка резко сказала ему:

— Я вижу, вы хотите, чтобы я снова ушла туда! Берегитесь, Рауль, я говорю вам: я уже не вернусь оттуда!

Тягостное молчание будто придавило всех троих: двух несчастных влюбленных и тень, которая слушала их…

— Не сердитесь, Кристина, — медленно начал Рауль, — но я хотел бы знать, какие чувства он вам внушает, если в душе у вас нет ненависти.

— Ужас и отвращение! — Она проговорила это с такой силой, что резкий звук заглушил ночные вздохи. — Да, ужас, — продолжала она с нарастающей горячностью. — Он внушает мне ужас, но ненависти во мне нет. За что его ненавидеть, Рауль? Он был у моих ног там, в своем подземном жилище на озере. Он обвинял и проклинал себя, молил о прощении! Он сам признался в своем злодействе. Он меня действительно любит! Он бросил к моим ногам свою жестокую любовь, которая заставила его похитить меня и унести в подземелье, но он ничем меня не оскорбил — только ползал по полу, стонал и рыдал… Когда я сказала ему, что буду презирать его, если только он немедленно не отпустит меня, если не вернет свободу, которую так жестоко отобрал, Эрик с готовностью предложил отвести меня обратно. И в тот момент, когда он поднялся, я вспомнила, что хотя он — не призрак, не ангел, не гений, он — тот самый «голос», божественный голос, который пел мне, и я осталась. Мы больше не сказали друг другу ни единого слова. Он взял лиру и запел романс Дездемоны — запел голосом ангела! Когда я вспомнила, как сама пела его, мне стало стыдно. Знаете, друг мой, в музыке бывает так, что внешний мир перестает существовать, и не остается больше ничего, кроме звуков, которые поражают вас прямо в сердце. Мое странное приключение было забыто. Остался только «голос», и я следовала за ним, опьяненная высшей гармонией, я превратилась в частицу орфеева стада. «Голос» увлекал меня в страну боли и радости, пытки, отчаяния и блаженства, в страну смерти и счастливой супружеской любви. Я слушала, а он пел… Он пел какие-то неизвестные

мне арии, какую-то новую музыку, которая вызвала во мне странное чувство неги, истомы и покоя… Она возносила мою душу, успокаивала ее, увлекала в запредельную мечту. И я заснула.

Открыв глаза, я увидела, что лежу в шезлонге в просто обставленной маленькой комнате с единственной кроватью из красного дерева, с обтянутыми шелком стенами, которую освещала лампа, стоявшая на комоде в стиле Луи-Филиппа. Я провела ладонью по лбу, словно пытаясь прогнать дурной сон. Увы, очень скоро я убедилась, что это не сон! Я была пленницей и могла выйти из комнаты только в прекрасно оборудованную ванную с холодной и горячей водой. Вернувшись, я заметила на комоде записку, написанную красными чернилами, которая напомнила мне о моем плачевном положении и прогнала всяческие сомнения, если они еще оставались. «Милая моя Кристина, — говорилось в записке, — я хочу, чтобы Вы не беспокоились по поводу своей участи. На земле у Вас нет более верного и почтительного друга, чем я. В настоящее время Вы одна в этом доме, который принадлежит Вам. Я отправляюсь в город, чтобы купить Вам все необходимое».

Итак, я попала в руки сумасшедшего! Что со мной будет? И как долго этот негодяй собирается держать меня в своей подземной тюрьме? Я, как безумная, бросилась искать выход из этого дома, но не нашла. Я горько ругала себя за свое глупое суеверие и даже с каким-то извращенным удовольствием вспоминала наивность, с какой слушала у себя в артистической голос «гения музыки». Когда человек глуп, ему остается готовиться к самому худшему, чего он, впрочем, и заслуживает; мне захотелось исхлестать себя, и я стала издеваться над собой и оплакивать себя одновременно. Вот в таком состоянии нашел меня Эрик.

Три раза коротко постучав в стену, он спокойно вошел через дверь, которую я так и не смогла найти и которую он оставил незапертой. Он был нагружен картонками и пакетами, которые свалил на кровать, а я тем временем осыпала его оскорблениями, пытаясь сорвать с него маску, требуя показать лицо, если это лицо честного человека. Он ответил мне с величайшим спокойствием: «Вы никогда не увидите лицо Эрика», и мягко попенял мне за то, что я не удосужилась привести себя в порядок в такой поздний час. Он соблаговолил сообщить мне, что уже два часа пополудни. Он дал мне полчаса на туалет, потом пригласил пройти в столовую, где нас ждал превосходный обед. Я была страшно голодна, но решила прежде принять ванну, предусмотрительно захватив с собой острые ножницы, которыми должна была лишить себя жизни, если Эрику вздумается делать глупости. Ванна пришлась как нельзя более кстати, и когда я вернулась в комнату, у меня уже созрела здравая мысль: ничем не оскорблять и не раздражать его, чтобы скорее получить свободу. Он первым заговорил о своих планах относительно меня и сказал — как он заявил, чтобы меня успокоить, — что ему слишком нравится мое общество, поэтому он не намерен лишаться его в ближайшее время, на что он имел слабость согласиться накануне, растерявшись от моей гневной вспышки. Теперь же я должна понять, что мне нечего бояться в этом доме. Он меня любит, но будет говорить об этом, только когда я позволю, а остальное время мы будем проводить в мире музыки. «Что значит остальное время?» — поинтересовалась я, на что он твердо ответил: «Пять дней». — «А потом я буду свободна?» — «Вы будете свободны, Кристина, ибо по прошествии этих пяти дней вы перестанете бояться меня и, вернувшись к себе, время от времени станете навещать бедного Эрика».

Тон, которым он произнес эти слова, потряс меня, я услышала в нем такую непритворную боль и такое глубокое отчаяние, что взглянула на Эрика с невольной жалостью. Мне не было видно за маской его глаз, да в этом и не было необходимости, потому что из-под нижнего края таинственного лоскута из черного шелка скатились, одна за другой, несколько слезинок. Он молча указал мне на стул рядом с собой за небольшим круглым столом, занимавшим центр комнаты, где накануне он играл для меня на лире. Я с большим аппетитом съела несколько раков, крылышко курицы, запив все это токайским вином, которое он привез, по его словам, из погребков Кенигсберга, где когда-то бывал сам Фальстаф. Что касается моего хозяина, он ничего не ел и не пил. Я спросила, какой он национальности и не намекает ли его имя на скандинавское происхождение. Он ответил, что у него нет ни своего имени, ни родины и что он

взял имя Эрик совершенно случайно. Потом я спросила, почему он, если уж так любит меня, не нашел иного способа сказать мне об этом, кроме как тащить меня с собой и запирать в подземелье. «Очень трудно заставить полюбить себя в могиле», — заметила я. На что он странным голосом ответил, что каждый устраивает свои свидания, как может. После чего он встал и протянул мне руку, собираясь показать свое жилище, но я поспешно отдернула свою и слабо вскрикнула. Коснувшись чего-то костистого, холодного и влажного, я вспомнила, как пахнут смертью его руки. «О, простите! — пробормотал он и открыл перед мной дверь. — Вот моя комната, она может показаться вам любопытной… если, конечно, вы захотите посмотреть ее». Я нисколько не колебалась: его поведение, его учтивые речи, весь его вид внушали мне доверие, и потом я чувствовала, что бояться не следует.

Я вошла. Мне показалось, что я попала в склеп. Стены были обиты черной тканью, только вместо белых крапинок, обычно украшающих траурный креп, на ней были начертаны пять нотных линеек — нотная запись «Dies irae»[16]. Посреди комнаты возвышался балдахин, с которого свешивался занавес из красной парчи, а под балдахином стоял открытый гроб. Я невольно отшатнулась при виде этого зрелища. «Вот здесь я сплю, — сказал Эрик. — В жизни надо привыкнуть ко всему, даже к вечности». Я отвернулась, и мой взгляд упал на клавиатуру органа, занимавшего большую часть стены. На пюпитре лежали листы бумаги, испещренные красными нотными знаками. Я спросила позволения посмотреть их и на первом листке прочитала: «Торжествующий Дон Жуан».

«Да, — сказал он, — иногда я сочиняю. Вот уже двадцать лет, как я начал это произведение. Когда оно будет закончено, я возьму его с собой в гроб и усну вечным сном». — «Тогда надо как можно дольше работать над ним», — заметила я. «Иногда я сочиняю по пятнадцать дней и ночей кряду и все это время не слышу и не вижу ничего, кроме музыки, а потом годами не притрагиваюсь к нотам». — «Вы не сыграете мне что-нибудь из вашего «Дон Жуана»?» — спросила я, желая сделать ему приятное и преодолевая отвращение от вида этого жилища мертвеца. «Никогда не просите меня об этом, — мрачно ответил он. — Этот «Дон Жуан» написан не на слова Лоренцо д'Апонте, которого вдохновляли вино, любовные похождения и порок и которого в конце концов покарал Бог. Лучше я сыграю вам Моцарта, если хотите; он исторгнет слезы из ваших прекрасных глаз и внушит вам благие мысли. А мой «Дон Жуан», Кристина, жжется, хоть огонь Божьего гнева еще и не поразил его». После этого мы вернулись в салон. Я заметила, что в доме нет ни одного зеркала, и собралась было сказать об этом, но Эрик уже сидел за пианино. «Видите ли, Кристина, бывает музыка настолько страшная, что она пожирает всех, кто к ней приближается. К вашему счастью, вы еще не слышали такой музыки, иначе вы потеряли бы весь свой румянец, и вас никто бы не узнал там, наверху, в вашем мире. Поэтому будем петь оперную музыку, Кристина Даэ».

Он произнес эти слова «Будем петь оперную музыку, Кристина Даэ» так, будто бросил мне в лицо оскорбление. Но мне было не до того, чтобы анализировать его слова и тон, каким они были сказаны, — мы сразу начали дуэт из «Отелло», и над нашими головами уже начинал витать дух шекспировской трагедии. Он предоставил мне партию Дездемоны, которую я запела с подлинным отчаянием и потрясением, какого никогда до того дня не испытывала. Соседство ужасного партнера, вместо того чтобы лишить меня сил, дарило мне необычайное вдохновение. Обрушившиеся на меня события странным образом возносили мою душу к вершинам поэзии, я находила такие оттенки звучания, которые привели бы в восхищение любого настоящего музыканта. А его голос гремел, его жаждущая мщения душа трепетала в каждом звуке. Вокруг нас в душераздирающих звуках слились любовь, ревность, гнев. Глядя на черную маску Эрика, я представляла черное лицо венецианского мавра. Это был сам Отелло. Я ждала, что вот-вот он

[16] «День гнева» *(лат.)*, средневековая секвенция, по традиции входящая в состав заупокойной мессы. — *Примеч. пер.*

примется убивать меня и я упаду под его ударами, и однако же, как робкая Дездемона, я не сделала ни одного движения, чтобы убежать, чтобы избежать его ярости. Напротив, я как зачарованная тянулась к нему, находя неизъяснимое удовольствие в том, чтобы умереть в вихре страсти, но перед смертью я хотела увидеть и унести с собой его черты, которые должен был преобразить огонь вечного искусства. Я хотела увидеть лицо «голоса» и инстинктивно, быстрым, не зависящим от моего желания жестом, сорвала с него маску…

О ужас! Ужас! Ужас!

Кристина остановилась, и в ее широко раскрытых глазах будто застыло страшное видение, а ночное эхо, повторявшее до этого имя Эрика, теперь трижды повторило возглас: «О ужас!» Рауль и Кристина, еще теснее объединенные жутким рассказом, подняли глаза к звездам, которые безмятежно сияли в чистом спокойном небе.

— Как странно, Кристина, — сказал Рауль, — что эта ночь, такая тихая и мирная, как будто наполнена стонами. Она словно горюет вместе с нами.

Девушка отвечала:

— Теперь, когда вы узнали эту тайну, в ваших ушах, как и в моих, всегда будут звучать стоны.

Она сжала в своих руках сильные надежные руки Рауля и, вздрогнув, продолжала:

— Да! Да! Даже если я проживу сто лет, я всегда буду слышать тот нечеловеческий вопль — крик адской боли и ярости.

О Рауль, какой ужас! Как от него избавиться, если в моих ушах вечно будет звучать его крик, а в глазах стоять его лицо! Какой ужас! Как избавиться от него и как вам его описать?.. Вы видели черепа, высушенные безжалостным временем, и, может быть, вы видели и его мертвую голову той ночью в Перросе, если только это не было жуткой галлюцинацией. Потом, на прошлом бале-маскараде вы видели Красную Смерть! Так вот, те черепа были неподвижны и, можно сказать, мертвы. Но представьте себе, если сможете, маску смерти, которая вдруг оживает, чтобы своими черными глазницами, провалом носа и рта выразить нечеловеческую ярость, ярость демона, и представьте, что в этих глазницах нет глаз, потому что, как я узнала позже, его глаза видны только глубокой ночью. Пригвожденная к стене, я, наверное, представляла собой образ безумного ужаса, а он — чудовищного уродства.

Тогда он подошел ко мне, и я услышала перед собой страшный скрежет зубов, идущий из провала безгубого рта, и, когда я без сил опускалась на колени, Эрик обрушил на меня град безумных беспощадных слов и неистовых проклятий… Если бы только я знала! Если бы только знала! Он наклонился надо мной. «Смотри! — кричал он. — Ты ведь хотела видеть! Смотри же! Наслаждайся! Напои свою душу моим проклятым уродством! Смотри на лицо Эрика! Теперь ты знаешь, как выглядит «голос». Скажи, неужели тебе было недостаточно слышать меня? Ты захотела узнать, на что я похож. О, как вы любопытны, женщины!»

И он начал безумно хохотать, повторяя: «Как же вы любопытны, женщины!» — хриплым, громовым, страшным голосом. Еще он говорил что-то вроде: «Теперь ты довольна? Не правда ли, я красавец? Стоит женщине меня увидеть — и она моя! Она полюбит меня на всю жизнь. Ведь я из породы Дон Жуанов». Потом он выпрямился во весь свой рост и, уперев руки в бока, подергивая плечами и покачивая той отвратительной штукой, которая заменяла ему голову, загремел: «Смотри на меня! Смотри! Я — торжествующий Дон Жуан!» Я отвернулась, моля о пощаде, а он грубо схватил меня за волосы своими ужасными мертвыми руками и снова повернул мое лицо к себе.

— Довольно! Довольно! — прервал ее Рауль. — Я убью его! Я убью его! Ради бога, скажи, Кристина, где находится это озеро и это жилище. Я должен его убить!

— Замолчи, Рауль, если действительно хочешь это узнать.

— Да! Я хочу знать, зачем ты туда вернулась. В этом-то вся тайна, Кристина. Никакой другой нет! Но в любом случае я найду его и убью.

— Ах, милый Рауль, послушай же меня! Послушай, если хочешь все знать. Он схватил меня за волосы и потом… потом произошло нечто, еще более ужасное…

— Ну что ж, продолжай, — мрачно проговорил Рауль. — Только поскорее!

— Потом он прошипел: «Что? Ты меня боишься? Ты, может быть, думаешь, что на мне еще одна маска? Думаешь, что это маска? Так сорви ее, как и первую! Давай же, давай! Я хочу этого! Давай сюда руки! Если у тебя недостает сил, я помогу тебе, и мы вдвоем сорвем эту проклятую маску!» Я бросилась к его ногам, но он вонзил мои пальцы в свое лицо, жуткое лицо урода. Моими ногтями он начал рвать свою кожу, свою страшную кожу мертвеца. «Смотри! — рычал он, и в его горле что-то жутко клокотало. — Смотри и знай, что я весь создан из смерти! С головы до ног! Знай, что тебя любит труп, тебя обожает труп и никогда он тебя не оставит. Никогда! Я сделаю другой гроб, побольше, когда наша любовь иссякнет. Смотри, я уже не смеюсь, я плачу… Я плачу о тебе, Кристина, о той, которая сорвала с меня маску и потому никогда не должна расставаться со мной! Пока ты не знала, что я так уродлив, ты могла вернуться… и я знаю, что ты бы вернулась, но теперь, когда ты увидела мое уродство… теперь я тебя не отпущу! Зачем ты захотела увидеть меня, безумная? Даже мой отец не видел меня, даже моя мать, чтобы больше меня не видеть, со слезами подарила мне мою первую маску».

Наконец он меня отпустил и повалился на пол, отвратительно икая и всхлипывая, потом, как змея, пополз в свою комнату, захлопнул за собой дверь, и я осталась со своим ужасом и со своими тревожными мыслями, но, по крайней мере, избавленная от мерзкого зрелища. Буря сменилась глубокой, могильной тишиной, и я стала размышлять о последствиях своего неосторожного поступка. Впрочем, последние слова чудовища были достаточно красноречивы. Я сама себя сделала вечной пленницей, и причиной всех моих несчастий было мое любопытство. Ведь он предупреждал меня… Он же говорил, что мне не грозит никакая опасность, пока я не прикоснусь к маске, а я сорвала ее! Я проклинала свою неосторожность, но с содроганием думала, что логика его безупречна. Да, я бы вернулась, непременно бы вернулась, если бы не увидела его лицо… Ведь он меня глубоко тронул, заинтересовал, разжалобил своими слезами под маской, и я не осталась бы безучастной к его мольбам. Наконец, я не могла быть неблагодарной, ибо его голос коснулся меня своим гением. Я бы вернулась! А теперь, доведись мне выйти из этих катакомб, я бы ни за что этого не сделала. Разве мыслимо вернуться в могилу и похоронить себя заживо вместе с трупом, который тебя любит?

По некоторым его поступкам во время той сцены, по тому, как он сверлил меня черными отверстиями своих невидимых глаз, я могла судить о необузданности его страсти. Я была совершенно беззащитна, но ведь он меня не тронул, значит, в этом чудовище есть что-то от ангела, может быть, он и есть в какой-то степени ангел музыки, и был бы настоящим ангелом, если бы Бог одарил его красотой, вместо того чтобы облечь в мерзкую оболочку. После того как за ним закрылась дверь той страшной комнаты, где стоял гроб, я, испугавшись уготованной мне участи, снова проскользнула в свою комнату и уже взяла ножницы, чтобы лишить себя жизни… но тут вдруг послышались звуки органа…

Тогда, мой друг, я начала понимать, почему Эрик с таким пренебрежением отозвался об оперной музыке. То, что я услышала, не идет ни в какое сравнение с тем, что слышала до сих пор. Его «Торжествующий Дон Жуан» — не было никакого сомнения в том, что он бросился к своему шедевру, чтобы забыть недавнюю отвратительную сцену, — так вот, его «Дон Жуан» сначала показался мне только долгим, страшным и величественным рыданием, в которое бедный Эрик вложил всю свою боль. Я вспомнила листки с красными нотными значками и представила, что эта музыка написана его кровью. Она вела меня по всем кругам адской пытки, заставляла спускаться до самых глубин пропасти, в которой живет этот урод, она рассказывала, как Эрик бьется своей отвратительной головой о мрачные стены этого ада, как прячется там, чтобы не пугать людей. Уничтоженная, трепещущая, преисполненная жалостью, я присутствовала при рождении мощных аккордов, придавших скорби божественное величие. Потом рвущиеся из бездны звуки слились в один мощный угрожающий поток, и он поднимался

в небо, как орел поднимается к солнцу. Эта торжествующая симфония, казалось, зажигала своим огнем весь мир, и я поняла, что труд Божий наконец завершен и что уродство, поднятое на крыльях Любви, осмелилось взглянуть в лицо Красоте. Я была словно пьяная и сама отворила дверь, отделявшую меня от Эрика. Услышав меня, он поднялся, но обернуться не посмел.

«Эрик, — вскричала я, — покажите ваше лицо и не бойтесь! Клянусь вам, что вы — самый несчастный и самый благородный из людей, и если Кристина Даэ когда-нибудь отныне и будет вздрагивать при виде вас, так это только потому, что она будет думать при этом о величии вашего гения!»

Тогда Эрик обернулся, потому что поверил мне, и я сама — увы! — поверила себе… Он с торжеством воздел к небу руки и упал к моим ногам, бормоча слова любви… Слова любви выходили из его мертвого рта, и музыка смолкла… Он поцеловал край моего платья и не увидел, как я закрыла глаза от отвращения.

Что еще сказать вам, мой друг? Теперь вы знаете все. В продолжение двух недель я лгала; моя ложь была так же ужасна, как то чудовище, которое меня на нее вдохновляло, и такой вот ценой мне удалось получить свободу. Я сожгла его маску. Теперь, даже когда он не пел, он без страха встречал мой взгляд и смотрел на меня, как побитая собака смотрит на хозяина. Он был моим верным рабом и окружил меня самой нежной заботой. Вскоре я стала внушать ему такое доверие, что он брал меня на прогулку на берег озера, и мы катались в лодке по его свинцовым водам; в последние дни моего заточения мы даже выходили за решетку, которая отгораживает подземелья со стороны улицы Скриба. Там ждал экипаж, который увозил нас в пустынный ночной Булонский лес.

Та ночь, когда мы с вами встретились, едва не стала для меня роковой, потому что он очень ревнует меня к вам, и я так и не сумела усыпить его ревность, хотя без конца повторяла о вашем скором отъезде. Наконец через две недели, в течение которых я поочередно сгорала от жалости, восторга, отчаяния и ужаса, когда я сказала: «Я вернусь!» — он мне поверил.

— И вы вернулись, Кристина, — тихо произнес Рауль.

— Это правда, мой друг, и я должна сказать, что его страшные угрозы в день моего освобождения заставили меня сдержать слово, а его душераздирающие рыдания, которые, уходя, я слышала с порога склепа, да, эти рыдания, — повторила Кристина, горестно качая головой, — привязали меня к несчастному сильнее, чем я сама предполагала в момент прощания. Бедный Эрик! Бедный Эрик!

— Кристина, — начал Рауль, поднимаясь на ноги, — вы говорите, что любите меня, но не прошло и нескольких часов после того, как вы вышли на свободу, как вы уже снова вернулись к нему. Вспомните бал-маскарад.

— Так было условлено. Вы тоже вспомните, что эти несколько часов я провела с вами, Рауль… несмотря на большую опасность для нас обоих.

— Все эти несколько часов я сомневался в том, что вы любите меня.

— И вы до сих пор в этом сомневаетесь? Так знайте же, что каждая моя встреча с Эриком усиливала мой ужас и мое отчаяние, потому что эти встречи не успокаивали его, на что я надеялась, а напротив — он все больше сходил с ума от любви, и я боюсь… Да, я очень боюсь!

— Вы его боитесь, но любите ли вы меня? И любили ли бы вы меня, Кристина, если бы Эрик был красив?

— Несчастный! Зачем испытывать судьбу? Зачем спрашивать меня о том, что я прячу на самом дне своей души, как прячут грех?

Кристина тоже встала, обняла юношу своими прекрасными дрожащими руками и произнесла:

— Послушайте, жених вы мой однодневный! Если бы я вас не любила, я бы не позволила вам поцеловать себя. В первый и последний раз. Получайте!

Она приблизила к нему лицо, он поцеловал ее в губы, и окружавшая их ночь испустила такой стон, что они бежали, будто от надвигающейся бури, когда их глазам, в которых застыл

страх перед Эриком, предстала огромная ночная птица, смотревшая на них двумя горящими глазами, будто повисшими на струнах лиры Аполлона.

XIV
«Мастер ловушек» наносит удар

Рауль и Кристина бежали не останавливаясь. Они промчались по крыше, откуда вслед им смотрели горящие глаза, и остановились только на восьмом этаже. В тот вечер спектакля не было и коридоры Оперы были пусты.

Неожиданно перед молодыми людьми выросла странная фигура, преградившая им путь.

— Сюда нельзя! — И показала рукой на другой коридор, по которому они должны были выйти к кулисам.

Рауль хотел остановиться, потребовать объяснений.

— Проходите быстрее! — приказал странный человек в одежде, напоминавшей плащ, и в остроконечной восточной шапочке из каракуля.

Кристина быстро увлекла Рауля дальше.

— Кто это такой? — спросил юноша.

— Это Перс, — ответила Кристина.

— Что он здесь делает?

— Кто его знает! Он постоянно торчит в Опере.

— Из-за вас я веду себя, как трус, — недовольно заметил еще не успокоившийся Рауль. — Вы заставляете меня убегать от опасности, а такое случается впервые в моей жизни.

— Фи! — фыркнула Кристина, которая между тем начала успокаиваться. — А я думаю, что мы испугались собственной тени.

— Если это был Эрик, надо было бы пригвоздить его к лире Аполлона, как это делают с летучими мышами бретонские крестьяне, прибивая их к стенам, и с ним было б покончено.

— Храбрый мой Рауль, сначала вам пришлось бы подняться на лиру, а это совсем нелегко.

— И эти горящие глаза были там…

— Теперь и вы, так же как я, готовы видеть Эрика повсюду. Но потом, успокоившись, вы скажете себе: «Я принял за горящие глаза две золотые звездочки, которые светили через струны лиры».

И Кристина спустилась еще на один этаж. Рауль шел следом.

— Если вы окончательно решились бежать, Кристина, я еще раз предупреждаю вас, что лучше всего бежать немедленно. Зачем ждать до завтра? Может быть, он слышал наш сегодняшний разговор?

— Да нет же, нет! Повторяю вам: он работает над своим «Дон Жуаном», и ему не до нас.

— Однако вы не совсем уверены в этом и постоянно оглядываетесь.

— Пойдемте в мою артистическую, — досадливо сказала девушка, — и покончим с этим разговором.

— Давайте лучше выйдем из театра.

— Ни за что до самого побега! Я дала ему слово встречаться с вами только здесь.

— Мне еще повезло, что он вам это разрешил. — В голосе Рауля зазвучали язвительные нотки. — Знаете, вы проявили большое мужество, разыграв эту комедию нашего обручения.

— Но ведь он об этом знает. Он сам сказал мне: «Я верю вам, Кристина. Господин де Шаньи влюблен в вас и должен уехать. Пусть он тоже узнает до своего отъезда, что значит быть несчастным…»

— Что он хотел этим сказать?

— Это я должна спросить вас, мой друг: неужели человек, когда он любит, всегда так несчастен?

— Да, Кристина, когда он любит и когда не уверен, что любят его.

— Вы имеете в виду Эрика?

— И Эрика, и себя, — грустно и задумчиво покачал головой юноша.

Тем временем они подошли к артистической Кристины.

— Неужели вы себя чувствуете здесь в большей безопасности? — спросил Рауль. — Если вы слышали его через стены, тогда и он может слышать нас.

— Нет! Он дал мне слово не приходить сюда, и я верю его слову. Эта комната и та моя спальня в доме на озере принадлежат мне и только мне.

— Как же вы смогли выйти отсюда и оказаться в темном коридоре, Кристина? Давайте попробуем вспомнить все, что вы тогда делали.

— Это опасно, мой друг, потому что зеркало опять может повернуться, и если я не успею отскочить, я снова попаду в тайный коридор, ведущий к берегам озера. Тогда мне опять придется звать Эрика на помощь.

— И он вас услышит?

— Откуда бы я его ни позвала, он меня услышит. Он сам мне это сказал. Не следует думать, Рауль, что это обыкновенный человек, которому просто нравится жить под землей. Он гений, он делает то, чего никто сделать не может, знает то, что никому не известно.

— Берегитесь, Кристина, вы опять делаете из него сверхъестественное существо.

— Нет, он не сверхъестественное существо; это — человек неба и земли, и этим все сказано!

— Человек неба и земли! Вот как вы заговорили! Вы все еще готовы бежать?

— Да, завтра.

— Хотите, я скажу вам, почему вы должны сделать это нынче ночью?

— Скажите, дорогой.

— Потому что завтра вы не решитесь на это!

— Тогда, Рауль, вы увезете меня против моей воли. Мы же договорились…

— Итак, завтра в полночь я буду в вашей артистической, — мрачно заявил юноша. — Что бы ни случилось, я сдержу слово. Вы сказали, что после представления он будет ждать вас в столовой на озере?

— Там он и назначил мне свидание.

— А как вы к нему попадете, если не знаете, как выйти через зеркало?

— Я просто пойду прямо к озеру.

— Через подземелье? Через лестницы и коридоры, где ходят машинисты и рабочие сцены? Как вы сделаете это незаметно? Все зрители побегут за Кристиной Даэ, и вы приведете к озеру целую толпу.

Тогда Кристина достала из шкатулки огромный ключ и показала Раулю.

— Вот ключ от решетки подземелья на улице Скриба.

— Теперь мне все ясно, Кристина. Вы можете дать мне этот ключ?

— Никогда! — с горячностью ответила она. — Это было бы предательством!

И тут Рауль увидел, как смертельная бледность разлилась по щекам девушки.

— О господи! Эрик! Эрик! Сжальтесь надо мной!

— Замолчите, — приказал юноша. — Вы же сами сказали, что он не может вас услышать.

Однако поведение певицы становилось все более непонятным. Сцепив пальцы, она затравленно повторяла:

— О господи! О боже мой!

— В чем дело? — испугался Рауль.

— Кольцо…

— Что кольцо? Умоляю, Кристина, придите в себя.

— Золотое кольцо, которое он мне дал. И при этом добавил: «Я даю вам свободу, Кристина, но с условием, что это кольцо всегда будет на вашем пальце. Пока оно у вас, вы будете в безопасности, и Эрик останется вашим другом. Но если вы с ним расстанетесь, горе вам, Кристина: Эрик сумеет отомстить!» А теперь кольцо пропало! Горе нам!

Они напрасно искали подарок Эрика в комнате. Его нигде не было, и беспокойство девушки все росло.

— По-моему, когда я позволила вам поцеловать меня там, наверху, под лирой Аполлона, — дрожа, вспоминала она, — кольцо соскользнуло с пальца и упало на улицу. Как же теперь его найти? Какая страшная опасность грозит нам, Рауль! Ах! Надо скорее бежать!

— Бежать немедленно! — как эхо откликнулся Рауль.

Но она медлила. Ему показалось, что сейчас она скажет «да». Однако ресницы ее дрогнули, и девушка сказала:

— Нет! Завтра!

С этими словами она поспешно, в полном смятении покинула его, продолжая на ходу бессознательно ощупывать пальцы, будто надеясь, что кольцо вот-вот обнаружится на своем месте.

Что касается Рауля, он пошел домой, чрезвычайно озабоченный тем, что услышал от Кристины.

— Если только я не вырву ее из лап этого негодяя, — вслух сказал он, ложась в постель, — она погибнет. Но я ее спасу!

Он потушил лампу, и в темноте на него нахлынула бессильная ярость. Он трижды выкрикнул:

— Негодяй! Негодяй! Негодяй!

Тут он внезапно приподнялся, опершись на локоть, и холодный пот выступил у него на висках. В ногах кровати, как тлеющие угольки, светились два глаза. Они пристально, настойчиво смотрели на юношу в кромешной тьме.

Рауль не был трусом и все-таки не мог унять дрожь. Он протянул руку, пошарил на ночном столике, нашел коробок спичек и зажег свечу. Горящие глаза исчезли. Ничуть не успокоенный, он подумал: «Она говорила, что его глаза можно видеть только в темноте, они исчезли, но он сам, возможно, еще здесь».

Он встал, осторожно обошел комнату, обшарил все углы, не забыв заглянуть даже под кровать, и в полном недоумении громко произнес:

— Ничего не понимаю. Нельзя же верить в подобные сказки. Где кончается реальность и где начинается фантастика? Не померещилось ли все это ей самой? А может быть, и мне померещилось? Может быть, никаких горящих глаз и не было, все это лишь игра воображения? Теперь я и сам не уверен в этом.

Он снова лег в постель и потушил свечу.

В темноте вновь заблестели два глаза.

Рауль вскрикнул. Усевшись в постели, он пристально всматривался в две горящие точки. Через некоторое время он собрал все свое мужество и неожиданно для себя самого выкрикнул:

— Это ты, Эрик? Человек, гений или призрак? Это ты?

И его пронзила жуткая догадка: «Если это он, то он на балконе».

Тогда он вскочил, прямо в ночной рубашке бросился к письменному столу и нащупал в ящике револьвер. Потом открыл застекленную дверь балкона. Ночь была холодная. Рауль быстрым взглядом обвел пустой балкон и тут же вернулся, захлопнув за собой дверь. Залез под одеяло, с трудом унимая дрожь, положил револьвер на ночной столик рядом с собой.

И опять задул свечу.

Глаза по-прежнему светились на том же месте, у изножия кровати. Между кроватью и оконным стеклом, за стеклом, на балконе? Вот что интересовало Рауля. И еще — он хотел узнать, принадлежат ли эти глаза человеческому существу. Он хотел, наконец, знать все.

Хладнокровно, не спеша, стараясь не потревожить окружавшую его ночь, юноша взял револьвер и прицелился в темноту.

Он целил прямо между двух золотистых звездочек, смотревших на него со странным неподвижным блеском. Потом взял чуть выше: ведь если это глаза, и если над ними есть лоб, и если он не промахнется…

Выстрел страшным грохотом раскатился в тишине спящего дома… По коридорам застучали торопливые шаги. Рауль вытянул руку и, готовый выстрелить еще, всматривался в темноту.

На этот раз звездочки исчезли.

Загорелся свет, в комнату вбежали люди, и перепуганный граф Филипп затормошил брата.

— Что случилось, Рауль?

— Да нет, ничего, наверное, мне это привиделось во сне. Я стрелял по двум звездочкам, которые мешали мне уснуть, — ответил юноша.

— Ты бредишь? Ты заболел!.. Умоляю тебя, Рауль, что случилось? — И граф отобрал у него револьвер.

— Нет, нет! Это не бред!.. Впрочем, сейчас поглядим.

Он встал, накинул халат, надел шлепанцы, взял из рук слуги подсвечник и открыл балконную дверь.

Граф заметил, что окно пробито пулей на уровне человеческого роста. Рауль нагнулся, осматривая балкон.

— Ага! Кровь… Кровь! Вот и здесь кровь! Прекрасно! Призрак, из которого течет кровь, это уже не так страшно…

— Рауль! Рауль!

Граф тряс его, как трясут лунатика, чтобы привести в чувство.

— Не надо, брат, я же не сплю! — отбивался недовольный Рауль. — Вы же видите эту кровь. Мне показалось, что это мне снится, но я выстрелил в Эрика, и вот его кровь…

Потом, как-то вдруг разволновавшись, добавил:

— В конце концов, может быть, я зря выстрелил, и Кристина не простит мне… Этого бы не произошло, если бы я опустил шторы, когда ложился спать.

— Рауль, ты с ума сошел? Проснись же!

— Опять вы за свое! Вы бы лучше, дорогой брат, помогли мне найти Эрика. Ведь призрак, из которого течет кровь, может…

Его прервал камердинер графа:

— Это правда, сударь, на балконе кровь.

Слуга принес лампу, и они увидели кровавый след, который тянулся вдоль края балкона к водосточному желобу и спускался по нему до самой земли.

— Друг мой, — сказал граф Филипп, — ты стрелял в кошку.

— Дьявольщина! — выругался Рауль, и этот крик болью отозвался в ушах графа. — Вполне возможно. С Эриком возможно все. Эрик? А может, кот? Или призрак? Живое существо или тень? С Эриком возможно все!

Рауль продолжал бормотать. Его странные и непонятные слова, которые были тесно и логически связаны с его собственными размышлениями и рассказом Кристины Даэ, вконец убедили присутствующих, что юноша спятил. Сам граф начал опасаться того же самого, а позже судебный следователь, прочитав рапорт комиссара полиции, не знал, о чем и подумать.

— Кто такой Эрик? — спросил граф, сжимая руку брата.

— Это мой соперник. И если он еще жив, тем хуже для меня!

Граф отослал слуг, братья остались одни. Но камердинер графа услышал, как Рауль решительным тоном произнес за закрывшейся дверью:

— Сегодня ночью я украду Кристину Даэ!

Впоследствии эта фраза была передана судебному следователю Фору. Однако никому не известно, какой разговор произошел между братьями в ту ночь.

Слуги рассказывали, что это была не первая ссора между ними. Через стены слышны были крики, и не раз повторялось имя Кристины Даэ.

За завтраком — обычно граф завтракал в своем рабочем кабинете — Филипп приказал позвать к нему Рауля. Тот пришел мрачный и молчаливый. Разговор был коротким.

— Прочти вот это! — Граф протянул брату газету и ткнул пальцем в одну из заметок.

Виконт, шевеля губами, прочитал следующее:

«Сенсация в Предместье[17]: только что стало известно об обручении мадемуазель Кристины Даэ, лирической певицы, и виконта Рауля де Шаньи. Если верить закулисным разговорам, граф Филипп поклялся, что впервые за всю историю семьи один из Шаньи не сдержит своего обещания. Поскольку любовь — и в Опере более, чем где бы то ни было, — всемогуща, возникает вопрос: какими средствами располагает граф Филипп, чтобы помешать своему брату повести к алтарю «Новую Маргариту»? Говорят, братья обожают друг друга, но вряд ли братская любовь одержит верх над просто любовью, пусть даже и мимолетной».

Граф *(печально)*: Ты видишь, Рауль, что ты делаешь нас посмешищем. Эта девица совсем вскружила тебе голову своими рассказами о привидениях. (Значит, виконт передал брату рассказ Кристины.)

Виконт: Прощай, брат!

Граф: Значит, решено? И сегодня ночью ты уезжаешь? Вместе с ней? Надеюсь, ты не сделаешь такой глупости! *(Молчание виконта.)* Я найду способ остановить тебя!

Виконт: Прощай, брат! *(Выходит.)*

Об этом разговоре судебному следователю поведал сам граф, который в последний раз в жизни увидел младшего брата в тот же вечер в Опере, за несколько минут до исчезновения Кристины.

Рауль провел весь день за приготовлениями к похищению.

Лошади, экипаж, кучер, продукты, багаж, деньги на дорогу, маршрут — было решено воспользоваться железной дорогой, чтобы сбить призрака со следа, — все это занимало мысли виконта до девяти вечера.

В девять часов к веренице экипажей перед Ротондой присоединилась двухместная карета с плотно зашторенными окнами и поднятыми стеклами. В нее были впряжены две резвые лошади, на козлах сидел кучер, лица которого почти не было видно за многочисленными складками длинного шарфа. Перед этой каретой стояли еще три. Позже следствие установило, что это были экипажи Карлотты, неожиданно возвратившейся в Париж, Сорелли и графа Филиппа де Шаньи. Из двухместной кареты никто не выходил. Кучер все время оставался на козлах. Трое других кучеров также не покидали своих мест.

Какой-то неизвестный, закутанный в черное пальто, в черной шляпе из мягкого фетра прошел по тротуару между Ротондой и экипажами. Казалось, он внимательно разглядывает двухместную карету. Он подошел к лошадям, потом к кучеру, затем удалился, не сказав ни слова. Следствие решило, что это был виконт де Шаньи, что касается меня, я в это не верю, потому что знаю, что в тот вечер, как обычно, виконт де Шаньи был в цилиндре, который, кстати, был найден позже. Я считаю, что это был призрак, который знал обо всем, как мы впоследствии увидим.

[17] Имеется в виду предместье Сент-Оноре, аристократический квартал Парижа, расположенный в его северо-западной части. — *Примеч. пер.*

По какой-то случайности в тот вечер давали «Фауста». В зале собралась самая блестящая публика. Аристократическое предместье было почти в полном составе. В те годы владельцы абонементов еще неохотно делились своими ложами с финансовой и торговой элитой или с чужестранцами. Сегодня же дело обстоит примерно следующим образом: ложей какого-нибудь маркиза, который является ее владельцем по контракту, пользуется торговец солониной вместе со всем своим семейством, поскольку платит за нее. А в ту эпоху такие случаи были большой редкостью. Ложи Оперы представляли собой салон, где встречались представители светского общества; некоторые из них и впрямь любили музыку.

Все эти аристократы знали друг друга, хотя и не поддерживали близких отношений. А лицо графа де Шаньи было знакомо всем.

Заметка в газете «Эпок» уже успела произвести определенный эффект, поэтому все глаза были устремлены к ложе, где в одиночестве, с безразличным видом восседал граф Филипп. Особенно заинтригована была женская половина блестящего собрания, а отсутствие виконта давало обильную пищу перешептываниям за плавно колыхавшимися веерами. Кристину Даэ встретили довольно холодно: собравшаяся в тот вечер публика не простила ей столь дерзких притязаний.

Певица сразу же отметила недоброжелательность зала, и ей стало немного не по себе.

Завсегдатаи, которые считали себя в курсе любовных приключений виконта, не преминули злорадно улыбнуться, когда Маргарита начала петь. Они, не сговариваясь, повернулись в сторону ложи графа де Шаньи, услышав со сцены такую фразу: «Я б дорого дала, открой мне кто-нибудь, кто тот чужой. У незнакомца важный вид, он, надо думать, родовит».

Опершись подбородком о сложенные на перилах руки, граф, казалось, не обращал никакого внимания на настойчивые взгляды. Он не отрывал глаз от сцены, но видел ли он, что там происходит?

Тем временем уверенность Кристины таяла на глазах. Она вся дрожала, катастрофа казалась неминуемой. Каролюс Фонта подумал, что она заболела, и засомневался, сможет ли она доиграть свою роль до конца акта. А в зале вспоминали о несчастье, случившемся с Карлоттой именно в этом самом месте, когда она издала историческое «кваканье», разом положившее конец ее карьере в Париже.

И как раз в этот момент в ложе напротив сцены появилась Карлотта; бедная Кристина подняла на нее глаза и узнала соперницу. Ей показалось, что та ехидно усмехается. Это спасло ее. Она забыла обо всем, кроме того, что должна сегодня снова добиться триумфа.

С этого момента она запела свободно, раскованно, вдохновенно. Она пыталась превзойти все, что делала до сих пор, и ей это удалось. В последнем акте, когда она начала призывать ангелов и подниматься с пола темницы, зал затрепетал от волнения, и многие почувствовали крылья за спиной.

Когда раздался этот нечеловеческий призыв, в центре амфитеатра встал человек и сделал движение, как будто он тоже собирался оторваться от земли. Это был Рауль.

Спаси меня, отец мой в вышине!
Вы, ангелы, вокруг меня, забытой,
Святой стеной мне станьте на защиту!

И Кристина, простирая руки и вздымая грудь, в золотом сиянии распущенных по обнаженным плечам волос, бросила в зал последний крик:

Я покоряюсь Божьему суду!

В этот миг театр неожиданно погрузился в темноту. Это произошло настолько быстро, что зрители едва успели вскрикнуть от изумления, как сцена вновь залилась светом…

…Но Кристины Даэ на сцене уже не было! Что с ней сталось? Где она? Зрители недоуменно переглядывались, и волнение моментально захлестнуло весь театр. Из-за кулис выбежали актеры и служащие. Спектакль оборвался посреди небывалого шума и смятения.

Так что же все-таки случилось с Кристиной? Какое колдовство сорвало ее со сцены прямо на глазах тысяч восторженных зрителей, буквально из рук Каролюса Фонта? Может быть, вняв ее мольбе, ангелы на самом деле унесли ее в небо?..

Рауль, по-прежнему стоявший в амфитеатре, вскрикнул. В своей ложе медленно поднялся на ноги граф Филипп. Взгляды зрителей перебегали со сцены на Рауля, потом на графа, и некоторые спрашивали себя, не связано ли это невероятное происшествие с заметкой в утренней газете. Но вот Рауль стремительно вышел из зала, граф покинул свою ложу, и пока опускали занавес, кое-кто из зрителей устремился за кулисы, возбужденно переговариваясь на ходу. Каждый пытался по-своему объяснить происшедшее. Одни считали, что Кристина свалилась в люк, другие утверждали, что ее подняли лебедкой наверх и что это, скорее всего, сценический эффект, выдуманный новой дирекцией, третьи думали, что это — шутка, тем более что в момент исчезновения отключили свет в зале.

Наконец занавес медленно поднялся, и Каролюс Фонта, подойдя к самому краю оркестровой ямы, произнес печальным и суровым голосом:

— Дамы и господа, произошло неслыханное событие, которое повергло нас в глубокое беспокойство. Наша коллега, Кристина Даэ, исчезла на наших глазах самым непостижимым образом.

XV
Необычное приключение с английской булавкой

На сцене творилось невообразимое. Артисты, машинисты, танцовщицы, статисты, хористы, обладатели абонементов — все суетились, кричали, толкались. «Это колдовство!», «Она сбежала!», «Ее увез виконт де Шаньи!», «Нет, это сделал граф!», «Да нет же, это Карлотта, это ее рук дело!», «Нет, это призрак!»

Некоторые хитро посмеивались, особенно после того, как внимательный осмотр люков и полов исключил всякую возможность несчастного случая.

В галдящей толпе появились трое; они тихо переговаривались и в отчаянии пожимали плечами. Это были хормейстер Габриель, администратор Мерсье и секретарь Реми. Они свернули в узкий тамбур, который соединяет сцену с большим танцевальным залом, и, укрывшись позади огромных декораций, начали совещаться.

— Я стучал, но они не отвечают! Может быть, их нет в кабинете? Однако проверить невозможно, потому что ключи у них.

Так говорил секретарь Реми, и, вне всякого сомнения, его слова относились к обоим директорам, которые в последнем антракте приказали не беспокоить их ни под каким видом. «Их нет ни для кого».

— И все же! — воскликнул Габриель. — Не каждый день прямо со сцены воруют певиц…

— Вы сказали им об этом? — спросил Мерсье.

— Я попробую еще раз, — махнул рукой Реми и убежал.

Тем временем к ним подошел режиссер.

— Я вас ищу, господин Мерсье. Что вы оба здесь делаете? Вас спрашивают, господин администратор!

— Я ничего не хочу предпринимать до прихода комиссара, — заявил Мерсье. — За Мифруа уже послали. Когда он будет здесь, тогда и посмотрим.

— А я говорю вам, что надо немедленно спуститься вниз, к «органу».

— Не раньше, чем придет комиссар…

— Я уже спускался, но там никого нет.

— Но я-то что могу поделать?

— Разумеется, — и режиссер нервно потер руки. — Разумеется! Но если бы там был кто-нибудь из осветителей, он объяснил бы нам, отчего вдруг на сцене погас свет. А Моклера нигде нет. Вы понимаете?

Моклером звали бригадира осветителей, который по своему усмотрению творил на сцене день или ночь.

— Моклера нигде нет, — повторил потрясенный Мерсье. — А его помощники?

— Нет ни Моклера, ни помощников. Никого, кто занимается освещением! Вы же не думаете, — заорал вдруг режиссер, — что девушка исчезла сама по себе?! Это же явно было подготовлено заранее! А где наши директора? Я запретил спускаться в осветительскую и даже выставил пожарника возле «органа». Я сделал что-то не так?

— Так, так! Все правильно… А теперь давайте ждать комиссара.

Режиссер сердито пожал плечами и ушел, проклиная вполголоса этих «мокрых куриц», которые, поджав хвост, забились в угол в тот момент, когда в театре «черт знает что творится».

Однако Габриеля и Мерсье нельзя было обвинить в том, что они забились в угол. Они получили указание, которое парализовало все их действия: они не имели права беспокоить директоров ни под каким предлогом. Реми пытался нарушить это указание, но безуспешно.

В этот момент он как раз вернулся. На лице его была написана полнейшая растерянность.

— Вы говорили с ними? — поспешно спросил Мерсье.

— Когда в конце концов Моншармен открыл мне дверь, — отвечал Реми, — глаза его вылезали из орбит. Я подумал, что он кинется на меня с кулаками. Я не мог вставить ни слова, и знаете, что он сказал? Он спросил, есть ли у меня английская булавка. Я покачал головой, тогда он послал меня ко всем чертям. Я пытался объяснить, что в театре происходит нечто неслыханное, а он снова: «Английскую булавку! Дайте скорее английскую булавку!» Он орал как сумасшедший. Потом прибежал курьер и принес эту чертову булавку. Отдал ему, и Моншармен тут же захлопнул дверь перед нашим носом. Вот и все.

— А вы не сказали ему, что Кристина Даэ…

— Хотел бы я вас видеть на моем месте… Он просто кипел! На уме у него была только булавка. Мне кажется, если бы ее не принесли, его хватил бы удар. Все это очень даже загадочно, и, по-моему, наши директора начинают сходить с ума. — Помолчав, он недовольно добавил: — Этому пора положить конец! Я не привык, чтобы со мной обращались подобным образом.

— Это дело рук Призрака Оперы, — неожиданно выдохнул Габриель.

Реми ухмыльнулся. Мерсье вздохнул, казалось, он собирался сообщить что-то важное и таинственное, но, взглянув на Габриеля, делавшего ему красноречивые знаки, промолчал.

Однако Мерсье, чувствуя, что пора брать ответственность на себя, потому что время идет, а директора все не показываются, не выдержал:

— Ладно, я сбегаю за ними сам.

Габриель, как-то сразу помрачневший и озабоченный, остановил его:

— Погодите, Мерсье. Если они заперлись в своем кабинете, значит, так надо. У Призрака Оперы в запасе много всяких штучек.

Но Мерсье только покачал головой:

— Тем хуже! Если бы меня послушали раньше, полиция давно была бы в курсе.

И с этими словами он удалился.

— В курсе чего? — тотчас вставил Реми. — Ага, вы молчите, Габриель! И у вас тоже секреты… Было бы лучше, если бы вы меня в это посвятили, если не хотите, чтобы я счел всех вас сумасшедшими. Да, именно сумасшедшими!

Габриель повращал округлившимися глазами и сделал вид, что не понял намеков господина секретаря.

— Какие такие секреты? — пробормотал он. — Не знаю, о чем вы говорите.

На этот раз Реми вышел из себя.

— Сегодня вечером вот на этом самом месте, во время антракта, Ришар и Моншармен вели себя просто как настоящие душевнобольные.

— Я этого не заметил, — растерянно сказал Габриель.

— Только вы один не заметили! Вы думаете, что я их не видел? Думаете, господин Парабиз, директор банка «Креди Сантраль», тоже ничего не заметил? И посол тоже? Нет, господин хормейстер, все показывали пальцем на наших директоров!

— Что же они делали такого особенного, наши директора? — спросил Габриель с самым простодушным видом.

— Что они делали? Вы лучше меня знаете, что они делали! Вы были здесь! И наблюдали за ними — вы и Мерсье. И только вы двое не смеялись…

— Я вас не понимаю.

Габриель раздраженно развел руками, и этот жест, очевидно, означал, что данный вопрос его больше не интересует.

— Что это за новая причуда? — настойчиво допытывался Реми. — Они никого к себе не подпускали.

— Как? Они никого к себе не подпускали?

— Да, и они никому не позволяли до себя дотронуться.

— Вы это верно заметили, что они никому не позволяли до себя дотронуться, — подчеркнул Габриель. — Вот это действительно странно.

— Значит, вы тоже это заметили? Наконец-то! И еще: они почему-то все время пятились назад.

— Ага! Вы обратили внимание, что директора пятились назад, а я-то думал, что так ходят только раки.

— Не смейтесь, Габриель! Не смейтесь!

— Я и не смеюсь, — возразил Габриель, который оставался серьезен, «как папа римский».

— Объясните мне, пожалуйста, Габриель, раз уж вы так близки к дирекции, почему в антракте, когда я протянул руку к господину Ришару, Моншармен прошипел: «Отойдите! Отойдите! Не дотрагивайтесь до него». Разве я прокаженный?

— Невероятно!

— А через несколько секунд, когда господин посол, в свою очередь, направился к Ришару, разве вы не видели, как Моншармен бросился между ними и закричал: «Господин посол, заклинаю вас, не прикасайтесь к господину директору!»

— Фантастика! А что делал в это время Ришар?

— Что делал? Вы же сами видели. Он сделал полуоборот и поклонился, хотя перед ним никого не было. Потом попятился назад! А Моншармен, который стоял позади него, тоже резко повернулся и тоже попятился назад… Так они и шли до самой лестницы затылком вперед! Или они сошли с ума, или я ничего не понимаю!

— Может быть, — предположил Габриель, — они репетировали…

Господин секретарь был оскорблен такой вульгарной шуткой в столь драматический момент. Он нахмурился, губы его сжались.

— Не хитрите, Габриель, — наклонился он к самому уху собеседника. — Здесь творятся вещи, за которые вы с Мерсье тоже несете ответственность.

— Что именно? — удивился Габриель.

— Я думаю, Кристина Даэ не единственная, кто исчез сегодня вечером.

— Неужели?

— Никаких «неужели»! Вы мне можете объяснить, почему, когда мамаша Жири спустилась в вестибюль, Мерсье взял ее за руку и быстро повел за собой?

— Да что вы говорите? — воскликнул Габриель с усмешкой. — А я и не заметил.

— Вы все прекрасно видели, Габриель, тем более что шли следом за Мерсье и мамашей Жири до его кабинета. С того момента вас видели вместе с Мерсье, а Жири никто больше не видел.

— Вы полагаете, что мы ее съели?

— Нет! Но вы ее заперли в своем кабинете, и сейчас она вопит из-за двери: «Бандиты! Бандиты!»

В этот момент подошел запыхавшийся Мерсье.

— Ну вот, — мрачно проговорил он. — Это уже ни на что не похоже. Я сказал им, что дело очень серьезное и срочное, что это я, Мерсье. Наконец дверь приоткрылась, и появился белый как бумага Моншармен. «Вам чего?» — спросил он меня. Я ответил, что Кристину Даэ похитили, и знаете, что он сказал? «Тем лучше для нее!» И снова закрыл дверь, вложив мне в руку вот это.

Мерсье разжал ладонь, Реми и Габриель наклонились над ней.

— Английская булавка! — воскликнул Реми.

— Странно! Весьма странно! — совсем тихо, как бы про себя, произнес Габриель и неожиданно для самого себя вздрогнул.

В этот момент чей-то голос заставил всех троих оглянуться.

— Простите, господа, вы не знаете, где Кристина Даэ?

Несмотря на драматичные обстоятельства, подобный вопрос, возможно, заставил бы их расхохотаться. Но на лице юноши было написано такое страдание, что они сразу почувствовали к нему жалость. Это был виконт де Шаньи.

XVI
«Кристина! Кристина!»

Сразу после исчезновения Кристины Даэ Рауль понял, что в этом замешан Эрик. Он уже не сомневался в том, что «ангел музыки» обладает неограниченным, почти сверхъестественным могуществом в Опере, где основал свою дьявольскую империю.

Рауль бросился на сцену в безумии отчаяния и любви. «Кристина! Кристина!» — стонал он, и ему казалось, что он слышит, как в эту самую минуту Кристина зовет его из подземной бездны, куда затащил ее монстр, трепещущую от божественного восторга, одетую в белый саван, в котором она собиралась умчаться к ангелам в рай.

— Кристина! Кристина! — повторял Рауль, и ему казалось, что в ответ он слышит стоны девушки через толщу, которая их разделяла. Как безумный, ходил он по сцене, прислушиваясь к каждому шороху. Одна мысль сверлила его мозг: спуститься вниз! В мрачный колодец, из которого, быть может, нет выхода!

Но сегодня этот хрупкий деревянный настил, который обычно так легко отодвигается в сторону, открывая под собой пропасть, куда устремлялось все его существо, — сегодня этот настил казался непоколебимым, и двери на лестницы, ведущие в подземелья Оперы, тоже оказались закрыты.

Предчувствия, одно страшнее другого, как молнии, вспыхивали в воспаленном мозгу Рауля.

Очевидно, Эрик, узнав их тайну, понял, что Кристина предала его. Какой же будет его месть? На что может решиться ангел музыки, сброшенный с пьедестала своей гордыни? Бедная Кристина, оказавшаяся в лапах всемогущего чудовища!

Рауль вспомнил два неподвижных глаза со странно-зловещим золотым блеском, которые той ночью пристально следили за ним с балкона и которые он так и не смог уничтожить. Ну конечно же! Бывают такие необычные человеческие глаза, которые расширяются в темноте и

сверкают, как звездочки или как глаза кошки. Известно, что глаза некоторых людей-альбиносов, кажущиеся днем кроткими глазами кролика, ночью превращаются в глаза хищной рыси.

Ну конечно, он стрелял вчера в Эрика! И злодей сбежал по водосточной трубе, как это делают кошки или грабители, которые по трубе могут взобраться даже на небо.

Нет никакого сомнения, что Эрик собирался предпринять решительные меры против молодого человека, но был ранен и поспешно скрылся, чтобы обрушить свой гнев на бедную Кристину.

Такие ужасные мысли одолевали Рауля, когда он спешил к артистической певицы.

«Кристина! Кристина!» Горькие слезы застилали ему глаза, он открыл дверь и с порога увидел разбросанную по комнате одежду, приготовленную для побега. Зачем она не сделала это раньше, зачем так легкомысленно отнеслась к надвигающейся катастрофе?! Зачем, из какого высшего сострадания решила в последний раз обратить к этому демону свое божественное пение:

Вы, ангелы, вокруг меня, забытой,
Святой стеной мне станьте на защиту!

Рауль, глотая душившие его слезы, клятвы и проклятия, бросился к большому зеркалу, которое однажды повернулось и поглотило Кристину. Он давил, нажимал, толкал бесчувственное стекло, но оно, очевидно, повиновалось только Эрику… Или здесь нужны какие-то особые заклинания? Когда он был ребенком, ему рассказывали о волшебных вещах, которые повинуются магическому слову.

И вдруг Рауль вспомнил… «Решетка, выходящая на улицу Скриба. Подземелье, которое ведет от озера наверх, на улицу Скриба». Об этом говорила Кристина! Он бросился к шкатулке, хранившей тяжелый ключ, но увы… И все-таки он побежал на улицу Скриба.

Дрожащими руками он ощупывал гигантские каменные плиты, ища лазейку, и вдруг увидел массивные закрытые решетки… Напрасно пытался он проникнуть взглядом в царившую внизу ночь, напрасно напряженно вслушивался в мертвое молчание. Он обошел здание и увидел широкие решетчатые ворота. Это был вход во двор дирекции.

Рауль побежал к консьержке.

— Простите, мадам, вы не могли бы показать мне решетчатую дверь, да, дверь в виде решетки, которая выходит на улицу Скриба и ведет к озеру? Да, в то самое подземелье… под зданием Оперы.

— Да, сударь, я знаю, что под Оперой есть озеро, но не знаю, какая дверь ведет туда. Я никогда там не бывала.

— А улица Скриба, мадам? Улица Скриба? Вы знаете улицу Скриба?

Она расхохоталась. Она просто зашлась от смеха. Выругавшись сквозь зубы, Рауль бросился вниз по лестнице, пробежал через служебные помещения и вновь оказался на освещенной сцене.

Когда он наконец остановился, его сердце было готово выскочить из груди. Может быть, Кристину уже нашли? Увидев небольшую группу людей, он подошел к ним и спросил:

— Простите, господа, вы не знаете, где Кристина Даэ?

В ответ раздался громкий смех.

В ту же минуту послышались гулкие шаги, и в окружении черных фраков появился человек с розовым пухлым личиком, вьющимися волосами и приветливыми голубыми глазами. Администратор Мерсье указал Раулю на прибывшего:

— Вот человек, которому нужно задать ваш вопрос. Разрешите представить вам комиссара полиции Мифруа.

— А, господин виконт де Шаньи! Рад вас видеть, сударь, — сказал комиссар. — Прошу пройти со мной. А теперь скажите, где ваше начальство? Где ваши директора?

Поскольку администратор хранил молчание, секретарь Реми взял на себя труд сообщить комиссару, что господа директора заперлись в своем кабинете и еще ничего не знают о случившемся.

— Невероятно! А ну-ка, пойдемте в кабинет.

И господин Мифруа в сопровождении шумной группы зашагал к служебным помещениям. Мерсье воспользовался толчеей, чтобы сунуть Габриелю в руку ключ от своего кабинета.

— Все это мне не нравится, — шепнул он. — Пойди выпусти мамашу Жири, пусть подышит воздухом.

Они подошли к директорской двери, и Мерсье целую минуту напрасно просил директоров откликнуться.

— Именем закона открывайте! — прозвучал четкий и чуточку обеспокоенный голос Мифруа.

Наконец дверь открылась. Вслед за комиссаром все поспешили в кабинет.

Рауль вошел последним. В этот момент на его плечо опустилась чья-то рука, и он услышал следующие слова, произнесенные вполголоса:

— Секреты Эрика никого не касаются!

Он оглянулся, подавив готовое вырваться восклицание. Рука, только что коснувшаяся его плеча, теперь была прижата к губам смуглого человека с золотисто-зелеными глазами, в каракулевой шапочке… Перс!

Незнакомец продолжал жестом призывать к молчанию, и в ту секунду, когда виконт, справившись с замешательством, собрался осведомиться о причине его столь необычного поведения, странный человек кивнул головой и исчез.

XVII
Удивительные признания мадам Жири касательно ее личных отношений с Призраком Оперы

Прежде чем последовать за комиссаром полиции Мифруа в директорский кабинет, я хочу задержать внимание читателя на некоторых событиях, которые произошли незадолго до того в кабинете, куда безуспешно пытались проникнуть секретарь Реми и администратор Мерсье и где наглухо забаррикадировались господин Ришар и господин Моншармен, и рассказать читателю о том, чего он еще не знает, но что я считаю своим историческим долгом — я хочу сказать: своим долгом историка — сообщить ему.

Я уже имел повод отметить, как изменилось — в худшую сторону! — настроение директоров за последнее время, и намекнул, что причиной такой трансформации могли быть только уже известные читателю события.

Да будет вам известно — несмотря на все желание господ директоров навсегда скрыть этот факт, — что призрак спокойно получил свои первые двадцать тысяч франков. Произошло это следующим образом.

Однажды утром директора нашли на своем письменном столе конверт, на котором был написан адрес: *«Господину Призраку Оперы лично»*. В конверт была вложена записка:

«Наступило время выполнить обязательства, изложенные в известном вам перечне. Вы вложите в конверт двадцать банкнот по тысяче франков, запечатаете его вашей печатью и передадите мадам Жири, которая сделает все остальное».

Директора не заставили просить себя дважды; не тратя времени на размышления насчет того, каким дьявольским образом оказался этот конверт в их кабинете, который они всегда запирали на ключ, они решили поймать наконец таинственного вымогателя. Рассказав обо всем — под величайшим секретом — Габриелю и Мерсье, они вложили в конверт требуемую сумму и, не задав ни единого вопроса, вручили его мадам Жири, восстановленной к тому времени на службе. Билетерша не выказала ни малейшего удивления. Не стоит и говорить о том, что за ней следили. Она сразу пошла в ложу призрака и положила драгоценный конверт на ручку кресла. Тем временем оба директора, в компании с Габриелем и Мерсье, спрятались таким образом, чтобы ни на миг не терять из виду конверт в течение всего спектакля; после спектакля, поскольку конверт остался на месте, они не покинули своего укрытия; театр опустел, ушла мадам Жири, а оба директора, Габриель и Мерсье не шелохнулись. Наконец это им надоело, и они вскрыли конверт, предварительно убедившись, что печати не тронуты.

Вначале Ришар и Моншармен подумали, что деньги на месте, но в следующий момент поняли, что это не совсем так. Двадцать настоящих банкнот исчезли — вместо них в конверте лежали двадцать билетов «Sainte Farce»[18].

За этим последовал взрыв ярости, сменившийся страхом.

— Это проделано лучше, чем у Робер-Удэна[19]! — воскликнул Габриель.

Моншармен хотел бежать за комиссаром, но Ришар остановил его и изложил свой план: «Не будем смешить людей! Весь Париж будет хохотать над нами. Призрак выиграл первый тур, мы выиграем второй». Очевидно, он имел в виду платеж следующего месяца.

Однако их так ловко обвели вокруг пальца, что в течение нескольких недель они не могли избавиться от неприятного ощущения. И если до сих пор не пригласили комиссара, так только потому, что в глубине души директора подозревали, что это была всего лишь злая и неудачная шутка их предшественников, обнародовать которую было бы преждевременно. С другой стороны, это подозрение у Моншармена понемногу вытеснялось другим, относившимся к самому Ришару, который славился богатым воображением. Как бы то ни было, готовые к любым неожиданностям, они настороженно ждали дальнейших событий и не спускали глаз с мадам Жири, которая ни о чем не догадывалась.

— Если она замешана в этой истории, — сказал Ришар, — деньги уже тю-тю. Но, по-моему, она слишком глупа.

— В этом деле таких глупцов предостаточно, — задумчиво заметил Моншармен.

— Разве можно было предположить такой поворот? — жалобно проговорил Ришар. — Но не волнуйся: в следующий раз я приму все меры.

Между тем следующий раз наступил. Это произошло в день похищения Кристины Даэ.

Утром пришло уведомление от призрака:

«Сделайте все, как в прошлый раз. Все прошло очень удачно. Передайте конверт с двадцатью тысячами франков нашей любезной мадам Жири».

---

[18] Мистификация, веселый розыгрыш, в данном случае ничего не значащие бумажки, средство мистификации. — *Примеч. пер.*

[19] *Робер-Удэн*, Жан-Эжен (1805–1871) — французский фокусник. — *Примеч. пер.*

Процедура передачи должна была состояться в тот же вечер за полчаса до спектакля. И сейчас мы войдем в убежище директоров за полчаса до того, как поднимется занавес и начнется достопамятное представление «Фауста».

Ришар показал конверт Моншармену, потом на его глазах отсчитал двадцать тысяч франков, сунул их в конверт, однако не запечатал его.

— А теперь зовите мамашу Жири.

Вошедшая старушка отвесила грациозный поклон. Она была в своем неизменном платье из тафты черного цвета, местами переходящего в темно-красный и лиловый, и в грязно-серой шляпе с перьями. У нее было прекрасное настроение… Она заговорила первой:

— Добрый вечер, господа! Опять насчет конверта?

— Да, мадам Жири, — с чрезвычайной любезностью сказал Ришар. — Насчет конверта… И насчет кое-чего другого.

— К вашим услугам, господин директор. К вашим услугам. А что это за «другое»?

— Сначала я хотел бы задать вам один вопрос, мадам Жири.

— Давайте, сударь. Мадам Жири ответит на любой.

— Вы по-прежнему в хороших отношениях с призраком?

— Лучше не бывает, господин директор, лучше не бывает.

— Ага! Вы нас радуете… Скажите-ка, мадам, — произнес Ришар самым доверительным тоном. — Между нами, вы ведь не дура?

— Позвольте, господин директор! — вскричала билетерша, перестав покачивать черными перьями своей шляпы. — Заверяю вас, что эта мысль никому и в голову никогда не приходила.

— Прекрасно, нам тоже. Ну а теперь признайтесь, что вся эта история с призраком — славная шутка, не так ли? Но она слишком затянулась.

Мадам Жири посмотрела на директоров так, как будто они говорили по-китайски. Потом подошла к столу Ришара и встревоженно заговорила:

— Что вы хотите этим сказать? Я вас не понимаю.

— Неужели? Вы очень хорошо нас понимаете. Или скажем так: вы должны понять нас. И начнем с того, что вы скажете нам, как его зовут.

— Кого?

— Вашего сообщника, мадам Жири. Вашего призрака.

— Я — сообщница призрака? Я?! Сообщница в чем?

— Вы делаете все, что он вам приказывает?

— Ах, это! Ну, он не очень утруждает меня.

— И он всегда дает вам чаевые?

— Не жалуюсь.

— Сколько он вам дает за то, что вы передаете ему конверт?

— Десять франков.

— Фи! Не густо!

— Почему это?

— Я вам объясню, мадам. А пока мы хотели бы знать, по какой такой причине вы верой и правдой служите призраку? Нельзя же, в самом деле, за десять франков завоевать дружбу и преданность самой мадам Жири.

— О, это верно! И я скажу вам причину, господин директор. В этом нет ничего бесчестного… Наоборот.

— Мы в этом не сомневаемся, мадам.

— Ну так вот… хотя призрак не любит, когда я рассказываю о нем.

— Ха! Ха! — развеселился Ришар.

— Но эта история касается только меня, — продолжала билетерша. — Значит, дело было в ложе номер пять. Как-то вечером я нахожу письмо для меня — записку, написанную красными

чернилами. Эту записку, господин директор, я помню наизусть и никогда не забуду, даже если проживу сто лет!

И мадам Жири, выпрямившись, с трогательным выражением процитировала письмо призрака:

— «1825 год: мадемуазель Менетрие, скромная статистка, стала маркизой де Гюсси. 1832 год: мадемуазель Мари Тальони, танцовщица, стала графиней Жильбер де Вуазен. 1848 год: танцовщица Сота вышла замуж за короля Испании. 1847 год: Лола Монтес, танцовщица, вступила в морганатический брак с королем Людовиком Баварским и получила титул графини де Лансфельд. 1848 год: мадемуазель Мария, танцовщица, становится баронессой Эрмевиль. 1870 год: Тереза Эслер, танцовщица, выходит замуж за Дона Фернандо, брата португальского короля…»

По мере перечисления этих славных браков почтенная дама все оживлялась, выпрямлялась и наконец вдохновенно, как пифия перед своим треножником, выкрикнула звенящим от гордости и волнения голосом последнюю фразу пророческого письма:

— «1885 год: Мэг Жири станет императрицей!»

Обессиленная этим последним порывом, билетерша опустилась на стул и через минуту продолжала:

— Господа, письмо было подписано так: «Призрак Оперы»! Я и раньше слышала о нем, но верила только наполовину. А с того дня, когда он объявил, что моя маленькая Мэг, плоть от плоти моей, станет императрицей, я поверила окончательно.

Не было никакой нужды разглядывать восторженную физиономию мадам Жири, чтобы понять, чего можно было добиться от бедной женщины при помощи двух магических слов: «призрак» и «императрица».

Но кто же все-таки дергает за веревочки эту нелепую куклу? Кто?

— Вы никогда его не видели, он разговаривает с вами, и вы верите тому, что он говорит? — спросил Моншармен.

— Да. Во-первых, именно ему я обязана тем, что моей маленькой Мэг дали первую, хотя и крохотную, роль. Я сказала призраку: «Чтобы моя девочка стала в 1885 году императрицей, придется поторопиться — ей надо немедля дать роль». Он замолвил только словечко господину Полиньи, и дело было сделано…

— Значит, господин Полиньи его видел?

— Не чаще, чем я, но он его слышал! Призрак шепнул ему только одно словцо в тот вечер, когда господин Полиньи вышел, бледный как смерть, из ложи номер пять.

Моншармен безнадежно вздохнул.

— Да, — снова воодушевилась мадам Жири, — я всегда знала, что между призраком и господином Полиньи есть секреты. Директор делал все, о чем просил его призрак… Полиньи ни в чем ему не отказывал.

— Ты слышал, Ришар? Полиньи ни в чем ему не отказывал!

— Да, да! Слышал! — зарычал Ришар. — Полиньи — друг призрака, а поскольку мадам Жири — подруга Полиньи… — добавил он зловещим тоном. — Однако меня не интересует господин Полиньи. Единственный человек, чьей судьбой я озабочен, — и не скрываю этого! — мадам Жири! Итак, вы не знаете, что в этом конверте?

— Боже мой! Конечно, нет!

— Тогда смотрите!

Мадам Жири испуганно заглянула в конверт и воскликнула:

— Тысячефранковые банкноты!

— Да, мадам Жири! Да! Тысячефранковые банкноты. И вам это хорошо известно.

— Мне, господин директор? Клянусь вам…

— Не клянитесь, мадам! А теперь я вам скажу, зачем вас вызвал. Я собираюсь арестовать вас, мадам.

Два черных пера на шляпе цвета копоти, которые обычно торчали, как два вопросительных знака, тут же качнулись, приняв форму восклицательных; что же касается самой шляпы, она угрожающе дрогнула. Удивление, возмущение, протест и одновременно ужас в движениях самой матушки Жири выразились в экстравагантном пируэте, называемом «жетэ глиссад» — жест оскорбленной добродетели, прыжок, который перенес ее вплотную к креслу директора, заставив того невольно отшатнуться.

— Арестовать меня!

Было просто удивительно, что произнесший эти слова рот не выплюнул в лицо Ришару три оставшихся там зуба.

Но господин Ришар выстоял. Его указательный палец предостерегающе уперся в грудь билетерши ложи № 5.

— Я арестую вас, мадам Жири, как воровку!

— А ну-ка, повтори!

И мадам Жири наотмашь ударила директора Ришара по щеке, прежде чем успел вмешаться Моншармен. Правда, директорской щеки коснулась не сухая ладонь старой истерички, а только конверт, виновник скандала. Магический конверт раскрылся от удара, и новенькие банкноты, стайка фантастических гигантских бабочек, закружились по комнате.

Директора вскрикнули в один голос, одна и та же мысль бросила обоих на колени, и они принялись лихорадочно собирать бесценные бумажки.

— Настоящие? — спросил Моншармен.

— Настоящие? — спросил Ришар.

— Настоящие! — закричали оба в один голос.

А над ними скрежетали три зуба мадам Жири, изрыгавшей невнятные ругательства. Отчетливо слышалось только:

— Я — воровка! Ах, какая наглость! Ой, не могу!

Она задыхалась. Она кричала. Потом вдруг внезапно подскочила к Ришару.

— Во всяком случае вы, господин Ришар, лучше меня должны знать, куда девались двадцать тысяч франков!

— Я? — изумился Ришар. — Откуда?

— Что это значит? — поспешил вмешаться обеспокоенный Моншармен. — Почему вы утверждаете, что господин Ришар знает лучше вас, куда девались двадцать тысяч?

Ришар, чувствуя, что краснеет под пристальным взглядом Моншармена, взял матушку Жири за руку и сильно встряхнул. Голос его загрохотал раскатами грома по кабинету.

— Почему я должен знать, куда делись эти деньги? Почему?!

— Потому что они прошли через ваш карман! — выдохнула старая дама, глядя на него, как глядят на внезапно появившегося черта.

Теперь уже Ришар стоял пораженный. Сначала тяжестью неожиданного обвинения, потом обжигающе подозрительным взглядом Моншармена. И он потерял самообладание, столь необходимое ему в тот момент, чтобы отвергнуть это отвратительное обвинение.

Часто самые невинные люди, застигнутые врасплох внезапным обвинением, которое заставляет их побледнеть, или покраснеть, или пошатнуться, или выпрямиться, или рухнуть в бездну, или протестовать, или вообще молчать, когда надо бы говорить или хотя бы бормотать что-нибудь, оказываются в одночасье виноватыми.

Моншармен унял воинственный порыв оскорбленного Ришара, готового броситься на мадам Жири, и обратился к ней самым ласковым голосом:

— Как могли вы заподозрить моего коллегу в том, что он положил себе в карман двадцать тысяч франков?

— Я ничего такого не говорила! — заявила с вызовом мадам Жири. — Просто я сама сунула эти двадцать тысяч в карман господина Ришара. — Потом добавила вполголоса: — Раз пошло такое дело, пусть призрак простит меня.

Ришар собирался снова возмутиться, но Моншармен остановил его:

— Постой, постой! Пусть эта женщина объяснится. Я сам буду задавать вопросы. А вообще-то странно, что ты так раскипятился. Мы подошли к тому, чтобы все наконец выяснить, а ты в это время злишься. Ты не прав. Мне, например, все это очень интересно.

Несчастная мадам Жири подняла на него глаза, в которых светилась несокрушимая вера в свою невиновность.

— Вы говорите, что в конверте, который я самолично сунула в карман господина Ришара, было двадцать тысяч франков, но повторяю: я этого не знала, да и господин Ришар сам не знал об этом.

— Вот! Вот! — засуетился вдруг Ришар с победным видом, который Моншармену не понравился. — Я тоже ничего не знал! Вы кладете мне в карман двадцать тысяч, а я об этом не знаю. Интересная получается шутка, мадам Жири.

— Да, — кивнула женщина, — это правда. Никто из нас ничего не знал об этом, но вы-то должны же были обнаружить в конце концов эти деньги.

Ришар непременно съел бы мадам Жири, если бы здесь не было Моншармена, но тот был здесь и продолжал допрос:

— Какой же конверт вы положили в карман господина Ришара? Ведь это был не тот, который мы вам дали, который вы на наших глазах унесли в ложу номер пять и в котором денег не было?

— Простите, как раз тот, который дал мне господин директор, я и сунула ему в карман, — объяснила матушка Жири. — А тот, что я положила в ложу призрака, был приготовлен у меня в рукаве, и его дал мне призрак!

С этими словами мадам Жири вытащила из рукава конверт, как две капли воды, включая надпись, похожий на тот, в котором лежали двадцать тысяч. Директора схватили его, рассмотрели и констатировали, что он запечатан их собственной директорской печатью. Вскрыли конверт… И увидели двадцать билетов «Sainte Farce» — точно таких, которые так поразили их в прошлом месяце.

— Как это просто, — удрученно заметил Ришар.

— Совсем просто, — торжественным голосом подтвердил Моншармен.

— Самые эффектные фокусы — всегда самые простые. Достаточно иметь ловкого напарника…

— Или напарницу, — подхватил Моншармен, не спуская глаз с мадам Жири, гипнотизируя ее взглядом. — Так это призрак вручил вам конверт, призрак заставил вас подменить его, не так ли? Призрак сказал, чтобы вы положили другой, подмененный, конверт в карман господина Ришара?

— Да, так оно и было.

— Тогда не продемонстрируете ли вы нам свои способности, мадам? Вот конверт. Делайте так, будто мы ничего не знаем.

— К вашим услугам, господа.

Матушка Жири взяла конверт с двадцатью тысячами и направилась к двери. Когда она была на пороге, директора подскочили к ней.

— Ну уж нет! Больше этот фокус не пройдет! С нас довольно!

— Простите, господа, — сконфузилась женщина. — Простите… Вы сказали, чтобы я сделала все так, будто вы ничего не знаете. Так вот, если бы вы ничего не знали, я бы ушла с вашим конвертом.

— А как бы вы тогда сунули его в карман моего пиджака? — вопросил Ришар, с которого Моншармен не спускал косого испытующего взгляда, продолжая держать в поле зрения мадам Жири, что было весьма затруднительно, однако Моншармен во что бы то ни стало решил докопаться до истины.

— Я должна была положить его в ваш карман в тот момент, когда вы меньше всего этого ожидаете, господин директор. Вы ведь знаете, что по вечерам я часто прогуливаюсь за кулисами и как мать имею право сопровождать свою дочь в танцевальный зал, приношу ей носочки и тому подобное, то есть вхожу и выхожу, когда вздумается. Там всегда толпится много народу — владельцы лож и прочие… Да и вы, сударь, тоже бываете там. Так вот, я прохожу сзади вас и незаметно опускаю конверт в карман вашего сюртука. И никакого колдовства!

— Никакого колдовства! — прорычал Ришар, вращая глазами, как Зевс-громовержец. — Никакого колдовства! Но вот я ловлю вас на слове, старая ведьма!

Ругательство обидело билетершу меньше, чем сомнение в ее честности, которое подразумевалось и которое должно было прозвучать следом. Она выпрямилась, ощетинилась, выставила вперед все три зуба.

— Это насчет чего же?

— Насчет того, что в тот вечер я выходил в зал понаблюдать за ложей номер пять и за фальшивым конвертом, который вы туда отнесли. И ни разу не спускался в танцевальный зал.

— Так это не в тот вечер я сунула вам конверт, господин директор! Это было на следующем спектакле! Да, действительно, то был вечер, когда заместитель министра изящных искусств…

При этих словах Ришар нетерпеливо остановил мадам Жири.

— Действительно, — нахмурился он. — Я припоминаю… Теперь припоминаю! Господин заместитель министра пришел за кулисы и вызвал меня. Я спустился в танцевальный зал, заместитель министра и его заместитель были уже там. Вдруг я поворачиваюсь… И сзади стоите вы! Мне даже показалось, что вы задели меня, и больше никого сзади не было. О, я как сейчас вижу вас!

— Да, так оно и было, господин директор, так оно и было! Тогда я только что сыграла свою шутку с вашим карманом… Он был такой удобный!

И мадам Жири сопроводила свои слова неуловимым жестом. Она прошла за спину Ришара и так ловко, что сам Моншармен, который смотрел во все глаза, поразился, опустила конверт в карман господина директора.

— Ну конечно! — воскликнул немного побледневший Ришар. — Очень ловкий трюк призрака! Перед ним стояла такая проблема: убрать любого опасного посредника между тем, кто дает деньги и кто их принимает. Потом ему оставалось лишь взять их из моего кармана так, чтобы я не заметил, тем более что я даже не знал, что деньги там… Великолепно, не правда ли?

— Великолепно! Разумеется, великолепно, — проворчал Моншармен. — Только ты забываешь, мой друг, что я вложил свои десять тысяч в этот конверт и что в мой карман ничего не положили…

XVIII
Продолжение предыдущей главы

Последняя фраза Моншармена слишком прозрачно намекала на подозрение, под которым отныне находился его коллега. Между ними немедленно завязалась жаркая перепалка, и в конце концов было решено, что с этой минуты Ришар будет беспрекословно слушаться Моншармена и помогать ему искать негодяя, который над ними насмехается.

Теперь мы подходим к антракту, когда секретарь Реми, от которого ничто и никогда не ускользает, отметил странное поведение своих директоров, и нам легко будет понять, почему они вели себя столь нелепым образом, который так не соответствует директорскому достоинству.

Поведение Ришара и Моншармена было обусловлено только что сделанным ими открытием; поэтому, во-первых, в тот вечер Ришар должен был в точности повторять те жесты и движения, которые он делал в день исчезновения первых двадцати тысяч франков; во-вторых, Моншармену предстояло во все глаза следить за задним карманом коллеги, в который мадам Жири должна была вложить новый конверт.

В том самом месте, где он находился во время визита заместителя министра изящных искусств, стоял Ришар, а в нескольких шагах от него и чуть позади — Моншармен.

Мадам Жири прошла, коснулась Ришара, положила конверт с двадцатью тысячами франков в задний карман директора и исчезла…

Вернее, ее заставили исчезнуть. Выполняя приказ Моншармена, который тот дал еще до воссоздания этой сцены, Мерсье закрыл нашу героиню в кабинете, чтобы она не могла общаться с призраком. И она подчинилась безропотно, потому что была теперь лишь съежившимся, ощипанным существом, которое моргало глазами испуганной курицы и уже слышало в коридоре гулкие шаги комиссара, которым ей угрожали, и испускало вздохи, способные расколоть колонны парадной лестницы.

Все это время Ришар сгибался, приседал, делал реверансы, кивал головой, пятился назад, будто перед ним стоял всемогущий чиновник — заместитель министра изящных искусств.

Однако, если подобные знаки чинопочитания не вызвали бы никакого удивления, будь здесь заместитель министра, то они же повергли свидетелей этой необъяснимой сцены во вполне естественное замешательство теперь, когда перед директором никого не было.

Ришар раздавал приветствия в пустоту, склонялся перед пустотой и пятился тоже перед пустотой.

В нескольких шагах от него так же необъяснимо вел себя и Моншармен — отталкивал Реми и умолял посла и директора «Креди Сантраль» не прикасаться к господину директору.

Пятясь, приветствуя несуществующих гостей, Ришар дошел до коридора, ведущего в служебные помещения. Сзади за ним непрестанно наблюдал Моншармен, а сам Ришар следил за тем, что делается перед ним.

Само собой разумеется, это необычное представление, которое дали оба директора Национальной академии музыки, не осталось незамеченным. Их видели.

Ришару и Моншармену еще повезло, что во время этой забавной сцены почти все ученицы балетной школы находились наверху, иначе директора имели бы шумный успех у девочек. Но они думали только о своих двадцати тысячах франков.

Войдя в полутемный коридор дирекции, Ришар шепнул своему коллеге:

— Я уверен, что ко мне никто не прикасался; теперь немного отстань и следи за мной, пока я не дойду до двери кабинета. Не будем никого звать и посмотрим, что произойдет дальше.

Но Моншармен возразил:

— Нет, Ришар! Ты иди вперед, а я буду следовать за тобой, не отставая ни на шаг.

— Послушай, — не выдержал Ришар, — по-моему, таким образом деньги стащить невозможно.

— Я тоже так думаю, — ответил Моншармен.

— Тогда мы с тобой занимаемся глупостью!

— Мы делаем то же, что делали в прошлый раз. А в прошлый раз я догнал тебя на выходе со сцены, на углу вот этого самого коридора, и дальше шел за тобой по пятам.

— Верно, — покорно вздохнул Ришар.

Две минуты спустя оба директора заперлись в своем кабинете, и сам Моншармен положил ключ себе в карман.

— Я хорошо помню, что мы были одни и дверь была заперта до тех пор, пока мы не ушли домой, — задумчиво проговорил он.

— В таком случае, — предложил Ришар, силясь собрать воедино свои воспоминания, — в таком случае, меня наверняка могли обокрасть по дороге из Оперы…

— Нет, — тоном еще более сухим, чем прежде, произнес Моншармен. — Нет. Это невозможно. Ведь я сам довез тебя до дома в своем экипаже. Двадцать тысяч исчезли в твоем доме, теперь для меня в этом нет никаких сомнений.

Вот к такому выводу пришел Моншармен.

— Ну, это уж слишком! — возмутился Ришар. — К тому же я уверен в своих слугах. И если бы кто-то из них это сделал, он давно бы сбежал…

Моншармен пожал плечами, как бы говоря, что подробности его не интересуют. А Ришару вдруг пришло в голову, что коллега разговаривает с ним недопустимым тоном.

— С меня хватит, Моншармен!

— С меня тоже достаточно, Ришар!

— Ты осмеливаешься подозревать меня?

— Да, в недостойной шутке!

— С двадцатью тысячами не шутят.

— Совершенно с тобой согласен, — заявил Моншармен, демонстративно разворачивая газету и погружаясь в чтение.

— Что ты собираешься делать? — удивился Ришар. — Будешь читать газету?

— Да, Ришар, до тех пор, пока не отвезу тебя домой.

— Как в прошлый раз?

— Как в прошлый раз.

Ришар вырвал газету из рук Моншармена. Тот недовольно поднял голову. Возмущенный Ришар стоял перед ним, скрестив руки на груди, — жест, который с сотворения мира означал не что иное, как вызов.

— Вот о чем я подумал, — начал Ришар. — Если бы, как в прошлый раз, проведя весь вечер наедине с тобой, я возвращался домой в твоем экипаже и если бы в момент прощания заметил, что деньги исчезли из моего кармана, я бы подумал…

— Куда это ты клонишь? — насторожился Моншармен.

— Я бы подумал, что раз ты не отходил от меня ни на шаг и раз ты был единственным, кто мог приблизиться ко мне, как в прошлый раз… Словом, я бы подумал, что если в моем кармане нет двадцати тысяч, они вполне могут находиться в твоем!

Моншармен, как ужаленный, подскочил на стуле.

— Понял! — закричал он. — Нам нужна английская булавка!

— При чем здесь английская булавка?

— Мы заколем твой карман английской булавкой. Таким образом, или здесь, или по пути домой и даже дома ты почувствуешь руку, которая полезет тебе в карман, и увидишь владельца этой руки. Английскую булавку мне!

Именно в этот момент Моншармен приоткрыл дверь в коридор и выкрикнул:

— Английскую булавку! Кто даст мне английскую булавку?

Мы уже знаем, о чем секретарь Реми разговаривал с Моншарменом, пока курьер бегал за вожделенной булавкой.

А вот что произошло дальше.

Моншармен, заперев дверь, опустился на корточки позади Ришара.

— Надеюсь, деньги на месте.

— Я тоже надеюсь.

— Настоящие? — спросил Моншармен, который твердо решил, что на сей раз его не провести.

— Проверь сам! Я не хочу даже трогать их.

Моншармен дрожащими руками достал конверт и вытащил оттуда банкноты; на этот раз, чтобы иметь возможность постоянно проверять содержимое конверта, они не опечатали его и даже не заклеили. Он убедился, что деньги на месте — и деньги самые что ни на есть

настоящие, — и снова положил их в задний карман Ришара, неподвижно сидевшего за своим столом, потом тщательно заколол карман булавкой.

После чего он сел позади, уставившись на этот карман.

— Чуточку терпения, Ришар, еще несколько минут… Скоро пробьет полночь. В прошлый раз мы ушли, когда пробило двенадцать.

— О, терпения у меня хватит.

Время шло, медленное, ленивое, загадочное. Ришар натянуто рассмеялся.

— Кончится тем, что я начну верить в этого всемогущего призрака, — сказал он. — Ты не находишь, например, что сейчас в этой комнате есть что-то такое, что беспокоит, выбивает из колеи, пугает?

— Это правда, — признался Моншармен, также всерьез обеспокоенный.

— Призрак! — снова заговорил Ришар негромким голосом, как будто боялся, что его услышит некто невидимый. — Призрак… Если это призрак тогда при всех три раза стукнул кулаком по этому столу, если это он оставляет здесь загадочные послания, разговаривает в ложе номер пять… Если это он убил Жозефа Бюкэ, сорвал люстру… обокрал нас!.. Никого здесь нет, кроме нас с тобой, и если деньги исчезли — причем ни ты, ни я не замешаны в этом, — тогда… тогда придется поверить в призрака….

В этот момент часы на камине начали бить полночь.

Оба директора вздрогнули. Неожиданный страх стиснул им сердца. Страх, причину которого они и сами не смогли бы объяснить и который напрасно старались перебороть. По их лицам струился пот. Двенадцатый удар долго звучал у них в ушах.

Через минуту оба вздохнули и поднялись.

— Думаю, мы можем идти, — сказал Моншармен.

— Да, — покорно подчинился Ришар.

— Но сначала позволь заглянуть в твой карман.

— Ну конечно, Моншармен! Обязательно! — Затаив дыхание, он немного подождал, потом нетерпеливо спросил: — Ну и что?

— Ничего. Булавка на месте.

— Я не сомневаюсь, ведь ты сам сказал, что теперь я обязательно почувствую…

Но тут Моншармен, все еще ощупывая карман, простонал:

— Булавка здесь, но банкнот я не чувствую.

— Не надо так шутить! Сейчас не время…

— Пощупай сам.

Быстрым движением Ришар сбросил с себя сюртук, они оба схватили его и ощупали: карман был пуст.

Самым интересным было то, что булавка оставалась пришпиленной на прежнем месте.

Ришар и Моншармен побледнели. Сомневаться больше было невозможно.

— Призрак, — прошептал Моншармен.

Неожиданно Ришар накинулся на своего коллегу.

— Только ты прикасался к моему карману! Отдавай мои двадцать тысяч! Отдавай немедленно!

— Клянусь, — выдохнул Моншармен, который, казалось, вот-вот лишится чувств, — клянусь, что я их не трогал…

В дверь снова постучали, он пошел открывать, шагая как заведенный автомат, невидящими глазами посмотрел на администратора Мерсье, обменялся с ним какими-то словами, а потом бессознательным жестом положил в руку своего ничего не понимавшего подчиненного английскую булавку, которая была больше не нужна.

XIX
Комиссар полиции, виконт и Перс

Вошедший в директорский кабинет комиссар первым делом спросил, нет ли новостей о певице. За ним толпилась внушительная кучка любопытных.

— Кристина Даэ случайно не у вас?

— Кристина Даэ? Нет, — ответил Ришар.

Что касается Моншармена, он не мог произнести ни слова. Он чувствовал себя ужасно — гораздо хуже, чем Ришар: ведь если последний еще мог подозревать Моншармена, то он, Моншармен, уже столкнулся лицом к лицу с жуткой тайной, которая издавна приводит людей в трепет, — с Неизведанным.

Вошедшие выжидательно молчали, и Ришар спросил:

— А почему вы спрашиваете, не здесь ли Кристина Даэ, господин комиссар?

— Потому что ее нужно найти, уважаемые господа, — с торжественным видом заявил комиссар.

— Нужно найти? Выходит, она исчезла?

— Да. Посреди спектакля.

— Не может быть!

— Неужели? Но удивительно не только ее исчезновение — удивительно и то, что об этом вы узнаете от меня.

— В самом деле… — смешался Ришар. Потом схватился руками за голову и пробормотал: — Это еще что за новая история? Решительно, есть отчего уйти в отставку…

При этом он машинально вырвал несколько волосков из своих усов и даже сам не заметил этого.

— Итак, — как во сне, повторил он, — она исчезла посреди спектакля.

— Вот именно: ее украли во время сцены в тюрьме, в тот самый момент, когда она призывала на помощь Небо, однако я сомневаюсь, что ее унесли ангелы.

— А я в этом уверен! — раздался чей-то голос.

Все разом обернулись. Бледный и дрожащий от волнения юноша повторил с порога:

— Я в этом совершенно уверен.

— В чем вы уверены? — ехидно поинтересовался Мифруа.

— В том, что Кристину Даэ похитил ангел, и я могу назвать его имя.

— Ха! Ха! Ха! Господин виконт де Шаньи утверждает, что мадемуазель Кристину Даэ похитил ангел, не иначе как ангел Оперы?

Рауль огляделся вокруг. В эту минуту, когда он собирался обратиться за помощью к полиции, он бы не удивился, снова увидев здесь того таинственного незнакомца, который недавно призывал его к молчанию. Но того в кабинете не было, и Рауль решился.

— Да, сударь, ангел Оперы, — ответил он комиссару. — И я скажу вам, где его можно найти, когда мы останемся одни.

— Вы правы, сударь.

Комиссар полиции, усадив Рауля возле себя, выставил остальных за дверь, исключая, естественно, директоров, которые, впрочем, не стали бы протестовать, настолько они были выбиты из колеи.

И тогда Рауль громко и отчетливо сказал:

— Господин комиссар, этого ангела зовут Эрик, он живет в Опере и он — ангел музыки!

— Вот как? Ангел музыки! Это уже интересно: ангел музыки! — И, обратившись к директорам, Мифруа спросил: — У вас числится такой ангел, господа?

Даже не улыбнувшись, Ришар и Моншармен покачали головой.

— Эти господа наверняка слышали о Призраке Оперы, — продолжал Рауль. — А я утверждаю, что Призрак Оперы и ангел музыки — это одно и то же лицо, и его настоящее имя — Эрик.

Мифруа поднялся и уставился на Рауля.

— Простите, сударь, вы собираетесь посмеяться над полицией?

— Нисколько! — возмутился юноша и с горечью подумал: «Ну вот, еще один не желает меня слушать».

— Тогда что за чушь вы несете насчет призрака?

— Я просто сказал, что эти господа о нем слышали.

— Оказывается, вы знакомы с Призраком Оперы, господа?

Ришар тяжело поднялся из-за стола, покусывая усы.

— Нет, господин комиссар, нет! Мы такого не знаем. Но очень хотели бы знать! — вдруг повысил он голос. — Потому что не далее как нынче вечером он украл у нас двадцать тысяч франков!

И Ришар обратил на Моншармена грозный взгляд, говоривший: «Верни мне двадцать тысяч, иначе я все расскажу». Моншармен понял и ответил сокрушенным жестом: «Ну что ж, рассказывай!»

Мифруа смотрел то на директоров, то на Рауля и спрашивал себя, уж не попал ли он ненароком в сумасшедший дом. Потом почесал затылок и заговорил:

— Призрак, который за один вечер похищает певицу и крадет двадцать тысяч франков, — очень шустрый господин, и я предлагаю рассмотреть эти вопросы по отдельности: сначала — певица, затем — двадцать тысяч. Попробуем говорить серьезно, господин де Шаньи. Вы полагаете, что мадемуазель Даэ похитил некто по имени Эрик. Значит, вы его знаете? Вы видели его?

— Да, господин комиссар.

— Где же?

— На кладбище!

Мифруа так и подскочил на месте и еще внимательнее посмотрел на Рауля.

— М-да… Обычно призраки там и встречаются. А что вы делали на кладбище?

— Сударь, — заявил Рауль, — я вполне отдаю себе отчет в том, что мои ответы кажутся вам странными, но я вас умоляю поверить, что я в своем уме. Речь идет о спасении человека, который, не считая моего любимого брата, мне дороже всех на свете. Я хотел убедить вас, не вдаваясь в подробности, потому что время не терпит. К сожалению, если вам не рассказать эту загадочную историю с самого начала, вы мне не поверите. Я расскажу вам, господин комиссар, все, что мне известно о Призраке Оперы. Но, увы, мне не многое известно…

— Все равно! Все равно расскажите! — в один голос вскричали Ришар и Моншармен, неожиданно весьма заинтересовавшись.

Однако сколь ни велика была их надежда узнать что-нибудь, хоть какую-нибудь деталь, которая могла навести их на след мистификатора, их ждало глубокое разочарование, и им пришлось с грустью констатировать, что Рауль де Шаньи совсем потерял рассудок. Вся эта история о Перрос-Гиреке, о черепах и волшебной скрипке могла родиться только в расстроенном воображении влюбленного.

Впрочем, было ясно, что комиссар Мифруа все больше склонялся к тому же мнению и, конечно же, сам остановил бы поток этой несвязной речи, если бы об этом не позаботились сами обстоятельства.

Открылась дверь, и вошел человек, одетый в широкий черный редингот, в потертом цилиндре, надвинутом по самые уши; он просеменил к комиссару и что-то прошептал ему на ухо. Скорее всего, это был агент сыскной полиции, пришедший со срочным донесением к начальству.

Слушая его, Мифруа не спускал глаз с Рауля. Потом сказал:

— Сударь, о призраке довольно. Поговорим немного о вас, если вы не возражаете. Вы ведь сегодня вечером собирались похитить мадемуазель Кристину Даэ?

— Да, господин комиссар.

— При выходе из театра?

— Да, господин комиссар.

— И приняли для этого все меры?

— Да.

— Экипаж, в котором вы приехали, ждал вас. Кучер был предупрежден, маршрут составлен заранее… Более того, были приготовлены даже свежие лошади на каждом перегоне…

— Все верно, господин комиссар.

— И ваш экипаж по-прежнему ждет вас?

— Да, господин комиссар.

— Вы заметили три другие кареты рядом с вашей?

— Не обратил внимания.

— Это были экипажи мадемуазель Сорелли, которому почему-то не нашлось места во дворе администрации, Карлотты и вашего брата, графа де Шаньи.

— Возможно, — неуверенно протянул Рауль.

— Зато наверняка известно, что если ваш экипаж, экипаж Сорелли и Карлотты до сих пор стоят у подъезда, то кареты графа де Шаньи там уже нет.

— Это ни о чем не говорит, господин комиссар…

— Простите! Разве господин граф не был против вашего брака с мадемуазель Даэ?

— Это наши семейные дела.

— Ну что ж, вы ответили… Вот почему вы решили увезти Кристину Даэ подальше от вашего брата. Так вот, позвольте вам сообщить, что ваш брат оказался ловчее вас! И сам похитил певицу!

— Ох! — простонал Рауль, прижимая руку к сердцу. — Это неправда!

— Сразу после ее исчезновения, виновников которого мы найдем обязательно, он сел в свою карету и с сумасшедшей скоростью помчался через весь Париж.

— Через весь Париж? — вытаращил глаза бедный Рауль. — Что значит «через весь Париж»? И по какой дороге?

— По дороге на Брюссель.

Из груди несчастного юноши вырвался глухой стон.

— Клянусь богом, я догоню их! — И в два прыжка он оказался за дверью.

— И не забудьте привести сюда, — засмеялся вслед ему комиссар. Потом оглядел присутствующих и добавил: — Вот версия, достойная этой нелепой истории об ангеле музыки. Ну ладно, — посерьезнел он, — я не знаю, кто похитил Кристину Даэ — граф де Шаньи или кто-то другой, — но я должен это узнать, и мне кажется, что в данный момент никто не поможет мне лучше, чем виконт. Так что он — главная моя надежда! Такова, господа, профессия полицейского: ее считают очень трудной, но она становится простым делом, как только вы понимаете, что главное — это найти людей, которые бы с жаром делали за вас вашу работу.

Однако комиссар полиции Мифруа был бы разочарован, если бы знал, что его пылкого помощника остановили, как только тот свернул в первый же коридор. Коридор был пуст, и вдруг перед Раулем выросла темная фигура.

— Куда вы спешите, господин де Шаньи?

Рауль вгляделся и узнал человека в каракулевой шапочке.

— А, это вы! Это вы знаете секреты Эрика и не хотите, чтобы я о них рассказывал. Кстати, кто вы такой?

— Вы же меня знаете: я — Перс.

XX
Виконт и Перс

Тогда Рауль вспомнил, как однажды во время спектакля брат показал ему необыкновенного на вид человека, о котором никто не знал ничего определенного, кроме того, что он — Перс и живет в маленькой квартирке на улице Риволи.

Смуглолицый человек с яшмовыми глазами и в восточной шапочке, наклонился к Раулю.

— Надеюсь, господин де Шаньи, вы не выдали тайну Эрика.

— С какой стати я должен покрывать это чудовище? — высокомерно парировал Рауль, соображая, как бы поскорее избавиться от непрошеного собеседника. — Он ваш друг?

— Надеюсь, что вы ничего не рассказали об Эрике, сударь: дело в том, что секрет Эрика — это секрет Кристины Даэ. Выдать одного — значит выдать другую.

Рауль уже начинал нервничать.

— Мне кажется, вы знаете очень много из того, что меня интересует, но сейчас у меня нет времени выслушать вас.

— Еще раз спрашиваю, господин де Шаньи: куда вы торопитесь?

— А вы не догадываетесь? На помощь Кристине Даэ!

— Тогда, сударь, оставайтесь здесь: ведь Кристина Даэ находится в этом здании.

— Вместе с Эриком?

— Вместе с Эриком.

— Откуда вы это знаете?

— Я был на спектакле и понял, что только Эрик мог устроить такое похищение. Да, — вздохнул он, — я сразу узнал почерк чудовища.

— Так вы его знаете?

Перс не ответил, но Рауль услышал еще один вздох.

— Слушайте, сударь, — разволновался Рауль, — мне не известны ваши намерения, но я хочу знать: можете ли вы помочь мне? Я хотел сказать — Кристине Даэ?

— Надеюсь, господин де Шаньи, поэтому-то я и остановил вас.

— Что вы можете сделать?

— Попробовать отвести вас к ней… и к нему.

— Я уже делал такую попытку сегодня вечером, но увы… Но если вы мне окажете эту услугу, моя жизнь принадлежит вам! Еще одно слово, сударь: комиссар полиции только что узнал, что Кристину Даэ похитил мой брат, граф Филипп…

— Ох, господин де Шаньи, не верю я в это…

— Вы полагаете, что это невозможно?

— Не знаю, возможно ли это, но, судя по способу, каким она была похищена… Насколько я знаю, господин граф никогда не подвизался в качестве фокусника…

— Ваши аргументы неоспоримы, сударь, а я — глупец! Тогда бежим, не будем терять времени! Я целиком полагаюсь на вас. Как могу я не поверить вам, когда мне никто не верит?! Когда вы — единственный, кто не смеется, услышав имя Эрик?!

С этими словами юноша непроизвольно схватил Перса за руки. Его горячие пальцы ощутили ледяное пожатие маленькой темной руки.

— Тихо! — остановил его Перс, прислушиваясь к далеким звукам и бесчисленным скрипам, которые раздавались за стенами в коридорах. — Не будем больше произносить это имя! Будем говорить просто «он»! Так будет меньше риска привлечь его внимание.

— Вы думаете, что он где-то неподалеку?

— Все может быть, сударь… Если только в этот момент он не находится вместе со своей жертвой в доме на озере.

— Ага, вы тоже знаете это место!

— Если он не в своем жилище, он может быть за этой стеной, под этим полом, над этим потолком. Кто знает? Может, сейчас он наблюдает за нами через замочную скважину или подслушивает из-за этой балки. — И Перс, умоляя Рауля ступать как можно тише, увлек его за собой в коридоры, которых юноша никогда прежде не видел, даже когда гулял по этому лабиринту с Кристиной.

— Только бы пришел Дариус, — озабоченно прошептал Перс.

— Кто это Дариус? — спросил на бегу юноша.

— Дариус — мой слуга.

Они стояли в центре настоящей площади — громадной пустынной залы, которую скупо освещала одна-единственная чадящая свеча. Перс остановил Рауля и совсем тихо, так тихо, что Рауль едва его расслышал, спросил:

— Что вы рассказали комиссару?

— Я ему сказал, что Кристину Даэ похитил ангел музыки, он же Призрак Оперы, а его настоящее имя…

— Тсс! И комиссар вам поверил?

— Нет, конечно.

— И не придал никакого значения вашим словам?

— Абсолютно никакого.

— Он, наверное, счел вас сумасшедшим?

— Вот именно.

— Тем лучше! — вздохнул Перс.

И они поспешили дальше.

Поднявшись и спустившись по нескольким лестницам, незнакомым Раулю, оба оказались перед дверью, которую Перс открыл маленькой отмычкой, вытащенной из жилетного кармана. Я уже упоминал, что Рауль был в цилиндре, а Перс в своей шапочке из каракуля, что было явным вызовом правилам хорошего тона, царившим за кулисами театра, где непременно требовался цилиндр, однако иностранцам во Франции позволяется все: дорожная кепка — англичанам или каракулевая шапочка — персам.

— Сударь, — заметил Перс, — цилиндр будет вам мешать там, куда мы направляемся, так что лучше оставить его в комнате.

— В какой комнате? — удивился Рауль.

— В артистической Кристины Даэ.

Перс пропустил Рауля через открытую дверь в темный коридорчик и показал напротив артистическую уборную певицы.

Рауль и не знал, что к Кристине можно попасть другим путем помимо того, которым он ходил обычно. Теперь они находились в самом конце коридора, через который он всегда проходил, прежде чем постучать в дверь артистической Кристины.

— Ого, сударь! Вы хорошо знаете Оперу!

— Хуже, чем «он», — скромно откликнулся Перс и втолкнул юношу в комнату.

Она была в том же виде, в каком оставил ее Рауль.

Заперев дверь, Перс направился к тонкой перегородке, которая отделяла артистическую от просторного чулана. Он прислушался, потом громко кашлянул.

Тотчас за стенкой послышалась возня, и через несколько секунд в дверь постучали.

— Входи!

Вошел человек в такой же восточной шапочке, одетый в длинный широкий плащ. Он молча поклонился Раулю в знак приветствия и вытащил из-под плаща ящик, украшенный богатой резьбой. Поставив его на столик, он снова поклонился и пошел к двери.

— Никто не видел, как ты заходил, Дариус?

— Нет, хозяин.

— Смотри, чтобы никто не увидел, как ты выходишь.

Слуга выглянул в коридор и незаметно исчез.

— Сударь, — сказал Рауль, — я вот о чем думаю: нас здесь могут застать и помешать нам. Комиссар не замедлит сделать обыск в этой комнате.

— Фи! Нам надо бояться не комиссара.

Тем временем Перс уже открыл ящик. Там лежала пара длинноствольных пистолетов с удивительно красивой отделкой.

— Сразу после похищения Кристины Даэ я сказал слуге, чтобы он принес мне эти пистолеты. Они у меня самые надежные.

— Вы собираетесь драться на дуэли? — спросил юноша, удивленный прибытием этого арсенала.

— Действительно, сударь, мы идем на дуэль, — ответил тот, проверяя оружие. — И еще на какую дуэль! — Он протянул один пистолет Раулю и добавил: — На этой дуэли мы будем двое против одного, но будьте готовы ко всему, потому что, не хочу скрывать, нам придется иметь дело с самым страшным противником, какого можно себе представить. Вы ведь любите Кристину Даэ?

— Вы еще спрашиваете! А вот ваши мотивы мне непонятны; объясните мне, почему вы собираетесь рисковать ради нее своей жизнью? Вы, должно быть, ненавидите Эрика?

— Нет, сударь, — как-то грустно сказал Перс, — ненависти у меня нет. Если бы я его ненавидел, он бы давно перестал творить зло.

— Он причинил вам зло?

— Зло, которое он мне причинил, я давно ему простил.

— Тогда просто удивительно, как вы говорите об этом человеке! Называете его чудовищем, рассказываете о его преступлениях, говорите, что он принес вам несчастье, и вдруг я слышу в вашем голосе ту жалость к нему, которая приводила меня в отчаяние, когда я слушал Кристину.

Перс ничего не ответил. Взял табурет и поставил его к стене, напротив которой висело огромное зеркало. Потом влез на табурет и, уткнувшись носом в обои, принялся что-то высматривать.

— Ну что, сударь? — Рауль сгорал от нетерпения. — Я вас жду. Пойдемте же скорее!

— Куда? — откликнулся Перс, не поворачивая головы.

— Искать злодея! Вы же сами сказали, что поможете мне.

— Я и помогаю. — И он снова зашарил по стене. — Ага! Вот это где!

Нажав пальцем над своей головой, он спустился с табурета.

— Через минуту мы последуем за ним. — Он прошел через всю комнату и ощупал большое зеркало. — Нет, пока не поддается, — сокрушенно пробормотал он.

— Так, значит, мы пройдем через зеркало! — догадался Рауль. — Как Кристина…

— Вам известно, что Кристина Даэ выходила через зеркало? — повернулся к нему Перс.

— На моих глазах, сударь! Я прятался вон там, за ширмой, и видел, как она исчезла, но не через зеркало, а прямо в нем!

— А вы что сделали?

— Мне показалось, что у меня галлюцинация, сударь… что я схожу с ума.

— А на самом деле это был новый фокус призрака, — усмехнулся Перс. — Ах, господин де Шаньи, — продолжал он, не опуская рук с зеркала, — если бы только мы действительно имели дело с призраком! Тогда эти пистолеты могли бы оставаться в своей коробке! Снимите цилиндр, прошу вас… А теперь запахните как следует ваш фрак, поднимите воротник, чтобы не видно было манишки, — нам надо быть как можно незаметнее…

После короткого молчания, продолжая нажимать на зеркало, он добавил:

— Когда нажимают на пружину изнутри комнаты, противовес срабатывает не сразу. Зато за стенкой можно надавить прямо на противовес. Тогда зеркало поворачивается мгновенно и уходит в стену с невероятной скоростью.

— Какой противовес?

— Ну тот, что заставляет поворачиваться вокруг своей оси всю эту часть стены. Вы же не думаете, что она перемещается сама по себе, по волшебству.

Перс одной рукой притянул к себе Рауля, а другой, державшей пистолет, непрестанно нажимал на зеркало.

— Сейчас вы увидите, если будете достаточно внимательны, как зеркало приподнимется на несколько миллиметров и одновременно сдвинется чуть вправо. Таким образом оно встанет на шарнирную ось и повернется. Люди до сих пор не осознали, чего можно добиться при помощи противовеса! Один ребенок своим маленьким пальчиком может повернуть дом. Когда часть тяжеленной стены переносится противовесом на свою ось и устанавливается в равновесии, она весит не больше, чем крутящийся волчок.

— Что же она не поворачивается? — нетерпеливо проговорил Рауль.

— Не спешите! У вас еще будет случай проявить нетерпение, сударь. Очевидно, механизм заржавел, или пружина не срабатывает. — На лбу Перса прорезались складки. — А потом возможно и другое…

— Что другое, сударь?

— Может быть, он просто перерезал канат противовеса и вывел из строя всю систему.

— Но зачем? Он же не догадывается, что мы будем спускаться здесь.

— Возможно, догадывается, потому что знает, что я знаком с этой системой.

— Он сам показал ее вам?

— Нет. Я следил за ним, за его таинственными исчезновениями и появлениями и наконец нашел секрет. Вообще-то такая система секретных дверей — самая простая. Это механика, старая, как священные дворцы Фив, с сотнями потайных дверей, как тронный зал Экбатаны, как зал с треножником в Дельфах…

— Оно не поворачивается! А Кристина ждет…

— Мы сделаем все, что в человеческих силах, — холодно произнес Перс. — Но он может остановить нас в любой момент.

— Выходит, он хозяин этих стен?

— Он — хозяин стен, дверей, люков. У нас его называли «мастером ловушек».

— Кристина рассказывала мне об этом, и рассказывала таким же таинственным тоном, и тоже наделяла его сверхъестественными способностями… Но почему эти стены повинуются только ему? Не он же их строил!

— Именно он, сударь.

Рауль, озадаченный, ждал продолжения, но Перс сделал ему знак замолчать и указал на зеркало. Поверхность его задрожала. Казалось, что по отражению прошла волна, потом оно снова стало неподвижным.

— Видите, сударь, ничего не выходит! Давайте поищем другой путь.

— Сегодня другого пути нет, — неожиданно мрачным голосом заявил Перс. — А теперь внимание! И приготовьте пистолет.

Он тоже достал оружие и направил его на зеркало. Рауль последовал его примеру. Неожиданно зеркало повернулось, как поворачиваются вращающиеся двери в общественных местах… и они увидели ослепительную вспышку, как будто в этом месте скрестилось множество ярких лучей. Зеркало повернулось, увлекая Рауля и Перса в непреодолимое движение и швыряя их из света в глубокую тьму.

XXI
В подземельях Оперы

— Держите пистолет наготове! — успел шепнуть спутник Рауля.

Стена, сделав полный оборот вокруг собственной оси, закрылась позади них. Некоторое время они стояли неподвижно, восстанавливая дыхание.

Здесь царила тишина, которую абсолютно ничто не нарушало.

Наконец Перс шевельнулся; Рауль услышал, как он опустился на колени и принялся шарить в темноте руками.

Вдруг перед Раулем вспыхнул слабый свет небольшой лампы, и юноша инстинктивно отпрянул назад. Но тут же понял, что лампу зажег Перс. Маленький красноватый кружок медленно обшарил стены сверху вниз. Справа была сплошная стена, слева — дощатая перегородка. Рауль подумал, что этим мрачным коридором проходила Кристина, следуя за «ангелом музыки». Наверное, это был обычный путь, которым Эрик проникал через стены подземелий, чтобы добраться до своей несчастной жертвы. Памятуя слова Перса, Рауль представил себе, как призрак сам проложил себе этот путь. Позже стало известно, что Эрик просто нашел этот тайный коридор, и долгое время только он один знал о его существовании. Этот ход был прорыт во времена Парижской Коммуны, для того чтобы тюремщики могли отводить своих пленников прямо в казематы, оборудованные в подвалах, потому что коммунары захватили здание вскоре после восемнадцатого марта и устроили наверху площадку для запуска воздушных шаров, разносивших по окрестностям их подстрекательские прокламации, а в самом низу сделали государственную тюрьму.

Перс опустился на корточки и поставил лампу около себя. Он что-то сделал с полом и в тот же миг быстро потушил свет. Рауль услышал легкий щелчок и увидел на полу тусклое пятно очень слабого света. Как будто приоткрылось окошко где-то далеко в освещенных подвалах театра. Теперь Рауль больше не видел Перса, а только слышал рядом с собой его дыхание.

— Идите за мной и делайте то же, что и я.

Рауль направился к смутно белеющему квадрату слухового окна. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел, что Перс опять опустился на колени, повис на руках, вцепившись в оконную раму, и соскользнул вниз. При этом пистолет он держал в зубах.

Странное дело, но виконт полностью доверял Персу. Хотя он ничего о нем не знал и поведение Перса во многом лишь увеличивало загадочность этого приключения, Рауль без всяких сомнений и колебаний поверил, что тот действует с ним заодно против Эрика. В конце концов, если бы тот строил против Рауля какие-то зловещие замыслы, то не дал бы ему в руки оружие. И потом, если уж на то пошло, разве не должен был он, Рауль, любой ценой добраться до Кристины? Словом, выбора у него не было. Если бы он заколебался, хоть на миг усомнившись в намерениях своего спутника, он счел бы себя последним трусом.

Рауль тоже опустился на колени и, уцепившись обеими руками, повис в люке. «Отпускайте руки», — услышал он и тут же упал в объятия Перса, который заставил его лечь на пол, закрыл люк так, что Рауль даже не успел заметить механизма, и сам лег рядом с виконтом. Тот собрался было спросить его о чем-то, но рука Перса прикрыла ему рот, и он услышал голос, который сразу узнал: это был голос комиссара полиции, который только что его допрашивал.

Рауль и Перс находились позади перегородки, надежно скрывавшей их. Рядом была узкая лестница, ведущая в маленькую комнату, где комиссар задавал вопросы. Им были слышны не только звук его голоса, но и шум шагов.

Свет в комнате был слабый, но после плотной темноты, которая царила в коридоре наверху, Рауль без труда различал теперь окружающие предметы.

И он не смог сдержать сдавленного восклицания, потому что увидел три трупа.

Первый лежал на тесной площадке лестницы, ведущей к двери, за которой слышался комиссарский голос, два других валялись у подножия лестницы со скрещенными на груди

руками. Протянув руку за скрывавшую их перегородку, Рауль легко мог бы дотронуться до одного из несчастных.

— Тихо! — снова прошептал Перс. Он тоже увидел трупы и коротко объяснил: — Это «его» работа.

Голос комиссара стал громче. Он интересовался осветительной системой, и режиссер давал ему объяснения. Должно быть, комиссар находился в зале для «органа» или в прилегающих к нему помещениях. Читатель может подумать, что, раз речь идет об оперном театре, «орган» означает музыкальный инструмент, однако в данном случае это совсем не так.

В те времена электричество использовали только для некоторых, очень немногих, сценических эффектов и для звонков; громадное здание и сама сцена освещались газом, тем же газом освещали декорации, это делалось при помощи специального агрегата, имевшего множество трубок, и по этой причине его назвали «органом».

Рядом с суфлерской будкой находилась ниша, предназначенная для главного осветителя, который оттуда давал команды своим подчиненным и следил за их выполнением. Во время всех представлений в этой нише сидел Моклер.

Однако теперь Моклера в нише не было, его помощники также отсутствовали.

— Моклер! Моклер!

Крик режиссера раскатывался в подвалах подобно звуку барабана, но Моклер не отвечал.

Мы уже говорили, что одна дверь выходила на маленькую лестницу, которая поднималась со второго подвального этажа. Комиссар толкнул ее, но она не поддалась.

— Глядите-ка! Я не могу ее открыть, господин режиссер. Она всегда открывается так туго?

Режиссер, сильно надавив плечом, открыл дверь и тут же испуганно вскрикнул, увидев, что ее держало:

— Моклер!

Вслед за комиссаром подбежали остальные, участвовавшие в обходе театра.

— Несчастный! Он мертв! — простонал режиссер.

Комиссар Мифруа, который никогда и ничему не удивлялся, уже спокойно наклонился над массивным неподвижным телом.

— Нет, — буркнул он. — Он мертвецки пьян! А это совершенно разные вещи.

— Такое с ним в первый раз, — заявил озадаченный режиссер.

— Тогда ему дали наркотик.

Мифруа поднялся, сошел вниз по ступеням и крикнул:

— Смотрите!

При свете красного фонаря они увидели под лестницей еще два тела. Режиссер узнал помощников Моклера. Мифруа ощупал их.

— Спят, — констатировал он. — Странно, очень странно. Нет никаких сомнений, что в осветительской кто-то побывал, и этот «кто-то» был сообщником похитителя. Однако что за глупая идея похищать артистку прямо со сцены. Или я ничего в этом не смыслю, или в этом нет никакой логики… Пусть пошлют за театральным доктором!.. Странное, очень странное дело, — еще раз повторил Мифруа.

Потом повернулся в сторону комнаты и обратился к собеседникам, которых ни Раулю, ни Персу не было видно.

— Что вы на это скажете, господа? — спросил он. — Ведь только вы можете как-то объяснить это. Должна же у вас быть хоть какая-то догадка.

И тут Рауль и Перс увидели появившиеся над лестничной площадкой перепуганные лица обоих директоров и услышали взволнованный голос Моншармена:

— Здесь, господин комиссар, происходят странные вещи, которые мы объяснить не в силах.

— Спасибо за справку, господа, — насмешливо сказал Мифруа.

А режиссер, поглаживая ладонью подбородок, что свидетельствовало о глубоком размышлении, добавил:

— Уже не в первый раз Моклер засыпает в театре. Однажды вечером я застал его храпящим рядом со своей табакеркой.

— Как давно это было? — поинтересовался Мифруа, тщательно протирая стекла очков, ибо комиссар был близорук, что нередко случается с очень проницательными людьми.

— Совсем недавно… Постойте-ка! Это было в тот вечер… Честное слово, это было в тот вечер, когда Карлотта — ну, вы знаете, господин комиссар, — издала свое знаменитое кваканье!

— Действительно в тот самый вечер? — Мифруа водрузил на нос очки, внимательно посмотрел на режиссера, словно пытаясь проникнуть в его мысли. Потом небрежным голосом спросил:

— Моклер нюхает табак?

— Да вот, кстати, его табакерка! Он заядлый нюхальщик.

— Я тоже, — кивнул комиссар и сунул табакерку себе в карман.

Машинисты унесли спящих глубоким сном осветителей. Комиссар со своей свитой поднялся следом за ними. Через некоторое время их шаги гулко застучали по сцене, и все стихло.

Когда они остались одни, Перс дал знак Раулю подниматься. Тот подчинился, но забыл приподнять согнутую в локте руку до уровня лица, наизготовку к стрельбе, и Перс шепотом сделал ему замечание, добавив, что опускать руку не следует ни в коем случае.

— Но ведь от этого рука устает, — возразил Рауль. — Как же я смогу выстрелить метко?

— Тогда возьмите пистолет в левую руку, — посоветовал Перс.

— Я не умею стрелять левой!

На что Перс ответил странными словами, которые внесли еще большее смятение в лихорадочно работавший мозг юноши:

— Речь не о том, какой рукой стрелять, а о том, чтобы одна из ваших рук находилась в таком положении, будто вы готовы нажать на курок. Она должна быть немного согнута, что же касается самого пистолета, в конце концов, вы можете положить его в карман. — Потом добавил, уже строже: — Это обязательное условие, иначе я ни за что не отвечаю. Это вопрос жизни и смерти. А теперь молчите и следуйте за мной!

Они были уже на втором подвальном этаже; при скупом свете редких светильников, мерцавших за своими грязными стеклянными колпаками, Раулю была видна только ничтожная часть этого необычного, пугающего царства, в котором было и величие бездонной пропасти, и что-то детское, притягательное, как ярмарочный Петрушка.

Подземелья Оперы — их всего пять — чудовищны по размерам. Они воспроизводят все плоскости сценического пространства, все его спуски и подъемы, напоминающие западни, спрятанные в поперечных каркасных конструкциях. Многочисленные опоры, торчащие из чугунных или каменных цоколей, похожих на цветочницы или перевернутые шляпы, образуют причудливое сплетение форм, сквозь которые свободно пройдет колесница. Все эти хитроумные сооружения соединены друг с другом железными крюками, лебедками, барабанами, противовесами. Они приводят в действие огромные декорации, создают зрительные эффекты и обеспечивают мгновенное исчезновение или, наоборот, появление сказочных персонажей. Именно благодаря подвалам происходит превращение дряхлых стариков в прекрасных рыцарей, отвратительных ведьм в блистающих красотой и молодостью фей. Из подвалов выходит Сатана, и туда же он погружается. Отсюда вырываются адские огни, здесь завывают демоны…

И здесь, как у себя дома, прогуливаются призраки.

Рауль пробирался вслед за Персом, буквально выполняя все его команды и даже не пытаясь понять их значение, говоря себе, что теперь он может надеяться только на своего странного спутника.

В сущности, без него он был бы беспомощен в этом невероятном лабиринте, в этой гигантской паутине. Даже если бы он прошел через густую сеть тросов, веревок и противовесов, которые без конца вырастали перед ним, он в любую секунду мог провалиться в один из люков, которые то и дело разверзались у него под ногами — мрачные, бездонные…

Они продолжали спускаться.

Они добрались до третьего подвального этажа. Их путь освещала невидимая лампа, горящая где-то вдали.

Чем ниже они опускались, тем осторожнее, казалось, становился Перс. Он все чаще оглядывался на Рауля, показывая ему свою пустую руку, поднятую так, будто она была готова к стрельбе.

Вдруг громкий окрик пригвоздил их к месту.

— Всех закрывальщиков дверей на сцену! — кричал где-то наверху раскатистый голос. — Их требует комиссар!

Послышались торопливые шаги, замелькали неясные тени. Перс втащил Рауля в углубление за стойкой для софитов. Совсем рядом, прямо над их головами, прошло несколько старцев, согнувшихся под грузом лет и декораций, которые они когда-то таскали на себе. Некоторые с трудом переставляли ноги, другие по привычке шли, подавшись вперед и выставив перед собой руки, словно искали дверь, которую надо закрыть.

Это были «закрывальщики дверей» — бывшие рабочие сцены, которые, состарившись, благодаря милосердной администрации оставались работать в театре. Они бродили вокруг сцены и под сценой, закрывая двери, — их еще называли тогда «охотниками за сквозняками». Ведь любой, даже самый безобидный сквозняк очень вреден для голоса[20].

Этот крик пришелся как нельзя кстати, так как избавил наших героев от возможных свидетелей: некоторые «закрывальщики», не зная других занятий и не имея своего дома, оставались в театре и на ночь. С ними можно было столкнуться в любую минуту, и комиссар невольно помог Персу и Раулю.

Однако недолго пришлось им оставаться в одиночестве, потому что сверху, куда только что поднялись дряхлые «закрывальщики дверей», стали спускаться какие-то неясные фигуры. В руках у них были маленькие фонари, которыми они медленно помахивали в разные стороны, то поднимая, то опуская их, как будто кого-то или что-то искали.

— Черт! — выругался Перс. — Не знаю, чего они ищут, но найти они могут нас, так что надо скорее бежать отсюда. Не забывайте руку, сударь, держите ее наизготовку! На уровне глаз, точно так же, как на дуэли. Спускаемся скорее! — И он повел Рауля ниже, на четвертый этаж. — Рука на уровне глаз! Это вопрос жизни и смерти! А теперь сюда, по этой лестнице! — Они спустились еще на один этаж.

На пятом этаже подземелий Перс перевел дух. Теперь он казался спокойнее, чем несколько минут назад, когда они были на третьем, но руку держал все в том же положении.

Рауль еще раз подивился — впрочем, никак не выразив этого вслух, — столь загадочному способу самозащиты, который заключался в том, чтобы держать пистолет в кармане, а пустую руку на уровне глаз, как будто в ожидании команды «Огонь!», как это было принято на дуэли в те времена. Он усмехнулся про себя, вспомнив слова Перса: «Это самые надежные мои пистолеты». Какой смысл иметь надежные пистолеты, если ими нельзя пользоваться?

Но Перс прервал его размышления. Он дал Раулю знак оставаться на месте, а сам поднялся на несколько ступенек по лестнице, по которой они только что спустились. Потом быстро вернулся к Раулю.

---

[20] Педро Гайар рассказывал мне, что в свою бытность директором Оперы он не раз учреждал новые должности «закрывальщиков» для старых рабочих сцены, потому что у него не хватало духу уволить их.

— Мы сглупили, — шепнул он, — потому что и так избавились бы скоро от этих теней с фонарями. Это просто пожарники, которые делают обход[21].

Оба, застыв на месте, подождали несколько долгих минут, затем Перс снова подтолкнул Рауля к лестнице и вдруг тут же опять остановил его.

Вокруг дышала таинственная ночь.

— Ложитесь! — скомандовал Перс.

Они одновременно упали на землю и как раз вовремя: мимо проплыла темная человеческая фигура, без фонаря — просто черная тень в сумрачном пространстве. Она прошла совсем рядом, едва не коснувшись их. Они почувствовали на своих лицах теплое дуновение от взмахов ее широкого плаща. В подвале было достаточно света, чтобы они могли разглядеть плащ, с головы до пят обволакивающий человеческую фигуру, и мягкую фетровую шляпу.

Тень медленно удалилась, касаясь стен плащом и задевая их углы ногами.

— Уф! — вздохнул Перс. — Хорошо, что он нас не заметил. Эта тень меня знает: она уже два раза приводила меня в директорский кабинет.

— Значит, это кто-то из внутренней полиции театра? — спросил Рауль.

— Нет, хуже, — коротко, без дальнейших объяснений, ответил Перс[22].

— Надеюсь, что не «он»? — подчеркнул последнее слово Рауль.

— Нет. Если только «он» не нападет на нас сзади, мы обязательно увидим его горящие золотом глаза… В этом наше преимущество ночью. Но он может подойти сзади, неслышно, тогда мы погибли, если только не будем держать руки, как я вам показал, на уровне глаз.

Не успел Перс еще раз объяснить, как следует держать руки, как впереди появилась еще одна, совсем уже фантастическая фигура.

Это была даже не фигура человека, это была светящаяся, будто объятая пламенем, голова…

Да, к ним приближалась горящая голова, не имевшая тела! И она изрыгала пламя!

— Ого! — процедил Перс сквозь зубы. — Вот это я вижу в первый раз. Бригадир пожарников был не сумасшедший. Он и в самом деле видел ее! Кто же это может быть? Это наверняка не «он», но может быть, «он» послал ее к нам навстречу. Осторожно! Осторожно! Руку на уровень глаз! Ради бога, на уровень глаз!

Тем временем огненная голова — которая, казалось, принадлежала демону, вырвавшемуся из преисподней, — продолжала приближаться, покачиваясь на высоте человеческого роста, к двум нашим не на шутку перепуганным героям.

— Может быть, «он» послал нам навстречу это чудовище, чтобы самому напасть сзади… или сбоку. От него всего можно ожидать. Я знаю многие его фокусы, но этот… Этот вижу впервые. Бежим! И не забывайте про руку. Осторожно! Осторожно!

И они побежали по длинному подземному коридору, который открывался перед ними.

---

[21] В те времена пожарники не только дежурили во время представления, но и вообще следили за пожарной безопасностью в театре; правда, теперь эта служба упразднена. Господин Педро Гайар объяснил это опасением, что пожарники, совершенно не знакомые с подземельями, могут нечаянно устроить там пожар.

[22] Автор, вслед за Персом, также воздержится от объяснений по поводу этого странного субъекта. В нашей «исторической» хронике все объясняется естественным образом по мере развития событий, порой сверхъестественных, но так и останутся неразъясненными слова Перса: «Это еще хуже», т. е. хуже, чем полиция театра. Об этом читателю предоставляется догадываться самому, потому что автор обещал бывшему директору Оперы П. Гайару сохранить в тайне личность и обязанности этого чрезвычайно интересного человека в плаще, который обрек себя на жизнь в подземельях театра и вершил какие-то таинственные дела государственной важности.

Через несколько секунд этой гонки, которые показались им долгими-долгими минутами, они остановились.

— Однако «он» редко ходит этой дорогой, — отдышавшись, сказал Перс. — Она не ведет к озеру. Но, может быть, «он» знает, что мы его ищем, хотя я дал ему слово оставить его в покое и не соваться в его дела.

С этими словами он резко обернулся. Рауль последовал его примеру и увидел, что огненная голова движется за ними следом… Возможно, она двигалась даже быстрее, чем они, потому что была совсем близко.

Одновременно до них донесся неясный шум, происхождение которого определить было невозможно; они просто поняли, что шум перемещается и приближается вместе с пылающей человеческой головой. Это было нечто, похожее на скрежетание или поскрипывание, как будто тысячи ногтей скребли по грифельной доске — отвратительный, невыносимый звук, — такой звук получается, когда в школьный мелок попадает твердый камешек.

Они отступили назад, но голова-факел неуклонно приближалась, надвигалась на них. Теперь уже можно было различить лицо. У головы были круглые и совершенно неподвижные глаза, кривой нос и большой рот со свисающей полукругом нижней губой; такое лицо можно увидеть иногда на лунном диске, правда, луна не бывает кроваво-красной…

Но каким образом эта огненно-красная луна оказалась в подземельях театра и почему она неслась прямо на них, сверкая круглыми неподвижными глазами? И откуда взялись эти звуки — весь этот треск, скрип и скрежет, — которые сопровождали ее?

В какой-то момент Перс и Рауль почувствовали спиной стену и инстинктивно вжались в нее, не зная, что несет им эта огненная голова и что означает этот шум, который стал совсем близким и невыносимым и как будто растворился в великом множестве живых урчащих звуков, катившихся волной впереди адской головы.

А голова все приближалась. Товарищи по несчастью, втиснувшись в стену, почувствовали, как волосы у них поднялись дыбом, — они поняли, что означают эти тысячи звуков. Они накатывались плотными рядами, перекатывались бесчисленными крохотными комочками, более стремительными и напористыми, нежели волны, трущиеся о прибрежный песок; они надвигались, как прилив, эти маленькие ночные волны, и вспенивались под красной луной, под пылающей луноподобной головой.

Вот уже они достигли их ног, вот начали взбираться по ногам. Крик ужаса, отвращения и боли вырвался из груди Перса и Рауля.

Они вмиг позабыли о своих руках, которые надо держать на уровне глаз в ожидании команды «Огонь!». Их руки опустились сами по себе, помимо их сознания, чтобы отшвыривать маленьких поблескивающих в сполохах красного света существ — все эти бесчисленные лапки, коготки, зубы. Рауль и Перс были на грани обморока, как это, очевидно, случилось с бравым бригадиром пожарных Папеном, и тут огненная голова повернулась к ним и заговорила человеческим голосом:

— Не двигайтесь! Только не двигайтесь! И не идите за мной. Это я — крысолов! Пропустите меня с моими крысами, — и вдруг исчезла, растворившись в потемках, в то время как коридор впереди осветился лучом красного света.

Раньше, чтобы не спугнуть крыс впереди себя, крысолов направлял свет лампы на свое лицо, теперь же, чтобы ускорить движение, он светил перед собой. И вот он быстро побежал вперед, увлекая за собой живой поток отвратительно попискивающих крыс.

Избавившись от жуткой опасности, Перс и Рауль вздохнули с облегчением, хотя и не сразу смогли унять дрожь.

— Как я мог забыть? Ведь Эрик говорил мне о крысолове, — сказал Перс, — но я не думал, что это выглядит именно так… Странно, что я ни разу не встречал его раньше[23].

Потом, вздохнув, он добавил:

— А я уж подумал, что это один из трюков чудовища. Впрочем, в этих местах «он» не появляется.

— Значит, мы еще далеко от его дома? — спросил Рауль. — Когда же мы придем, сударь? Давайте же поторопимся к озеру и там будем кричать, колотить в стены. Кристина нас услышит. Он тоже услышит, и мы поговорим с ним, раз вы его знаете.

— Дитя! — усмехнулся Перс. — Попасть в его жилище через озеро невозможно.

— Почему?

— Да потому что именно с той стороны он ждет врагов. Мне ни разу не удалось попасть на другой берег, где находится дом. Сначала надо переплыть озеро, а оно хорошо охраняется. Я боюсь, что не один человек — из бывших рабочих сцены, этих закрывальщиков дверей — закончил свои дни на его берегу. Это действительно ужасно! Я сам едва не остался там навечно, и если бы злодей не узнал меня вовремя… Дам вам совет, сударь: никогда не приближайтесь к озеру. А если такое случится, не забудьте хорошенько заткнуть уши, как только услышите голос из-под воды… голос «сирены».

— Но в таком случае, — горячо заговорил Рауль, сгорая от нетерпения и ярости, — что мы здесь делаем? Если вы не в состоянии помочь Кристине, дайте мне, по крайней мере, возможность умереть за нее.

Перс попытался успокоить юношу.

— У нас только одна возможность спасти Кристину Даэ, поверьте мне: проникнуть в дом незаметно для хозяина.

— Значит, на это можно надеяться, сударь?

— Если бы у меня не было такой надежды, я бы не заговорил с вами!

— Как же можно проникнуть в озерное жилище, минуя озеро?

— Через третий подвальный этаж, откуда нас так некстати прогнали, сударь, и куда мы сейчас вернемся. Я покажу вам, — и голос Перса неожиданно изменился, — я покажу вам то место, где погиб Жозеф Бюкэ… Между балкой и старой декорацией к «Королю Лахорскому».

— А, это тот бригадир рабочих сцены, которого нашли повешенным?

— Да, сударь, — кивнул Перс, — а веревку так и не нашли. Мужайтесь — и вперед! Только не забудьте про руку, сударь… Так, а теперь посмотрим, где мы находимся.

Перс снова зажег свой потайной фонарь и направил луч света в два широких коридора, которые пересекались под прямым углом и уходили дальше в казавшуюся бесконечной темноту.

— Скорее всего, мы в той части, где располагается служба водоснабжения, потому что калориферов здесь не видно…

Он шел впереди Рауля, то и дело останавливаясь и прислушиваясь, чтобы избежать нечаянной встречи с водопроводчиками; через некоторое время им пришлось спрятаться, когда в боковом коридоре они увидели свет, похожий на отблески большого затухающего костра или подземной кузницы, а Раулю показалось, что в этом зловещем свете он разглядел демонов, которых видела Кристина во время своего путешествия в подземелья в день ее первого похищения.

---

[23] Педро Гайар рассказывал мне об огромном ущербе, который наносили театру опустошительные набеги крыс, пока администрация не договорилась, за скромное вознаграждение, с одним человеком, и тот за короткое время избавил Оперу от этого бича. Гайар считает, что крысолов изобрел вещество, привлекающее запахом крыс, и таким образом увлекал их за собой в погреб с водой, где они тонули. Видимо, пожарного перепугала та же самая огненная голова.

Постепенно они снова оказались в громадных подвалах под сценой, на самом дне глубокого котлована; о его масштабах можно судить по тому, что он был вырыт на пятнадцать метров ниже водоносных слоев, залегавших в этой части столицы, из которых затем откачали воду. А чтобы получить представление об объеме этого котлована, представьте себе внутренний двор Луврского дворца, это будет его периметр, а его глубина в полтора раза превышает высоту собора Парижской Богоматери. Однако даже после всех работ одно подземное озеро осталось.

— Если не ошибаюсь, — проговорил Перс, касаясь рукой стены, — эта стена уже вполне может быть частью Озерного жилища. — Потом он постучал по ней, будто проверяя на прочность.

Мне кажется, читателю небезынтересно будет узнать, как сооружались стены и днище котлована.

Чтобы вода, со всех сторон окружавшая строительную площадку, не добралась до стен, служащих опорой всему сооружению, и чтобы защитить от влаги строительные конструкции, столярные, слесарные, художественные и прочие многочисленные мастерские, архитектору пришла удачная мысль соорудить со всех сторон как бы двойную оболочку.

Прошел целый год, прежде чем эта оболочка была построена. И вот теперь по стенке первой, внутренней, оболочки котлована стучал Перс. Для человека, знакомого с архитектурой здания, будет понятно, что тайное жилище Эрика находилось внутри этой двойной оболочки, которая состояла, во-первых, из очень толстой стены, игравшей роль плотины, во-вторых, из другой кирпичной стены, мощного слоя цемента и еще одной стены толщиной в несколько метров.

После слов Перса Рауль оживился, прижался к стене и жадно прислушался. Но ничего не услышал… ничего, кроме слабого отзвука страшно далеких шагов где-то наверху, в помещениях театра.

Перс снова погасил фонарь.

— Не забывайте про руку, — повторил он. — А теперь тихо! Попробуем проникнуть к нему.

И повел Рауля к маленькой лестнице, по которой они только что спускались.

Они начали подниматься, медленно, останавливаясь на каждой ступеньке, всматриваясь в темноту и вслушиваясь в тишину.

Таким образом они добрались до третьего подвального этажа. Здесь Перс знаком велел Раулю опуститься на четвереньки, и, по-прежнему держа одну руку перед собой наизготовку, они доползли до стенки котлована.

Возле старой декорации к «Королю Лахорскому», прислоненной к стене, возвышалась массивная балка, и между ними оставалось место, достаточное, чтобы в нем поместилось тело человека. Вот в этой укромной нише и нашли повешенного Жозефа Бюкэ.

Не поднимаясь на ноги, Перс остановился и прислушался.

В какой-то момент он нерешительно взглянул на Рауля, потом пристально посмотрел вверх, на второй подземный этаж, откуда между досками настила просачивался тусклый свет лампы.

Очевидно, этот свет беспокоил Перса.

Наконец он тряхнул головой и не мешкая проскользнул между стойкой и декорацией к «Королю Лахорскому». Рауль следовал за ним по пятам.

Свободной рукой Перс начал ощупывать стенку. Рауль видел, что он сильно надавливает на нее точно так же, как делал это в артистической Кристины.

И вот один камень качнулся, готовый сдвинуться с места… В следующий момент в стенке появился небольшой проем…

На этот раз Перс вытащил из кармана пистолет и, кивнув Раулю, чтобы тот последовал его примеру, зарядил его.

Потом без колебаний, по-прежнему на четвереньках, Перс пролез в проем, отстранив Рауля, который хотел проделать это первым.

Отверстие было очень узким, и Перс почти сразу остановился. Рауль услышал, как он ощупывает вокруг себя камни. Потом Перс снова зажег фонарь, внимательно осмотрелся и тотчас погасил его.

Рауль услышал его сдавленный шепот:

— Нам надо прыгнуть вниз, здесь довольно высоко: несколько метров. Обувь придется снять.

Он быстро разулся и передал свои ботинки Раулю.

— Поставьте их возле стены, на обратном пути мы их заберем[24].

После чего он немного продвинулся вперед, развернувшись лицом к Раулю, и сказал:

— Теперь я повисну на руках и прыгну вниз. Потом то же самое сделаете вы. Только крепче держитесь за камень и не бойтесь: я подхвачу вас.

Через минуту Рауль услышал внизу глухой стук и вздрогнул, испугавшись, как бы этот шум не выдал их присутствие.

Однако Рауля тотчас охватил другой страх — страх от того, что он не услышал других звуков. Ведь, по словам Перса, они уже проникли в жилище на озере, но Кристины не было слышно. Ни крика, ни зова, ни стона… Великий Боже, а вдруг они пришли слишком поздно?

Касаясь коленями стены, ухватившись дрожащими руками за камень, Рауль тоже упал в пустоту. И сразу оказался в объятиях Перса.

— Тихо!

Несколько мгновений они стояли неподвижно, прислушиваясь. Никогда еще окружающая их тьма не была такой непроглядной. Никогда еще тишина не казалась им такой жуткой и угрожающей.

Рауль прикусил губу, чтобы не закричать: «Это я, Кристина! Ответь же, если ты жива!»

Снова вспыхнул слабый свет фонаря. Перс направил его вверх, пытаясь разглядеть отверстие, через которое они попали сюда, но не находил его.

— Ого! — заметил он. — Кажется, камень закрылся сам по себе.

Луч скользнул вниз, вдоль стены, потом замер на полу.

Перс нагнулся и подобрал какой-то обрывок веревки, осмотрел его и с ужасом отбросил в сторону.

— «Пенджабский шнурок»! — пробормотал он.

— Что это? — не понял Рауль.

— Это, — вздрогнув, ответил Перс, — веревка повешенного, которую так долго искали и не нашли.

Охваченный неожиданным волнением, он провел красноватым лучом фонаря по стенам… Из темноты высветился ствол дерева, настоящего живого дерева, со свежей листвой, ветви которого тянулись вдоль стены и терялись во тьме под самым сводом.

Пятно света было совсем маленьким, поэтому они не смогли сразу охватить взглядом представшую перед ними картину: луч вырывал из черноты то кусок ветки, то лист. Больше ничего не было видно… ничего, кроме слабой струйки света, которая, казалось, отражалась от себя самой. Рауль провел ладонью по отражению и вскрикнул:

— Глядите-ка! Это же зеркало!

— Зеркало! — эхом откликнулся Перс, и в его голосе слышалось сильнейшее волнение. Потом он отер рукой, державшей пистолет, пот со лба и добавил: — Мы попали в комнату пыток.

---

[24] Эти две пары ботинок, оставленные, как следует из записок Перса, между балкой и декорациями к «Королю Лахорскому», в том самом месте, где был обнаружен труп повесившегося Жозефа Бюкэ, так никогда и не были найдены. Очевидно, их прихватил кто-то из рабочих сцены или закрывальщиков дверей.

XXII
Занимательный рассказ Перса о том, что произошло в подвалах Оперы

Перс подробно написал о том, как однажды уже пытался — и безуспешно — проникнуть в Озерное жилище через озеро, как случайно обнаружил вход через третий подвальный этаж и как, наконец, вместе с виконтом де Шаньи оказался в «комнате пыток» и стал жертвой изощренной фантазии призрака. Предлагаю читателю написанный им собственноручно рассказ, который я получил от него при обстоятельствах, изложенных ниже, и в котором не изменил ни слова. Я решил не сокращать его, потому что счел невозможным умолчать о приключениях Перса на берегах подземного озера, которые он пережил еще до того, как оказался там вместе с Раулем. На какое-то время это отвлечет нас от «комнаты пыток», но скоро мы вернемся туда.

Рассказ Перса

Я хочу рассказать о том, как впервые пытался пробраться в дом на озере. Еще раньше я не раз уговаривал «мастера ловушек» — так у нас в Персии называли Эрика — открыть мне свои таинственные двери, но он неизменно отказывался, хотя, зная многие его тайны, я надеялся, что он не откажет мне в награду за мое молчание. Тогда я решил прибегнуть к хитрости. С тех пор как я встретил Эрика в Опере, где он, как оказалось, поселился, я начал следить за ним — в верхних коридорах, в подвалах и даже на берегу озера, когда он думал, что рядом никого нет. Я не раз видел, как он садился в маленькую лодку и переплывал на другой берег. Но полумрак не позволял увидеть, каким образом он открывает потайную дверь в стене. Мною двигало не только простое любопытство — меня тревожили некоторые слова, которые злодей случайно обронил в разговоре со мной, и вот однажды, когда мне показалось, что никто меня не видит, я сел в лодку и направил ее к той части стены, где обычно исчезал Эрик. Так я встретился с «сиреной», охранявшей подступы к таинственному дому, и ее чары едва не стоили мне жизни. Вот как это случилось.

Не успел я отъехать от берега, как окружавшую меня тишину нарушил какой-то громкий вздох. Это одновременно было и дыханием и музыкой; незнакомый голос поднимался из самой глубины озера и погружал меня в непонятное оцепенение. Его звуки не отпускали меня, плыли вместе со мной, даря столь сладостные ощущения, что страха у меня не осталось совершенно.

Напротив, стремясь приблизиться к источнику этой нежной, захватывающей гармонии, я наклонился к самой воде, потому что не было никакого сомнения в том, что пение звучало из глубины. Я уже был на середине озера, один в лодке, и рядом со мной лился голос — голос неземной красоты, — который звучал из волн. Я наклонялся все ниже и ниже… Поверхность озера была спокойной, как зеркало, и в лунном свете, проникавшем через подвальное окно с улицы Скриба, казалась черной, как чернила. Я помотал головой, чтобы освободиться от наваждения, но гармоничная музыка, нежная, как дыхание, преследовала и притягивала меня.

Будь я суеверным или слабым человеком, я бы подумал, что и правда имею дело с сиреной, которая должна сбить с пути смельчака, отважившегося пуститься в путь по воде к Озерному жилищу, но — слава богу! — я из той страны, где слишком любят все фантастическое, чтобы не знать всех его потаенных сторон, да и сам я достаточно повидал всяческих чудес и понимал, что мастер своего дела может с помощью самых простых трюков манипулировать человеческим воображением.

Я ни секунды не сомневался, что встретился с новым дьявольским изобретением Эрика, которое на этот раз превосходило по совершенству все виденное мною до сих пор, и вот, очарованный, забыв об осторожности, я перегнулся через борт лодки.

Я склонялся все ниже и ниже, и вдруг из воды высунулись две чудовищные руки и обхватили меня за шею, увлекая в пучину с невиданной силой. Я бы наверняка погиб, если бы не успел крикнуть, и по этому крику Эрик узнал меня.

Да, это был Эрик, и, вместо того чтобы меня утопить, что он и собирался сделать, он благополучно вытащил меня на берег.

— Вот видишь, как ты неосторожен, — сказал он, стоя передо мной; по его одежде ручьями стекала вода. — Зачем ты хотел пробраться в мой дом? Ведь я тебя не приглашал. Мне никто не нужен: ни ты, ни кто другой! Разве ты для того когда-то спас мне жизнь, чтобы сделать ее невыносимой? Как бы ни была велика твоя услуга, Эрик может забыть и о ней, а тебе известно, что тогда ничто не удержит Эрика, даже сам Эрик.

Он продолжал говорить еще что-то, но теперь меня интересовало только одно: узнать секрет этого трюка с «сиреной». Он пожелал удовлетворить мое любопытство, потому что, будучи настоящим чудовищем, — а мне приходилось видеть его в деле в Персии, — в некотором смысле оставался самонадеянным и тщеславным ребенком, и для него не было большего удовольствия, чем удивлять окружающих и демонстрировать им свою поистине дьявольскую изобретательность.

Он рассмеялся, весьма польщенный, и показал мне тростинку.

— Это элементарно просто и вместе с тем очень удобно: я могу дышать и даже петь в воде! Это — фокус, которому я научился у пиратов Тонкина: таким образом они могли целыми часами сидеть на дне реки[25].

— Этот фокус едва не лишил меня жизни, — с упреком сказал я, — и, возможно, стал роковым для многих других.

Он не отвечал и встал передо мной во весь рост с угрожающим и одновременно ребячливым видом.

Я не дал себя запугать и резко заметил:

— Ты же обещал, Эрик: больше никаких преступлений!

— Разве я совершил какое-нибудь преступление? — самым любезным тоном осведомился он.

— Несчастный! — не сдержался я. — Неужели ты уже забыл «сладостные ночи Мазендарана»?

— Да, — неожиданно погрустнел он, — я бы очень хотел забыть об этом, но согласись, что я тогда здорово посмешил маленькую султаншу.

— Ладно, все это в прошлом, — продолжал я. — А теперь совсем другое дело, и ты должен отчитаться передо мной за настоящее, потому что, если бы я захотел, оно бы для тебя не существовало. Помни, Эрик: я спас тебе жизнь!

И, воспользовавшись оборотом, который принимал наш разговор, я решил выяснить то, что уже давно не давало мне покоя:

— Эрик, поклянись мне…

— Еще чего! Ты же знаешь, что я не выполняю своих клятв. Клятвы даются для того, чтобы ловить в капкан глупцов и ничтожеств!

— Скажи… Ты же можешь сказать мне?

— Что именно?

---

[25] В официальном докладе, отправленном из Тонкина в Париж в июле 1890 года, сообщается о том, как знаменитому пирату Де Тхему, окруженному со своей бандой нашими солдатами, удалось ускользнуть благодаря трюку с тростинкой.

— Насчет люстры, Эрик…

— А что насчет люстры?

— Ты понимаешь, о чем я говорю.

— Ах люстры! — усмехнулся он. — Хорошо, я тебе скажу: люстра — это не моя работа. Просто эта люстра была очень старая.

Когда Эрик смеялся, он был еще уродливее. Он прыгнул в лодку и расхохотался так зловеще, что мне стало жутко и я не смог унять дрожь.

— Очень старая была люстра, милый мой дарога[26]! Очень старая… Она свалилась сама по себе. А красиво она грохнулась! Теперь я дам тебе совет, дарога: подсушись, если не хочешь подхватить насморк, и никогда больше не садись в мою лодку, а самое главное — не пытайся проникнуть в мой дом… Я не всегда смогу тебе помочь, и мне бы не хотелось посвящать тебе заупокойную мессу.

Продолжая хохотать, он стоял на корме своей лодки и с обезьяньей ловкостью греб одним веслом. Он был похож на мрачную скалу, и его золотистые глаза сверкали ярче, чем обычно. Скоро остался виден только этот зловещий блеск, а потом и он исчез в ночной темноте, окружавшей озеро.

С этого дня я отказался от попыток пробраться в его жилище через озеро. Было очевидно, что этот путь очень хорошо охраняется, особенно после того как Эрик застал меня здесь. Но я не сомневался, что существует и другой путь, поскольку не раз видел, как Эрик непостижимым образом исчезает на третьем этаже подземелья. Напомню, что с тех пор, как я встретил Эрика в Опере, я находился в постоянном напряженном ожидании его зловещих фокусов; разумеется, опасался я не за себя, а за других[27]. И когда в театре случалось какое-нибудь неприятное происшествие, когда все вокруг охали и твердили: «Это призрак!» — я думал об Эрике. Сколько раз я слышал о призраке от людей, которые говорили о нем с улыбкой. Несчастные! Если бы только они знали, что он существует на самом деле и что он гораздо страшнее и опаснее, чем та бесплотная тень, которую они поминали. Им было бы не до смеха! Если бы только они знали, на что способен Эрик, особенно в таком месте, как Опера! И если бы им были ведомы мои тревожные мысли!

Хотя он торжественно объявил мне, что совершенно изменился и стал одним из самых добродетельных людей на свете с тех пор, как его «полюбили ради него самого» — фраза, которая сразу привела меня в сильное замешательство, — я не мог отделаться от беспокойства. Его ужасное, непередаваемое словами и отталкивающее уродство поставило его вне человеческого общества, и мне часто казалось, что именно поэтому он перестал испытывать даже малейшее чувство жалости и сострадания к людям. Тон, каким он сказал мне о своей любви, только усилил мои подозрения, потому что за его хвастливыми словами я увидел новые, еще более ужасные драмы. Я знал, до какого глубокого и разрушительного отчаяния могут довести Эрика душевные муки, и его намеки — предвестники страшной катастрофы — не выходили у меня из головы.

С другой стороны, я обнаружил странную духовную связь, которая установилась между чудовищем и Кристиной Даэ. Спрятавшись в кладовой рядом с артистической юной певицы, я присутствовал на удивительных уроках музыки, которые приводили Кристину в неземной

---

[26] *Дарога* — начальник государственной полиции в Персии.

[27] Здесь Перс мог бы сознаться, что судьба Эрика интересовала его и сама по себе, так как он понимал, что, если в Тегеране узнают, что приговоренный к смерти Эрик до сих пор жив, у бывшего шефа полиции могут быть серьезные неприятности. Впрочем, у Перса было благородное и доброе сердце, и мы не сомневаемся, что он беспокоился также о других людях. Об этом свидетельствует и его поведение в этой истории, которое трудно назвать иначе как благородным.

восторг, однако я не думал, что голос Эрика — а он мог по своей воле придавать ему мощь громовых раскатов или нежность ангельского пения — заставит ее забыть о его уродстве. Я все понял, когда обнаружил, что Кристина его еще не видела. Как-то раз мне удалось попасть в ее артистическую, и, вспомнив его прежние трюки, я без труда разгадал фокус, при помощи которого поворачивалась часть стены с большим зеркалом, и понял секрет пустотелых кирпичей, благодаря которым Кристина слышала его так, как будто он находился совсем рядом. Кроме того, я обнаружил путь, ведущий к фонтану и к бывшей тюрьме коммунаров, а также люк, через который Эрик попадал прямо под сцену.

Несколько дней спустя я с немалым удивлением узнал, что Эрик и Кристина встречаются, увидев собственными глазами, как злодей, склонившись над маленьким фонтаном, который называют «плачущим», потому что он находится на той самой «дороге коммунаров», вытирает лицо лежащей без сознания Кристине. Рядом с ним спокойно стояла белая лошадь, лошадь из «Пророка», которая незадолго до того исчезла из конюшен Оперы. Эрик обнаружил мое присутствие, и это едва не закончилось для меня плачевно. Я увидел молнии в его золотистых глазах и, не успев вымолвить ни слова, был оглушен сокрушительным ударом. Когда я открыл глаза, не было ни Эрика, ни Кристины, ни белой лошади, и я больше не сомневался, что несчастная девушка стала пленницей в его Озерном жилище. Я снова пришел на берег озера, несмотря на всю опасность такого предприятия. Целые сутки, спрятавшись на берегу, я ждал появления чудовища, потому что знал, что он непременно должен выйти, хотя бы за продуктами. Здесь надо сказать, что, когда он выходил в город или осмеливался появляться на публике, ужасную дыру, заменяющую ему нос, он прикрывал накладным носом из папье-маше с приклеенными усами, что, впрочем, ничуть не делало его привлекательнее, поскольку прохожие, завидев его, говорили: «Смотрите, вон идет папаша Обмани-Смерть[28]», но вообще — я говорю «вообще» — вид у него был довольно сносный.

Итак, я подстерегал его на берегу подземного озера — он в шутку называл его Авернским[29] — и уже начал терять терпение, думая, что он использовал другой, неизвестный мне выход на третьем подвальном этаже, когда услышал слабый плеск, потом увидел два желтых глаза, блестевших, как сигнальные огни, и скоро рядом со мной причалила лодка. На берег выпрыгнул Эрик.

— Вот уже целые сутки ты торчишь здесь, — спокойно заговорил он. — Ты мешаешь мне, и я заявляю, что это может закончиться очень плохо, потому что терпение мое не безгранично, даже по отношению к тебе. Ты думаешь, что следишь за мной, дурачок ты эдакий, а на самом деле это я слежу за тобой; я знаю все, что тебе известно обо мне. Вчера я пожалел тебя там, на «дороге коммунаров», но теперь сделай так, чтобы я тебя больше не видел! Клянусь честью, ты очень неосторожен! И мне интересно знать, понимаешь ли ты еще человеческую речь?

Постепенно он пришел в такую ярость, что я не решался прервать его. Вздохнув тяжело, как тюлень, он еще раз повторил свою мысль, которая совпадала с моими тревожными предчувствиями.

— Да, запомни раз и навсегда — повторяю: раз и навсегда! — мой совет. При твоей неосторожности — ведь тебя уже два раза задерживал в подвалах тот тип в шляпе и отводил к директорам, которые сочли тебя чудаком, помешанным на театре и театральных эффектах (я в это время был там, в кабинете, ведь ты знаешь, что я везде и повсюду), — так вот, при твоей неосторожности может случиться так, что кое-кто заинтересуется, что же ты здесь ищешь. А

---

[28] Прозвище каторжника Вотрена, героя романов Бальзака. — *Примеч. пер.*

[29] Озеро в Италии, около Неаполя, внушавшее древним суеверный страх из-за сильного запаха сернистых выделений. — *Примеч. пер.*

когда узнают, что ты ищешь Эрика, они тоже захотят найти его и в конце концов найдут мой дом на озере. А тогда… Тогда я ни за что не отвечаю.

Он снова тяжело вздохнул:

— Ни за что! Если секреты Эрика станут известны другим, я им не завидую! Вот это я и хотел тебе сказать, и если ты не глуп, ты меня поймешь…

Он сидел на корме своей лодки и постукивал ногами по днищу, ожидая моего ответа. И я ему сказал:

— Я ищу здесь не Эрика.

— Кого же тогда?

— Ты сам знаешь: Кристину Даэ.

На что он возразил:

— Я имею право назначать ей свидание в своем доме. Она любит меня ради меня самого.

— Это неправда. Ты ее украл и держишь взаперти.

— Послушай, — сказал он, — если ты обещаешь мне больше не соваться в мои дела, я докажу тебе, что она меня любит ради меня самого.

— Да, я это обещаю, — ответил я, не задумываясь, потому что не допускал и мысли о том, что такое чудовище сможет доказать это.

— Так вот, все очень просто… Кристина Даэ выйдет отсюда, когда ей захочется, и сама вернется сюда! Да, вернется, потому что любит меня по своей собственной воле.

— О! Я в этом сомневаюсь. Но твой долг — отпустить ее.

— Мой долг, надутое ничтожество! Это моя воля — отпустить или не отпустить ее, и она вернется, потому что любит меня… И все это, уверяю тебя, кончится свадьбой… свадьбой в церкви Мадлен, дурачок мой! Ты мне не веришь? Когда моя свадебная месса будет закончена, ты ее услышишь одним из первых.

Он снова постучал ногой по деревянному дну в такт словам, которые проговорил нараспев:

— Kyrie!.. Kyrie! Kyrie Eleison!..[30] Ты услышишь, обязательно услышишь эту свадебную мессу!

— Я тебе поверю, если увижу, как Кристина Даэ выйдет из твоего дома и сама вернется туда.

— И ты больше не будешь лезть в мои дела? Ну ладно, ты увидишь это сегодня вечером. Приходи на бал-маскарад. Мы с Кристиной будем на нем. Затем ты спрячешься в кладовой и увидишь, как Кристина придет в свою уборную и оттуда с радостью снова пройдет по «дороге коммунаров».

— Согласен!

— А теперь убирайся, потому что мне пора по делам!

Действительно, если бы я это увидел, я бы смирился: в конце концов, самое прекрасное создание имеет полное право полюбить самого отвратительного урода, особенно когда ему помогают чары музыки, а она — талантливая певица.

Я ушел, продолжая тревожиться за Кристину Даэ, но еще больше встревожили меня его слова насчет моей неосторожности.

«Чем же все это кончится?» — думал я. Хотя по природе я — фаталист, я не мог отделаться от растущего страха и от мысли об огромной ответственности, которую взял на себя в тот день, много лет назад, когда подарил жизнь чудовищу, ставшему теперь серьезной угрозой для людей.

К моему великому удивлению, случилось так, как он предсказал: Кристина Даэ вышла из дома на озере и потом несколько раз возвращалась туда без всякого видимого принуждения. Я

---

[30] *Kyrie Eleison — букв.:* Господи, помилуй *(греч.)*; песнопение, входящее в состав католической мессы. — *Примеч. пер.*

пытался отвлечься от таинственных и неисповедимых путей любви, но тревога не покидала меня. Однако из осторожности я больше не повторял прежней ошибки — не пробирался на берег озера и не ходил по «дороге коммунаров». И все-таки мне не давала покоя навязчивая мысль о потайной двери на третьем этаже, и я продолжал приходить туда. Я устраивал там бесконечно долгие засады, изнывая от безделья, спрятавшись за декорацией к «Королю Лахорскому», которую унесли подальше от сцены, так как этот спектакль играли крайне редко. В конечном итоге терпение мое было вознаграждено. Однажды я увидел, как ко мне на коленях приближается Эрик. Я был уверен, что он меня не видит. Он пролез между декорацией и балкой, дотронулся до стены и в одном месте, которое я хорошо запомнил издали, нажал на скрытую пружину, после чего один камень сдвинулся, открывая проход. Он исчез в отверстии, и камень закрылся сам собой. Теперь я знал тайну чудовища, и эта тайна в свое время должна была привести меня в Озерное жилище.

Чтобы окончательно удостовериться в этом, я прождал не менее получаса, нашел пружину и нажал на нее. Стена повернулась точно так же, как у Эрика. Но я поостерегся лезть в проход, зная, что он у дома. С другой стороны, я вспомнил о смерти Жозефа Бюкэ и, решив, что мое открытие может пригодиться «представителям рода человеческого», как презрительно называл людей Эрик, ушел из подземелья, не забыв аккуратно установить камень на место.

Разумеется, вы понимаете, что связь между Эриком и Кристиной интересовала меня по-прежнему, однако не в силу извращенного любопытства, а потому что я хорошо представлял себе, что может случиться, когда Эрик поймет, что Кристина вовсе не любит его. Я продолжал поиски и вскоре узнал правду о жестокой любви чудовища: он силой вторгся в мысли Кристины, в то время как сердце ее принадлежало виконту де Шаньи. Пока эти двое играли в жениха и невесту в верхней части Оперы, прячась от тирана, они и не подозревали, что за ними следят. Я же был готов на все: даже убить злодея, если это потребуется, а потом отдать себя в руки правосудия. Однако Эрик пока не показывался, хотя это обстоятельство ничуть меня не успокаивало.

Я надеялся, что Эрик, одержимый ревностью, рано или поздно выйдет из своей норы и даст мне возможность без помех проникнуть туда через третий подвальный этаж. Мне необходимо было узнать, что представляет собой его жилище, и однажды, когда мне надоело выжидать удобный момент, я повернул секретный камень и тотчас услышал потрясающую, какую-то нечеловеческую музыку: Эрик работал, широко открыв все двери дома, над своим «Торжествующим Дон Жуаном». Я знал, что это произведение было делом всей его жизни, и теперь, неподвижно сидя в темноте, я впервые слышал его. Через некоторое время он перестал играть и принялся, как безумный, ходить по дому. Потом произнес очень громко, раскатистым голосом: «Все должно совершиться еще до этого!» Снова послышалась музыка, и я тихонько прикрыл за собой камень, однако долго еще слышал далекую, будто доносившуюся из загробного мира песнь и с содроганием вспоминал при этом чарующий голос «сирены», который однажды ночью поднялся из глубины озера и едва не погубил меня. Потом я вспомнил слова рабочих сцены, сказанные после смерти Жозефа Бюкэ и воспринятые с насмешкой: «Вокруг тела повешенного слышался какой-то шум, похожий на заупокойное пение».

В тот день, когда была похищена Кристина Даэ, я пришел в театр поздно вечером, с замиранием сердца ожидая услышать плохие новости. До этого я провел ужасный день, потому что утром прочитал в газете о предстоящей свадьбе Кристины и виконта де Шаньи и спрашивал себя, не лучше ли выдать злодея полиции. Однако, поразмыслив, я решил, что такой поступок только ускорит катастрофу.

Подъехав в экипаже к Опере, я посмотрел на громадное величественное здание и в душе удивился, что оно еще стоит на месте.

Правда, я, как было сказано ранее, подобно всем жителям Востока, немного фаталист, поэтому вошел в театр, заранее готовый ко всему.

Исчезновение Кристины во время сцены в тюрьме, которое, разумеется, поразило всех присутствующих, для меня, пожалуй, не было неожиданностью. Его конечно же устроил Эрик, который давно и не зря считался королем иллюзионистов. И я сразу понял, что дело принимает оборот, опасный для Кристины и, возможно, для многих других.

В какой-то момент мне пришла в голову шальная мысль сказать всем этим людям, которые были в театре, чтобы они немедленно спасались. Но от этого шага меня удержала уверенность в том, что меня примут за сумасшедшего, кроме того, если бы я, скажем, крикнул: «Пожар!» — началась бы паника, которая стала бы не меньшей катастрофой.

Тем не менее сам я решил действовать без промедления. Впрочем, и момент показался мне удачным, так как Эрик в это время наверняка думал только о своей добыче. Этим обстоятельством следовало воспользоваться, чтобы проникнуть в его жилище через третий подвал, и я решил взять с собой несчастного виконта, который сразу же согласился и доверился мне, что глубоко меня тронуло. Я послал своего слугу Дариуса за пистолетами, и он принес их в артистическую Кристины. Один пистолет я дал виконту, предупредив его, как себя вести, потому что Эрик мог напасть на нас сзади. Нам предстояло пройти по «дороге коммунаров», а затем через потайной люк.

Увидев пистолеты, юный виконт спросил, уж не придется ли нам драться на дуэли. «И еще на какой дуэли!» — ответил я, но времени на объяснения не было. Виконт — смелый человек, но он совсем не знал своего соперника! Впрочем, это, наверное, было к лучшему.

Разве дуэль с заядлым бретером может сравниться с борьбой против самого гениального из иллюзионистов? Мне самому становилось не по себе при мысли, что я вступаю в борьбу с человеком, которого можно увидеть только тогда, когда он сам того захочет, и который, напротив, видит все, когда вокруг стоит полнейшая темнота. С человеком, чья ловкость, опыт, воображение позволяют ему не только использовать все привычные средства борьбы, но и создавать иллюзии, которые роковым образом действуют на все ваши чувства и в конце концов губят вас! Тем более что схватка будет происходить в подземельях театра, то есть в самом чреве фантасмагории! Можно ли без дрожи подумать об этом? О том, что ждет простого человека — будь он самый отчаянный смельчак, — в этом театре, в пяти его подземных и двадцати наземных этажах, где ему предстоит вступить в схватку с «мастером ловушек» в его собственном логове.

Хотя я тешил себя надеждой, что Эрик должен находиться вместе с Кристиной Даэ в своем Озерном жилище, куда он перенес бесчувственную девушку, однако же у меня оставалось опасение, что сейчас он бродит где-то вокруг нас с «пенджабским шнурком» наготове.

Никто лучше него не умеет бросать пенджабскую удавку, и он по праву считается князем удавщиков, равно как и королем иллюзионистов. Когда он жил при дворе маленькой султанши во времена жестоких и кровавых забав, которые, с легкой руки какого-то злого шутника, называли «сладостными ночами Мазендарана», она потребовала, чтобы он придумал что-нибудь такое, что вызовет у нее дрожь, и он не придумал ничего лучше, чем «пенджабский шнурок». Когда-то Эрик был в Индии и в совершенстве изучил искусство душить людей. По приказу султанши его запирали в небольшом внутреннем дворике, куда вталкивали воина — чаще всего приговоренного к смерти, — вооруженного длинным копьем и большим мечом. У Эрика же был только его «шнурок», и вот в тот момент, когда воин уже собирался нанести последний, смертельный удар, слышался свист «шнурка». Одним движением кисти Эрик затягивал лассо на шее своего врага и подтаскивал труп к высокому окошку, откуда султанша со своими служанками наблюдала за схваткой, и получал в награду восторженные аплодисменты. Маленькая султанша тоже научилась бросать «пенджабскую удавку» и умертвила таким образом немало служанок и даже нескольких своих гостей.

Впрочем, давайте оставим жуткую тему «сладостных ночей Мазендарана». Я упомянул о ней только затем, чтобы объяснить, почему, оказавшись с виконтом де Шаньи в подземельях Оперы, я показал ему, как следует держать руку, чтобы избежать удавки Эрика. Ведь под землей наши пистолеты были бесполезны, поскольку я был уверен, что, если Эрик сразу не помешал

нам выйти на «дорогу коммунаров», в открытую схватку он вступать не собирается. А вот набросить свою удавку он мог в любую минуту. У меня не было времени объяснять виконту, что где-то в темноте нас ждет свистящее лассо Эрика, и я ограничился тем, что посоветовал ему постоянно держать руку на уровне лица в согнутом положении, как держат пистолет в ожидании команды «Огонь!». Таким образом даже ловкому удавщику невозможно набросить лассо на шею жертвы, потому что вместе с шеей веревка обхватывает руку, и петлю легко снять.

Итак, мы с виконтом избежали встречи с комиссаром полиции, «закрывальщиками дверей», пожарными, унесли ноги от крысолова с его крысами, не попались на глаза таинственному субъекту в фетровой шляпе и в конце концов благополучно добрались до третьего подвального этажа. Пролезли между колонной и декорацией к «Королю Лахорскому», повернули камень и спрыгнули в жилище Эрика, которое тот соорудил между двойными стенками фундамента театра. (Кстати, Эрик был одним из первых мастеров кирпичной кладки у Филиппа Гарнье, архитектора Оперы, и продолжал работать тайком, в одиночестве, когда строительство официально было приостановлено на период войны, осады Парижа и Коммуны.)

Я слишком хорошо знал Эрика, чтобы лелеять надежду выведать все ловушки, которые он мог придумать за это время, поэтому, когда мы проникли в его жилище, я был готов ко всякого рода неожиданностям. Я знал, что он принимал активное участие в сооружении некоторых дворцов Мазендарана, и одно из самых прекрасных творений архитектуры он превратил в дьявольский дом, где любое, даже произнесенное вполголоса слово не могло остаться в тайне, так как передавалось посредством эха. Сколько семейных драм, сколько кровавых трагедий оставил за собой Эрик со своими люками-западнями! Не говоря уже о том, что в этих дворцах никогда нельзя было понять, где ты находишься. Он обладал удивительной способностью и даже страстью к изобретениям, и самым любопытным, самым ужасным и опасным из них конечно же была «комната пыток». Обычно в эту комнату бросали приговоренных к смерти, хотя маленькая султанша часто развлекалась, подвергая мучениям невинных жертв. Я думаю, что это было самое изощренное и жестокое из развлечений, придуманных Эриком для «сладостных ночей Мазендарана». Доведенному до безумия посетителю «комнаты пыток» милостиво предоставлялась возможность покончить с собой при помощи «пенджабского шнурка», который специально оставляли в его распоряжении у подножия железного дерева.

Несмотря на темноту и волнение, я сразу увидел, что помещение, в котором оказались мы с виконтом, является точной копией «комнаты пыток» в Мазендаранском дворце.

На полу я нашел «пенджабский шнурок», которого так опасался весь этот вечер. Не было никаких сомнений в том, что именно такой веревкой был задушен Жозеф Бюкэ. Должно быть, бригадир рабочих сцены как-то вечером застал Эрика, когда тот возился с секретным камнем на третьем этаже подвала. Подталкиваемый любопытством, Бюкэ, видимо, попытался проникнуть в тайный ход, камень закрылся за ним, и он упал в «комнату пыток», откуда Эрик извлек его уже мертвым. Я живо представил себе, как Эрик, чтобы избавиться от трупа, дотащил его до декорации к «Королю Лахорскому» и повесил там, желая преподать другим урок или усилить суеверный ужас, который помогал ему охранять подступы к своей пещере.

Однако, поразмыслив, Эрик вернулся за «пенджабским шнурком», искусно сплетенным из кошачьих кишок, потому что он мог возбудить любопытство судебного следователя. Только так я могу объяснить исчезновение веревки повешенного.

И вот я нашел эту веревку в «комнате пыток» у себя под ногами. Я не робкого десятка, но на лбу у меня выступил холодный пот.

Фонарь, при свете которого я обследовал стены этой печально знаменитой комнаты, задрожал в моей руке.

Виконт де Шаньи заметил это и с тревогой спросил:

— Что случилось, сударь?

Я быстрым жестом заставил его замолчать, потому что у меня оставалась одна, самая последняя надежда, что злодей еще не знает о нашем присутствии в «комнате пыток».

Однако даже эта призрачная надежда не сулила спасения, ибо, судя по всему, «комната пыток» служила для защиты его дома со стороны третьего подвального этажа, и возможно, эта защита срабатывала автоматически.

Может быть, пытки также должны были начаться автоматически, и неизвестно, какое из наших действий будет сигналом к их началу.

На всякий случай я наказал своему спутнику сохранять полную неподвижность.

Жуткая тишина нависла над нами.

Красный луч моего фонаря продолжал метаться по стенам и по полу комнаты, и я узнавал… узнавал…

XXIII

В «комнате пыток»

(Продолжение рассказа Перса)

Мы стояли в середине небольшого зала идеально шестигранной формы, все шесть стен которого были сплошь, от потолка до пола, покрыты зеркалами. В углах блестели зеркальные вставки — узкие, длинные многогранники, поворачивающиеся на барабанах… Да, я узнал их… узнал железное дерево в одном углу, перед одним из этих многогранников, железное дерево с железными ветвями, которые были предназначены для несчастных самоубийц…

Я схватил своего спутника за руку. Виконт де Шаньи дрожал всем телом, готовый звать свою невесту, кричать, что пришел к ней на помощь, и я боялся, как бы он не потерял самообладания.

Неожиданно мы услышали с левой стороны какие-то звуки.

Вначале это было похоже на скрип открывшейся и тут же закрывшейся двери в соседней комнате, потом послышался глухой стон. Я сильнее сжал руку виконта, и тут мы отчетливо услышали слова:

— Выбирайте: либо свадебная месса, либо заупокойная!

Я узнал голос чудовища.

Снова раздался стон. Потом наступило долгое молчание.

Теперь я был уверен, что Эрик не знает о нашем присутствии в его жилище, иначе он сделал бы так, чтобы мы ничего не слышали. Для этого ему достаточно было плотно прикрыть маленькое невидимое окошко, через которое любители пыток обычно наблюдают за происходящим.

Следовательно, мы имели большое преимущество перед Эриком: мы были рядом с ним, могли слышать его, а он об этом не знал.

Самое главное заключалось в том, чтобы он оставался в неведении, и я ничего так не боялся, как несдержанности виконта де Шаньи, который горел желанием броситься прямо сквозь стены на помощь своей невесте, чей стон мы только что услышали.

— Заупокойная месса — это не очень весело, — продолжал между тем Эрик, — а вот свадебная — можете мне поверить! — это чудесно! Вам выбирать! Что касается меня, я не могу больше жить вот так, под землей, в норе, как крот! «Торжествующий Дон Жуан» закончен, и теперь я хочу жить, как все люди. Хочу иметь жену, как все люди, хочу гулять с ней по воскресеньям. Я придумал маску, которая будет придавать мне любую внешность. Никто даже не обернется, увидев меня. А вы будете самой счастливой из женщин. Мы будем до изнеможения петь друг для друга. Вы плачете! Вы меня боитесь! Но ведь я совсем не злой! Любите меня, и вы это увидите. Мне не хватало только человека, который полюбил бы меня, чтобы я стал добрым. Если бы вы меня любили, я был бы кроток, как ягненок, и вы бы делали со мной все, что захотели.

Стоны, сопровождавшие эти заклинания, становились все громче. Я никогда не слышал таких отчаянных стонов, и вдруг мы с виконтом сообразили, что эти ужасные жалобы исходят от самого Эрика. Кристина же, должно быть, онемела от ужаса и не имела сил ни кричать, ни плакать.

Стоны становились тяжелыми и мощными, как жалоба океана. Три раза из груди Эрика вырвался душераздирающий крик:

— Вы меня не любите!

Потом голос его стал мягче.

— Почему вы плачете? Ведь вы знаете, что делаете мне больно.

Ответом ему было молчание.

Молчание было для нас добрым знаком, знаком надежды. «Может быть, он вышел и оставил Кристину одну», — предположили мы.

Мы думали только о том, каким образом предупредить Кристину о нашем присутствии так, чтобы злодей ни о чем не догадался.

Выйти из «комнаты пыток» мы могли только в том случае, если Кристина откроет нам дверь; только так мы могли прийти к ней на помощь, поскольку даже не знали, в каком месте эта дверь находится.

И вдруг тишина за стеной была нарушена звуком электрического звонка.

По ту сторону стены кто-то вскочил, и загремел голос Эрика:

— Звонят! Входите же! — Это была мрачная шутка злодея. — Кто это к нам пожаловал? Подождите меня здесь, я скажу, чтобы «сирена» открыла…

Послышались удаляющиеся шаги, и дверь захлопнулась. Я не успел подумать о предстоящей трагедии, я даже забыл, что злодей выходит только для какого-нибудь нового преступления, — я понял одно: Кристина осталась одна!

— Кристина! Кристина!

Поскольку мы слышали все, что говорилось в соседней комнате, моего спутника тоже должны были там услышать. Однако виконту пришлось несколько раз повторить свой зов.

Наконец до нас донесся слабый голос девушки:

— Это сон?

— Кристина! Кристина! Это я, Рауль!

Молчание.

— Ответьте же, Кристина! Если вы одна, ради бога, ответьте!

Тогда Кристина, будто во сне, произнесла имя Рауля.

— Да, да! Это я! Это не сон, Кристина, мы пришли спасти вас. Но будьте осторожны: как только услышите его шаги, предупредите нас.

— Рауль!.. Рауль!

Пришлось еще несколько раз повторить ей, что это не сон и что Рауль де Шаньи добрался к ней вместе с преданным другом, который знает тайну дома Эрика.

Но ее внезапная радость тотчас сменилась еще большим ужасом. Теперь она хотела, чтобы Рауль немедленно ушел. Ведь если Эрик обнаружит нас, он, не задумываясь, убьет обоих. Она торопливо рассказала нам, что Эрик совсем сошел с ума от любви и грозится умертвить всех, и себя тоже, если она не согласится стать его женой в присутствии мэра и священника церкви Мадлен. Он дал ей на размышление совсем немного: до одиннадцати часов завтрашнего вечера. Это последний срок. Он сказал, что она должна выбирать: или свадебная месса, или месса заупокойная.

При этом Эрик произнес фразу, которую Кристина не совсем поняла: «Да или нет. Если нет — погибнут все, все найдут здесь могилу!»

Но я отлично понял зловещий смысл этой фразы, потому что он самым ужасным образом совпадал с моими тревожными предчувствиями.

— Вы можете сказать, где сейчас Эрик? — спросил я.

Она отвечала, что он, скорее всего, вышел из дома к озеру.

— Вы можете узнать точно?

— Нет. Потому что я связана… Я не могу даже пошевелиться.

При этих словах мы с виконтом не смогли удержаться от гневного восклицания. Наше спасение — спасение всех троих — зависело от свободы действий девушки.

— Скорее к ней! Надо освободить ее!

— Но где вы находитесь? — спросила Кристина. — В моей комнате — это комната в стиле Луи-Филиппа, о которой я вам рассказывала, Рауль, — только две двери: та, через которую входит и выходит Эрик, и еще одна, которую он ни разу не открывал при мне и запретил мне входить в нее, потому что, по его словам, это самая страшная из дверей… Дверь в «комнату пыток»!

— Кристина, мы как раз за этой дверью!

— Вы в «комнате пыток»?!

— Да, но не видим никакой двери.

— Ах! Если бы только я могла до нее дотянуться… Я бы по ней постучала…

— В ней есть замочная скважина? — спросил я.

— Да, скважина есть.

Я подумал: «Итак, она открывается ключом с той стороны, как и все двери, но с нашей стороны она открывается пружиной и противовесом, а вот их-то найти будет нелегко».

— Мадемуазель, — сказал я, — во что бы то ни стало надо открыть эту дверь.

— Но как? — ответил плачущий голос девушки.

Потом мы услышали шорох — очевидно, она старалась освободиться от веревок…

— Мы сможем выбраться отсюда только хитростью, — сказал я. — Надо получить ключ от этой двери.

— Я знаю, где ключ, — ответила Кристина слабым голосом, утомленная безуспешными попытками вырваться. — Но я крепко привязана… О негодяй! — И она всхлипнула.

— Где ключ? — спросил я, знаком приказывая виконту не вмешиваться, потому что времени у нас было очень мало.

— В комнате рядом с органом, вместе с ключиком из бронзы, к которому он также запретил мне прикасаться. Они оба находятся в кожаном мешочке, который он называет «мешочек жизни и смерти»… Рауль! Бегите, Рауль! Здесь так страшно… Эрик совсем обезумеет, когда узнает, что вы здесь. Уходите тем же путем, каким пришли. Не зря же эта комната носит такое страшное имя…

— Кристина! — вскричал юноша. — Мы уйдем отсюда вместе или вместе умрем!

— Только от нее зависит, выйдем ли мы отсюда, — прошептал я виконту, — но надо сохранять хладнокровие. Почему он вас привязал, мадемуазель? Вы же не можете убежать отсюда, и он это знает.

— Я хотела покончить с собой. После того как негодяй притащил меня сюда в беспамятстве, он сказал, что уходит к «своему банкиру». Когда он вернулся, мое лицо было в крови… Я хотела покончить с собой! Билась лбом о стены!

— Кристина! — простонал Рауль и затрясся от рыданий.

— …Тогда он меня связал. Я имею право умереть только завтра вечером в одиннадцать часов.

Разумеется, этот разговор через стену происходил не так гладко и спокойно, как я изобразил здесь. Он часто прерывался на полуслове, когда нам казалось, что мы слышим какой-то скрип, шаги или необычный звук. В такие моменты она успокаивала нас: «Нет, нет! Это не он. Он ушел. Я хорошо знаю, как скрипит дверь, которая выходит к озеру».

Неожиданно меня осенило.

— Мадемуазель, негодяй вас связал, он же вас и развяжет! Надо только разыграть для этого комедию. Не забывайте, что он вас любит!

— Разве об этом можно забыть? — услышали мы ее жалобный голос.

— Постарайтесь улыбаться ему, умоляйте его, скажите, что веревки делают вам больно.

— Тихо! — прервала меня Кристина. — Я слышу шаги. Это он! Уходите! Уходите, пожалуйста!

— Нам не выйти отсюда, даже если бы мы захотели, — почти грубо сказал я, чтобы привести девушку в чувство. — Из «комнаты пыток» выйти невозможно!

— Тихо! — снова раздалось из-за стены.

Мы все замолчали и услышали вдалеке звук медленных шагов; шаги ненадолго остановились, потом паркет заскрипел опять.

Следом послышался жуткий вздох, сменившийся стоном ужаса Кристины, и мы услышали голос Эрика:

— Надеюсь, вы больше не пугаетесь моего лица? Я прекрасно выгляжу, не правда ли?.. А там, на озере, какой-то прохожий спрашивал, который час. Но больше никогда не спросит… Это «сирена» виновата…

Снова раздался вздох, еще более глубокий и жуткий, идущий из самых глубин бездонной души.

— Почему вы плакали, Кристина?

— Потому что мне больно, Эрик.

— Я думал, это я вас напугал.

— Эрик, развяжите меня. Я ведь и так ваша пленница.

— Вы снова захотите умереть.

— Вы дали мне время до завтрашнего вечера, Эрик.

Пол снова заскрипел под его ногами.

— В конце концов, раз уж мы должны умереть вместе — и я жажду этого так же сильно, как и вы, потому что устал от такой жизни… Подождите, не двигайтесь, я освобожу вас… Стоит только вам сказать: «Нет!» — и все сразу закончится для всех. Вы правы, вы во всем правы! Зачем ждать до завтрашнего вечера? Ах! У меня всегда была слабость к красивым жестам, ко всему грандиозному, ребяческая слабость… А в этом мире надо думать только о себе, о своей смерти. Остальное — ерунда! Вы удивлены, что я такой мокрый? Да, дорогая моя, мне не следовало выходить в такую ужасную погоду. А еще, Кристина, мне кажется, что я брежу. Вы знаете, тот, кто только что был там, на озере… он очень похож… Вот так, а теперь повернитесь. Вы довольны? О боже мой, ваши запястья! Кристина, я сделал вам больно? Только за одно это я заслужил смерть. Кстати, насчет смерти: я должен исполнить свою мессу.

Слушая эти бессвязные речи, я не мог отделаться от страшного предчувствия. Я тоже однажды позвонил в дверь чудовища, конечно, сам того не ведая. Наверное, там был какой-то предупредительный сигнал… И я помню, как из черной, как чернила, воды высунулись две руки… Кто же этот несчастный, заблудившийся на берегу подземного озера?

Мысль о бедняге едва не отвлекла меня от хитрой игры Кристины, но Рауль шепнул мне на ухо долгожданное слово: «Свободна!» И все-таки кто этот несчастный? По ком сейчас звучит заупокойная месса?

О, какая это яростная и возвышенная музыка! Казалось, ревут все стены дома на озере и им вторят земные недра. Мы прижались щекой к зеркальной стене, чтобы лучше слышать партию Кристины Даэ, которую она исполняла ради нашего спасения, но кроме заупокойной мессы больше ничего не было слышно. Скорее, это была месса обреченных на вечное проклятие. Как будто глубоко под землей в медленном ритуальном хороводе кружились демоны.

Вокруг нас громовыми раскатами звучал «Dies irae», сверкали молнии. Я и раньше слышал, как он поет. Он мог заставить петь даже каменные пасти человекобыков на стенах Мазендаранского дворца. Но так прекрасно он не пел никогда. Никогда! Сегодня он пел и играл, как бог-громовержец.

Пение и звуки органа смолкли настолько неожиданно, что мы с виконтом отшатнулись от стены. Потом изменившийся, ставший каким-то металлическим, голос Эрика произнес:

— Что вы делаете с мешочком?

XXIV
Пытки начинаются
(Продолжение рассказа Перса)

— Что вы делаете с моим мешочком? — с яростью повторил его голос.

Представляю, что чувствовала в тот момент Кристина Даэ.

— Значит, вы для этого хотели освободиться: чтобы взять его?

Послышались торопливые шаги, шаги Кристины, которая бежала в нашу сторону, как будто искала защиту возле нашей стены.

— Почему вы убегаете? Отдайте мешочек! Разве вы не знаете, что в нем заключена жизнь и смерть?

— Простите меня, Эрик, — жалобно проговорила девушка, — но я подумала, что мы теперь будем жить вместе, и все в этом доме принадлежит и мне тоже.

Это было сказано таким дрожащим голосом, что и у нас дрогнуло сердце. Должно быть, несчастная собрала все свои оставшиеся силы, чтобы превозмочь отвращение и ужас. Однако такие детские уловки, да еще произнесенные с дрожью в голосе, не могли обмануть злодея.

— Вы знаете, что в мешочке два ключа. Зачем они вам? — спросил Эрик.

— Я хотела зайти в комнату, в которой еще не была, которую вы от меня прячете… Простое женское любопытство, — оправдывалась она, но ее слова только усилили настороженность Эрика: настолько неестественно они звучали.

— Терпеть не могу любопытных женщин! — отрезал он. — А вам следовало помнить историю Синей Бороды. А теперь отдайте мешочек! А, вы хотите оставить себе ключ, любопытная малышка!

Он зловеще засмеялся, когда Кристина вскрикнула от боли. В тот момент, когда Эрик отобрал у нее мешочек, из груди виконта вырвался вопль бессильной ярости, который я успел приглушить, зажав ему рот.

— Ага! — воскликнул тиран. — Это еще что такое? Вы слышали, Кристина?

— Нет, нет! — торопливо ответила несчастная. — Я ничего не слышала.

— Мне показалось, кто-то крикнул.

— Вы с ума сошли, Эрик. Кто здесь может кричать, в этой пещере? Может быть, это вскрикнула я, когда вы сделали мне больно. Больше я ничего не слышала.

— Почему же вы дрожите? Почему так взволнованы? Вы лжете! Здесь кто-то кричал. В «комнате пыток» кто-то есть. Ага, теперь все понятно!

— Никого здесь нет, Эрик…

— Теперь понятно!

— Никого!

— Это, наверное, ваш жених.

— У меня нет жениха, и вы это хорошо знаете.

Снова мы услышали злой смешок.

— Впрочем, это легко проверить. Знаете, Кристина, любовь моя, нет нужды открывать дверь, чтобы увидеть, что происходит в той комнате. Хотите взглянуть? Хотите? Прямо сейчас? Если там кто-нибудь есть, вы увидите, как наверху, под самым потолком загорится свет в невидимом окошке. Достаточно снять с него черную занавеску, потом погасить здесь свет… Вот так! Вы не боитесь темноты? Ведь ваш муженек с вами рядом!

— Я боюсь. — Голос Кристины прозвучал совсем тихо. — Я боюсь темноты! И та комната меня больше не интересует. Вы же сами все время пугали меня, как ребенка, «комнатой пыток». Признаться, на минуту мне стало любопытно, но теперь она меня уже не интересует. Нисколечко!

И вот то, чего я опасался больше всего на свете, началось автоматически… Внезапно на нас обрушился поток света. Как будто вверху вспыхнул большой костер. Виконт де Шаньи пошатнулся от неожиданности. И тут же за стеной раздался разгневанный голос:

— Я же говорил, что там кто-то есть! Взгляните на окошко: оно светится! Вон там, наверху! Тому, кто находится в той комнате, его не видно. Теперь вы можете подняться по этой лесенке: вы часто спрашивали меня, для чего она служит. Знайте же: она служит для того, чтобы смотреть в «комнату пыток», любознательная моя малышка!

— Какие пытки? Зачем пытки? Эрик, скажите, что вы просто хотите попугать меня. Скажите, если любите меня, Эрик! Ведь там нет никаких пыток? И все это детские сказки…

— Идите, дорогая, и посмотрите в окошко.

Я не знаю, слышал ли виконт слабый голос девушки — настолько он был поражен невиданным доселе зрелищем, которое предстало его испуганному взору. Я же повидал достаточно подобных «спектаклей» через потайное окошко в эпоху «сладостных ночей Мазендарана», поэтому внимательно прислушивался к тому, что творилось в соседней комнате, и лихорадочно искал выход из нашего отчаянного положения.

— Идите, идите к окошку! И расскажите мне, какой у него нос!

Мы услышали, как к стене приставили лестницу.

— Поднимайтесь же! Не хотите? Тогда поднимусь я, моя дорогая.

— Ну ладно, я посмотрю… Пустите меня.

— Ах, милая моя, как вы прелестны! Очень любезно с вашей стороны, что избавили меня от лазания по лестнице… в моем-то возрасте. Вы мне расскажете, какой у него нос! Если бы люди знали, какое это счастье — иметь свой собственный нос, нормальный нос, они ни за что не пришли бы сюда и не попали бы в «комнату пыток».

В этот момент мы отчетливо услышали над нашими головами:

— Здесь никого нет, друг мой.

— Никого? Вы уверены, что никого?

— Честное слово, никого.

— Ну что ж, тем лучше. Но что это с вами, Кристина? Вам плохо? Плохо, оттого что там никого нет? Ладно, спускайтесь, раз никого нет. А как вы находите пейзаж?

— Очень красиво.

— И это все, что вы можете сказать? Ну хорошо, тогда скажите, разве дом, в котором можно увидеть такие пейзажи — не замечательный дом?

— Да. Как будто находишься в Музее Гревена[31]. Но скажите, Эрик, ведь там нет никаких пыток. Как вы меня напугали!

— Почему же? Ведь там никого нет.

— Вы сами сделали эту комнату? Это очень красиво. Действительно, вы большой художник.

— Да, художник, в своем роде.

— Но почему вы назвали ее «комнатой пыток»?

— О, это очень просто. Но сначала скажите, что вы там видели.

— Я видела лес.

— А что в лесу?

— Деревья.

[31] Музей восковых фигур в Париже. — *Примеч. пер.*

— А на деревьях?

— Птицы, наверное…

— Вы видели птиц?

— Нет, птиц я не видела.

— Тогда что вы видели? Вспомните! Вы видели ветку! А что там на ветке? — продолжал допытываться он зловещим голосом. — Виселица! Вот почему я назвал свой лес «комнатой пыток». Понимаете, это просто такое название… Чтобы было смешнее. Я люблю выражаться туманно. Но довольно, я очень устал от всего этого. Мне надоело жить в доме, где есть лес и «комната пыток». Жить, как последнее ничтожество, на дне коробки с двойным дном. Я хочу иметь тихую квартирку, с обычными дверями и окнами, с порядочной женой, как у всех людей! Вы должны понять меня, Кристина, и не стоит постоянно повторять это. Я хочу иметь жену, как все! Жену, которую я бы любил, с которой бы гулял по воскресеньям и которую бы смешил всю неделю. Вам не было бы со мной скучно! Я знаю много всяких фокусов, не считая карточных. Хотите, я покажу вам фокус с картами? Во всяком случае мы приятно проведем хоть несколько минут в ожидании завтрашнего вечера. Кристина, маленькая моя Кристина! Вы меня слушаете? Вы больше не оттолкнете меня? Вы меня любите? Нет, не любите! Но это неважно — вы меня полюбите! Раньше вы не могли даже смотреть на мою маску, потому что знали, что находится под ней. А теперь смотрите на нее и не отталкиваете меня… ко всему можно привыкнуть, если захочешь… если очень захочешь! Сколько на свете людей, которые не любили друг друга до свадьбы, а потом обожали до самой смерти. Ах, я сам уже не знаю, что говорю! Зато вам будет весело со мной: на свете нет никого — клянусь перед господом богом, который соединит нас, если вы будете благоразумны! — нет никого, кто может сравниться со мной в чревовещании. Я — лучший чревовещатель в мире! Вы смеетесь… Может быть, вы мне не верите? Тогда слушайте!

Негодяй (который на самом деле был первым чревовещателем в мире) заговаривал девушку — я чувствовал это, — чтобы отвлечь ее внимание от «комнаты пыток». Напрасный расчет! Кристина думала только о нас. Она несколько раз повторила самым нежным, самым умоляющим голосом, на который была в это время способна:

— Погасите окошко! Погасите окошко, Эрик!

Она сообразила, что свет, внезапно вспыхнувший в маленьком окошке, свет, о котором так загадочно и зловеще говорил Эрик, означает что-то страшное; ее успокаивало только то, что она увидела нас обоих посреди удивительного полыхания, целыми и невредимыми. Но если бы свет погас, ей все же стало бы гораздо спокойнее.

Между тем хозяин дома начинал сеанс чревовещания.

— Смотрите, — говорил он. — Я чуть-чуть приподнимаю маску. Только чуть-чуть… Вы видите мои губы? Что с ними? Они не шевелятся: рот плотно закрыт — я хочу сказать, закрыта эта дыра, заменяющая мне рот! — и тем не менее вы слышите мой голос. Я разговариваю животом, это совсем просто, и это называется «чревовещание»! Это старый трюк. Послушайте мой голос: куда его направить? В ваше левое ухо? Или в правое? Может быть, в стол… в шкатулки на камине? Это вас удивляет? Теперь мой голос в шкатулках! Хотите, и он будет удаляться или приближаться… Он может быть раскатистым, звонким или гнусавым… Мой голос повсюду! Слушайте, дорогая, как он спрашивает вас из правой шкатулки: «Повернуть скорпиона?» А теперь — раз! — слушайте, как он спрашивает из левой шкатулки: «Повернуть кузнечика?» А теперь он уже в кожаном мешочке. Что он говорит? «Я — мешочек жизни и смерти!» А вот он в горле Карлотты, в самой глубине ее золотого горла, хрустального горлышка Карлотты… и он говорит: «Это я — госпожа жаба! Это я пою: "Ква! Ква!"» И вот он уже в кресле, в ложе призрака: «Мадам Карлотта сегодня поет так, что не выдержит и люстра!» Ха! Ха! Ха! А где теперь голос Эрика? Слушайте, милая моя Кристина, слушайте! Он уже за дверью в «комнате пыток»! Это я говорю из «комнаты пыток»: «Горе тем, кому повезло с носом, у кого нормальный нос и кто заходит в эту комнату!» Ха! Ха! Ха!

Проклятый голос мерзкого чревовещателя! Он везде и повсюду! Он проходит через невидимое окошко, через стены, он кружится вокруг нас… Эрик был здесь! И разговаривал с нами. Мы невольно сделали движение, будто собирались броситься на него, невидимого, но он, быстрее и неуловимее, чем эхо, выскочил из комнаты сквозь стену.

Скоро все стихло, только Кристина сказала:

— О Эрик! Как вы меня утомили своим голосом. Замолчите, прошу вас! Вам не кажется, что здесь становится жарко?

— Конечно, — ответил голос Эрика. — Жара становится невыносимой.

И снова хриплый от страха голос Кристины:

— Что это такое? Стена совсем горячая! Не дотронуться!

— Это, милая моя Кристина, из-за того леса за стеной.

— Что вы хотите сказать? При чем здесь лес?

— Так вы не поняли, что это конголезский лес? Это Африка!

И злодей разразился таким оглушительным хохотом, что мы не слышали умоляющих стенаний Кристины. Виконт де Шаньи, как безумный, кричал и колотил в стены. Я не мог удержать его. Но вокруг нас только грохотал хохот чудовища. Потом послышался шум борьбы, стук упавшего на пол тела, потом это тело потащили по полу, с громким стуком захлопнулась дверь, и наконец вокруг нас осталась только тишина и обжигающий полуденный зной, какой бывает в самом сердце африканского леса…

XXV
«Бочки! Бочки! Кто продает бочки?»
(Продолжение рассказа Перса)

Я уже сказал, что комната, в которой находились мы с виконтом де Шаньи, имела форму правильного шестиугольника, и все стены ее были покрыты зеркалами. Такие комнаты можно видеть на ярмарках, они называются «комнаты чудес» или «дворцы иллюзий». Мне кажется, что честь их изобретения принадлежит исключительно Эрику, который на моих глазах построил первый зал такого типа в эпоху «сладостных ночей Мазендарана». Достаточно установить по углам какой-нибудь декоративный элемент, например зеркальную колонну, чтобы получился огромный зал с тысячью колонн, потому что в силу зеркального эффекта помещение дробится на шесть шестигранных залов, каждый из которых, в свою очередь, множится до бесконечности. Когда-то, чтобы доставить удовольствие маленькой султанше, он придумал эту систему «бесчисленных пространств», но капризной хозяйке скоро надоела такая ребяческая забава, тогда Эрик переделал свое творение в «комнату пыток». Вместо углового декоративного элемента он поставил на переднем плане железное дерево. Почему это дерево с раскрашенными листьями, имитирующими живую природу, было сделано из железа? Да потому, что оно должно быть прочным и выдерживать все отчаянные атаки обезумевшего «пациента», которого запирали в эту комнату. Один декоративный пейзаж мгновенно превращался в другой, затем в третий, благодаря автоматически вращающимся барабанам, которые были установлены по углам и делились на три части, обращенные к угловым зеркалам, причем каждая часть создавала свой пейзаж.

Человеку, запертому в таком стеклянном зале, не за что было даже ухватиться, так как кроме декоративных элементов исключительной прочности все стены были сплошь покрыты зеркалами, причем зеркалами достаточно толстыми, чтобы им не страшна была никакая ярость обреченного, которого к тому же бросали сюда безо всякого оружия и даже босого.

Потолок в зале был светящийся, а хорошо продуманная система электрообогрева, которую с тех пор приняли на вооружение во всем мире, позволяла регулировать температуру стен и создавать в комнате нужную атмосферу.

Я намеренно так подробно описываю это изобретение человеческого гения, создающее потрясающе реальную иллюзию экваториального леса, опаленного полуденным африканским солнцем, чтобы никто не усомнился в правдивости моих слов, чтобы никто не мог сказать: «Этот человек сошел с ума», «Этот человек лжет» или же «Этот человек принимает нас за дураков»[32].

Если бы я начал описывать события, скажем, таким образом: «Спустившись на дно пещеры, мы оказались в экваториальном лесу, опаленном полуденным солнцем», я бы немало озадачил читателя, но подобные эффекты мне не нужны, поскольку цель этих строк — рассказать о том, что с нами — виконтом де Шаньи и со мной — происходило на самом деле во время этих жутких событий, которые когда-то наделали немало шума.

Однако вернемся к тому, на чем я остановился.

Когда потолок вспыхнул ослепительным светом и нашим глазам предстал пышущий жаром лес, изумление виконта превзошло все мои ожидания. Появление этого непроходимого леса с бесчисленными деревьями, окружавшими нас со всех сторон, деревьями, которые множились до бесконечности, погрузило его в опасное оцепенение. Он потер рукой лоб, будто пытаясь прогнать видение, и заморгал глазами, как только что проснувшийся человек, не понимающий, где он находится. В какой-то момент он даже перестал вслушиваться в звуки за стеной.

Я уже отметил, что меня вспыхнувший ярким светом лес почти не удивил и я продолжал прислушиваться к тому, что творилось в соседней комнате. Кроме того, мое внимание привлек не столько сам пейзаж, сколько зеркала, которые его создавали. Эти зеркала в некоторых местах были разбиты.

Да, на них были трещины, царапины и выбоины, несмотря на высокую прочность стекла, и это, несомненно, говорило о том, что «комнату пыток», в которую мы попали, уже использовалась по назначению.

Наверное, какой-то несчастный, очевидно не столь беззащитный, как приговоренные к смерти во дворце Мазендарана, побывал в этом зале «смертельных иллюзий» и, потеряв рассудок от ужаса и бессильной ярости, бился об эти зеркала, которые, несмотря на трещины и царапины, продолжали хладнокровно отражать его удары и множить его агонию. А ветка железного дерева, на которой приговоренный заканчивал свои мучения, располагалась таким образом, что перед смертью он — в качестве последнего утешения! — мог видеть, как вместе с ним судорожно дергаются на веревке тысячи повешенных.

Да, Жозеф Бюкэ прошел через это…

Неужели и мы умрем так же, как он?

Правда, я отгонял от себя эту мысль, помня, что у нас в запасе еще несколько часов, которые я собирался употребить с большей пользой, нежели бедняга Бюкэ.

Разве напрасно я изучил большую часть трюков Эрика? Теперь наступило самое время воспользоваться моими знаниями.

Прежде всего, у меня с самого начала не было и мысли о том, чтобы вернуться тем же путем, который привел нас в эту проклятую комнату, как не помышлял я и о том, чтобы отвернуть камень, закрывающий проход. Впрочем, причина тому была простой: для этого у нас не было никаких средств. Мы спрыгнули в «комнату пыток» со слишком большой высоты, и никакая мебель — тем более что ее здесь вообще не было — не дала бы нам возможности

[32] В то время, к которому относятся записки Перса, приходилось учитывать недоверчивость читателей, а сегодня, когда все видели подобные фокусы, это замечание можно было бы опустить.

дотянуться до этого камня, даже если бы мы использовали в качестве лестницы ветви железного дерева или плечи друг друга.

Нам оставался только один выход — дверь в комнату, обставленную в стиле Луи-Филиппа, где находились Эрик и Кристина Даэ. Но если с той стороны это была обычная, хотя и запертая дверь, для нас она оставалась абсолютно невидимой. Значит, надо было искать ее.

Когда я окончательно понял, что нечего надеяться на Кристину, когда услышал, что злодей куда-то утащил несчастную девушку, чтобы она не могла помешать ему мучить нас, я решил, не теряя времени, взяться за дело.

Но прежде всего надо было успокоить виконта, который, как загипнотизированный, ходил по опушке леса и что-то невнятно бормотал. Обрывки разговора между Кристиной и злодеем, услышанные им, а также неожиданно появившийся волшебный лес с его невыносимой жарой, от которой по лицу струился обильный пот, сделали свое дело, и неудивительно, что господин де Шаньи начал терять рассудок, но хуже всего было то, что, забыв все мои советы, он совершенно потерял осторожность.

Он беспорядочно шагал взад-вперед, устремлялся в несуществующее пространство, собираясь войти в аллею, уходящую в горизонт, и через несколько шагов натыкался на свое отражение в раскаленном стекле.

При этом он то и дело повторял: «Кристина! Кристина!» — и угрожающе размахивал своим пистолетом, отчаянно призывая Эрика, бросая вызов «ангелу музыки» и проклиная воображаемый лес. Эта пытка была чрезмерна для его неопытного разума. По мере возможности я старался успокоить его безрассудную ярость и самым сдержанным тоном уговаривал бедного Рауля: заставлял его касаться пальцем зеркал и железного дерева и объяснял, что мы столкнулись с обманом зрения, подчиняющимся законам оптики, однако же мы не должны, как последние невежды, сделаться его жертвами.

— Мы находимся в комнате, в маленькой комнате, вы должны как следует вдолбить это себе в голову, и мы выйдем отсюда, как только найдем дверь. Так давайте искать ее!

И я добавил, что, если он перестанет оглушать меня своими криками и отвлекать непрестанным хождением из угла в угол, я за какой-нибудь час найду секрет двери.

Тогда он улегся на пол, как это делают путники в лесу под деревьями, и заявил, что во всем полагается на меня, поскольку ему больше ничего не остается. И счел своим долгом добавить, что оттуда, где он лежал, открывается «чудесный вид». (Должен признать, что пытка уже оказывала на него свое пагубное действие.)

Я же, забыв про лес, принялся тщательно ощупывать зеркала в поисках той единственной точки, где находится пружина, на которую следовало нажать, чтобы открыть дверь, как это было предусмотрено в системе вращающихся дверей и люков, придуманной Эриком. Этой точкой могло быть любое пятно на стекле, совсем незаметное, величиной с горошину. Я искал, искал не останавливаясь. Я ощупывал зеркала до такой высоты, куда доставали мои руки. Мы с Эриком были примерно одинакового роста, и вряд ли он мог установить пружину там, докуда не мог бы дотянуться, впрочем, это было лишь мое предположение. Как бы то ни было, я решил обследовать таким образом, пядь за пядью, все шесть зеркальных стен, затем так же тщательно прощупать пол.

Я старался не терять ни минуты, потому что жара ощущалась все сильнее, и мы начинали буквально поджариваться в пылающем лесу.

Прошло полчаса с тех пор, как я принялся за работу. Я проверил уже три стороны шестигранника, и вдруг по воле злого рока мне пришлось обернуться на неожиданное восклицание виконта:

— Я задыхаюсь! От этих зеркал исходит адская жара. Скоро вы найдете свою пружину? Пока вы ищете, мы здесь поджаримся!

Меня вовсе не рассердили его слова. Он не упомянул про лес, что было хорошим знаком, и мне показалось, что разум моего спутника еще может сопротивляться пытке. Потом он добавил:

— Меня утешает то, что злодей дал Кристине срок до завтрашнего вечера, и, если мы не успеем выбраться и оказать ей помощь, по крайней мере мы умрем раньше нее! И месса Эрика будет сыграна для всех нас…

Он вдохнул в себя горячий воздух, и этот глоток едва не лишил его чувств.

Я не разделял мрачных мыслей виконта де Шаньи насчет близкой кончины, поэтому снова повернулся к стене и понял, что не надо было мне отходить от зеркала… Я потерял стенку, которую как раз заканчивал обследовать. Теперь придется начать все сначала. Я не смог сдержать своего недовольства; виконт заметил это и тоже понял, что мои труды пошли насмарку. Это стало для него еще одним ударом.

— Мы никогда не выйдем из этого леса, — жалобно простонал он.

Его отчаяние все возрастало. И возрастая, оно все больше заставляло его забывать о том, что вокруг всего лишь зеркала, и он все больше чувствовал себя в настоящем лесу.

Не теряя времени, я опять принялся за работу, но скоро меня бросило в жар от нехорошего предчувствия: я не находил ничего, абсолютно ничего… В соседней комнате по-прежнему царила тишина. Мы затерялись в лесу… без дороги, без компаса, без проводника… О, как хорошо я знал, что ожидает нас, если никто не придет к нам на помощь или если я не найду пружину! Но напрасно я искал ее — я натыкался только на ветки, красивые ветки, которые торчали прямо передо мной или причудливо извивались над моей головой; но тени они не давали, да это и естественно, потому что мы находились в экваториальном лесу, и солнце било нам прямо в макушку… Это был конголезский лес…

Несколько раз мы с виконтом снимали и опять надевали одежду, то полагая, что от нее нам только жарче, то спохватываясь, что она, напротив, защищает нас от жары.

Я еще имел силы сопротивляться, а виконт явно терял рассудок. Он вдруг стал уверять меня, что уже три дня и три ночи бредет без остановки по этому лесу в поисках Кристины. Время от времени он видел ее за деревьями или среди ветвей, тогда он звал ее, и от его жалобных криков у меня выступали слезы на глазах.

— Кристина! Кристина! — бормотал он. — Почему ты убегаешь? Ты меня не любишь? Ведь мы обручены… остановись, Кристина! Ты же видишь, как я устал. Сжалься, Кристина! Я умру в этом лесу, вдали от тебя… О, как хочется пить! — наконец произнес он голосом человека, который находится в глубоком бреду.

Я тоже хотел пить, у меня саднило в горле…

Однако, уже стоя на четвереньках и ощупывая пол, я искал, искал пружину невидимой двери; я спешил, тем более что с приближением вечера пребывание в лесу становилось еще опаснее. На нас уже опускалась ночная тень. Ночь пришла очень быстро, как и всякая экваториальная ночь, — так быстро, что сумерек почти не было.

Ночь в лесу на экваторе всегда опасна, особенно когда, как в нашем случае, нечем разжечь огонь, чтобы отпугивать хищных зверей. Оставив на время поиски пружины, я пытался наломать веток, которые можно было бы зажечь от фонаря, но столкнулся с гладкими зеркалами и тут вовремя вспомнил, что это только отражение…

С наступлением ночи жара не спала, напротив… При голубом свете луны стало еще жарче. Я посоветовал виконту приготовить оружие и не отходить от места нашей стоянки. При этом я не забывал искать пружину.

Вдруг в нескольких шагах от нас раздался львиный рык. Он едва не разорвал нам ушные перепонки.

— Он совсем близко, — прошептал виконт. — Вы его не видите? Вон там… за деревьями, в чаще. Если он опять зарычит, я стреляю!

Рык повторился, еще громче и ужаснее. Виконт выстрелил, но я сомневаюсь, что он попал во льва, зато пуля разбила зеркало — я увидел это на следующее утро, на рассвете. Ночью нам пришлось довольно долго идти, и к утру мы оказались на краю пустыни, огромной пустыни из песка, камней и скал. Стоило ли выбираться из леса, чтобы попасть в пустыню? Я без сил улегся рядом с виконтом, утомившись от поисков пружины, проклятой пружины, которую обязательно надо было найти.

Кстати, сказал я виконту, нам еще повезло, что мы не встретили ночью других зверей. Обычно вслед за львом появлялся леопард, потом иногда слышалось жужжание мухи цеце. Это были довольно простые трюки, и я объяснил господину де Шаньи, пока мы отдыхали перед переходом через пустыню, что Эрик изображает львиный рык при помощи длинного тамбурина; на один его конец натянута ослиная кожа, к которой привязывается струна из кишки, соединенная в центре с другой струной, пропущенной через весь инструмент. Эрику оставалось только потереть эту струну рукой в перчатке, натертой канифолью, чтобы получить рычание льва, или леопарда, или даже жужжание мухи цеце.

И вдруг мысль о том, что Эрик со своими инструментами может находиться в соседней комнате, подсказала мне выход: вступить с ним в переговоры, ибо, по всей видимости, надо было отказаться от мысли захватить его врасплох. В конце концов мы хотя бы узнаем, как он собирается поступить с нами. И я позвал:

— Эрик! Эрик!

Я кричал сильнее, чем кричал бы в настоящей пустыне, но никто не ответил на мой зов. Вокруг нас во все стороны простиралось мертвое молчание и бескрайняя выжженная солнцем пустыня. Что с нами будет посреди этого жуткого безмолвия?

Мы уже в полном смысле слова начинали умирать от жары… особенно от жажды. Наконец виконт приподнялся на локте и показал мне куда-то на горизонт. Он увидел оазис!

Да, там, далеко, почти у самого горизонта, пустыня переходила в оазис, в оазис с водой… прозрачной, ледяной водой, в которой отражалось железное дерево. Но это — увы! — был мираж, я сразу узнал его: самый опасный мираж. Никто не мог бы устоять при виде него, никто… Я изо всех сил боролся с искушением и старался не думать о воде, зная, что мысль о том, чтобы утолить жажду, станет последней разумной мыслью в этом аду, за нею наступит безумие и останется только одно: спасительная ветка железного дерева и веревка.

Поэтому я крикнул виконту:

— Это мираж! Это мираж! Не думайте о воде! Это снова дьявольская игра зеркал!

Тогда он, как говорится, послал меня подальше с моими зеркалами, пружинами, вращающимися дверями и с моим дворцом миражей. Он, разъярившись, заявил, что я сошел с ума или ослеп, раз считаю, что вода, которая плещется там, между таких прекрасных деревьев — ненастоящая вода! «И пустыня настоящая! И лес тоже!» — кричал виконт. Уж он-то в этом разбирается — он много путешествовал, был во всех странах…

И он потащился туда, бормоча:

— Воды! Воды!

Рот его был открыт, губы шевелились, как будто он пьет.

У меня тоже приоткрылся рот, и я тоже жадно глотал воображаемую воду…

Самое ужасное было в том, что мы не только увидели воду — мы ее услышали! Мы услышали, как она течет, журчит… Понимаете вы это слово — «журчит»? Это слово, которое слышат не ухом, а языком. Язык высовывается изо рта, чтобы лучше слышать это слово.

Потом началась еще более страшная пытка: мы услышали шум дождя, но самого дождя не было! Это было еще одно дьявольское изобретение. О, я прекрасно знал, как Эрик это делает! Он насыпал мелкие камешки в узкий и длинный ящик, в котором на определенном расстоянии друг от друга установлены были перегородки из дерева и металла. Сыплющиеся сверху камешки, ударяясь друг о друга, производят дробные звуки, напоминающие — с жуткой достоверностью! — шум сильного дождя.

Надо было видеть, как мы с виконтом де Шаньи, высунув языки, бредем к берегу, возле которого плещется вода. Глаза наши и уши жадно впитывали влагу, но языки оставались сухими и жесткими, как высушенная кость.

Подойдя к стене, виконт лизнул стекло, я тоже лизнул его: оно было раскаленным.

Тогда мы с отчаянным воем стали кататься по полу. Виконт приставил к виску последний оставшийся заряженным пистолет, а я тупо смотрел на валявшийся у моих ног «пенджабский шнурок».

Я знал, для чего в этой третьей картине вновь возникло железное дерево.

Железное дерево ожидало меня.

Но когда я пристально смотрел на «пенджабскую удавку», я увидел нечто такое, от чего меня бросило в дрожь, в такую сильную дрожь, что господин де Шаньи, который уже шептал: «Прощай, моя Кристина», почувствовал это и удивленно уставился на меня.

Я взял его за руку. Потом отобрал у него пистолет, потом на коленках пополз к тому, что увидел.

А увидел я — рядом с «пенджабским шнурком», во вмятине в паркетном полу — черную шляпку гвоздя, которая сразу привлекла мое внимание.

Наконец-то! Я нашел пружину! Пружину, которая откроет дверь… Которая выведет нас на свободу, приведет к Эрику…

Я пощупал шляпку гвоздя. Обратил к виконту сияющее лицо. Гвоздь с черной шляпкой поддавался моему нажатию!

А потом…

Потом открылась не дверь в стене, а люк в полу.

Из черного отверстия тотчас хлынул свежий воздух. Мы прильнули к черному квадрату, как будто к прохладному животворному источнику. И пили, и жадно глотали этот воздух, упершись подбородком в пол.

Мы все ниже и ниже склонялись над люком. Что ожидало нас в этой дыре, в этой пещере, которая загадочным образом раскрылась пред нами?

Может быть, там, внизу, вода? Питьевая вода…

Я опустил руку в темноту, и рука уперлась в камень, потом в другой, нащупала холодные ступени, спускающиеся в пещеру.

Виконт уже приготовился прыгнуть туда.

Если даже там нет воды, мы сможем скрыться от жарких объятий ужасных зеркал.

Но я остановил виконта, потому что опасался новой ловушки злодея, и, держа в руке фонарь, спустился первым.

Винтовая лестница уходила в бездонную темноту. Ах, благодатная прохлада лестницы и темноты!

Скорее всего, эту прохладу давала не система искусственной вентиляции, предусмотренная Эриком, — эта прохлада исходила от самой земли, которая на той глубине, где мы находились, насыщена влагой. К тому же неподалеку было озеро.

Мы спустились вниз и, когда наши глаза привыкли к темноте, увидели какие-то округлые формы, на которые я направил свет своего фонаря.

Бочки!

Мы были у Эрика в погребе!

Здесь он, должно быть, хранил запасы вина и, может быть, питьевой воды. Я знал, что Эрик очень любит хорошие вина. Да, здесь можно было напиться.

Виконт ласково поглаживал округлые формы и непрестанно повторял:

— Бочки!.. Бочки!.. Сколько бочек!

Действительно, их было изрядное количество — симметрично расставленных в два ряда, и мы стояли между ними…

Это были небольшие бочки, и я подумал, что Эрик выбрал именно такие, чтобы было удобнее переносить их в Озерное жилище.

Мы осмотрели их, но ни в одной не было крана; все бочки были герметично закупорены. Тогда мы приподняли одну из них, убедились, что она полная, и, опустившись на колени, я начал ножом открывать затычку.

В этот момент мне почудилось, что где-то далеко-далеко слышится монотонное пение; мелодия была мне знакома — я часто слышал ее на парижских улицах: «Бочки! Бочки! Вы продаете бочки?»

Моя рука застыла на затычке. Виконт тоже услышал и с недоумением заметил:

— Странно… Как будто бочка поет.

Пение продолжалось, но уже тише.

«Бочки! Бочки! Вы продаете бочки?..»

— Готов поклясться, — сказал виконт, — что звук идет изнутри бочки.

Мы заглянули за нее.

— Это внутри! — прошептал мой спутник.

Но больше мы ничего не услышали, и нам оставалось лишь чертыхнуться. Мы переглянулись и снова принялись открывать затычку.

— Что это такое? — удивился виконт, когда пробка была выбита. — Это же не вода!

Он опустил в отверстие сложенные ковшиком ладони и поднес их к фонарю. Я наклонился ближе и тут же так резко отдернул в сторону фонарь, что он разбился о стену и погас. Мы остались в темноте.

То, что я увидел в ладонях де Шаньи, было порохом!

XXVI
Скорпион или кузнечик?
(Окончание рассказа Перса)

Итак, в этом глубоком погребе я понял, что тревога моя была не напрасной. Злодей не шутил, когда грозил представителям «рода человеческого»! Скрывшись от людей, он построил себе вдали от них подземное логово и намеревался взорвать театр вместе с собой, если те, кто живет наверху, нарушат его уединение, где он прятал свое чудовищное уродство.

От неожиданности открытия нас бросило в жар, и мы мгновенно забыли все свои прежние злоключения. Всего лишь несколько минут назад мы были на грани самоубийства, а теперь сразу оценили всю серьезность ситуации. Нам стало ясно, что хотел сказать злодей Кристине Даэ, когда произнес ту непонятную и страшную фразу: «Да или нет! Если нет, все погибнут и найдут здесь могилу». Да, именно найдут могилу под обломками величественного сооружения, что зовется Парижской Оперой! Можно ли было придумать более изощренное и зверское преступление, перед тем как уйти из этого мира! Задуманная в тиши подземелья, катастрофа эта станет местью за отвергнутую любовь самого страшного чудовища, какое когда-либо рождалось на свет. «Завтра вечером в одиннадцать часов — последний срок». Он удачно выбрал время… В театре будет множество зрителей, ненавистных ему представителей рода человеческого, которые будут наслаждаться музыкой в сверкающих залах. Можно ли мечтать о более роскошном похоронном кортеже? Он сойдет в могилу в сопровождении самых прелестных плеч в мире, украшенных сказочными драгоценностями. Завтра вечером в одиннадцать часов. Мы должны взлететь на воздух в самый разгар спектакля, если Кристина Даэ скажет «нет». Завтра вечером в одиннадцать. Но разве может Кристина не сказать «нет»! Ведь она скорее предпочтет пойти под венец с самой смертью, нежели с живым трупом. И знает ли она, что от ее слова зависит судьба многих и многих людей?.. Завтра вечером в одиннадцать…

Пробираясь в потемках, обходя стороной бочки с порохом, отыскивая на ощупь каменные ступени, мы повторяли про себя: «Завтра вечером в одиннадцать…»

Наконец я нашел лестницу и вдруг застыл на первой же ступеньке, потому что мозг мой обожгла ужасная мысль: «Который час?»

Который, в самом деле, час? Ведь завтра вечером в одиннадцать — это, может быть, уже сегодня! Может, совсем скоро! Кто знает, сколько времени мы пробыли в «комнате пыток»? Мне казалось, что мы торчим в этом аду много-много дней… долгие годы… со дня сотворения мира. И все это может взлететь на воздух в любую минуту! Вот послышался какой-то шум… Скрип… Вы слышали, сударь? Вон там, в углу… Боже мой! Похоже на металлический скрежет какого-то механизма. Вот опять! Хотя бы капельку света. Наверное, это тот механизм, который сейчас взорвет весь театр. Я же говорю: какой-то скрип. Вы что, глухой?

Мы с виконтом закричали, как сумасшедшие. Страх погнал нас наружу; на четвереньках мы бросились вверх по ступеням. Неужели люк закрыт, и поэтому так темно? Как можно скорее выбраться из темноты! Скорее туда, к смертельному свету зеркальной комнаты.

Мы добрались до верха лестницы: нет, люк не был закрыт, только теперь в «комнате пыток» не было света, как и в пещере, откуда мы вылезли. Мы ползем по полу. Этот тонкий пол отделяет нас от порохового погреба.

Который час? Мы кричим, громко кричим. Виконт де Шаньи с новой силой взывает: «Кристина! Кристина!» А я зову Эрика. Я кричу, что это я спас ему жизнь. Но никто нам не отвечает. Никого вокруг, кроме нашего собственного отчаяния, нашего собственного безумия… Который час? «Завтра вечером в одиннадцать…» Мы пытаемся определить, сколько времени провели здесь, но не можем. Ах, если бы взглянуть на циферблат с движущимися стрелками! Мои часы давно остановились, но часы виконта еще идут. Он сказал, что завел их вечером, перед тем как отправиться в Оперу. Мы пытаемся извлечь из этого факта хоть какой-то вывод, который даст нам надежду, что до роковой минуты еще далеко.

Малейший звук, доносящийся из люка, который я так и не закрыл за собой, вызывает у нас дрожь. Который час? Спичек у нас больше нет. Однако нам надо узнать время. Виконт предлагает разбить стекло своих часов и определить время по стрелкам, на ощупь. В полной темноте он щупает стрелки кончиками пальцев. Ушко часов служит ему точкой отсчета. Судя по отклонению стрелок, может быть около одиннадцати.

Но, возможно, тот страшный срок — одиннадцать часов — уже прошел? Может быть, сейчас уже больше одиннадцати? Тогда это будет завтра, и впереди у нас еще почти двенадцать часов.

Неожиданно я вскрикиваю:

— Тихо!

Мне показалось, что в соседней комнате что-то зашуршало.

Я не ошибся! Это скрип двери, затем слышны торопливые шаги. Раздается стук в стену и голос Кристины Даэ:

— Рауль, вы здесь?

Теперь мы кричим все вместе по обе стороны стены. Кристина рыдает: она уже не ожидала увидеть жениха в живых. Она рассказывает, что тоже пережила страшные часы, слушая непрекращающийся бред чудовища, вынуждающего ее сказать «да». Но она обещала сказать «да» только в том случае, если он откроет дверь в «комнату пыток». Он наотрез отказался, сопровождая свой отказ страшными угрозами в адрес всех представителей «рода человеческого». Наконец, после бесконечно долгих часов такого ужаса, он вышел, хлопнув дверью, и оставил ее одну, чтобы она еще раз подумала. В последний раз.

Ах, как долго тянутся эти часы!

— Который час, Кристина?

— Одиннадцать… одиннадцать без пяти минут.

— Одиннадцать чего?

— Одиннадцать часов, которые должны решить вопрос жизни и смерти. Уходя, он специально подчеркнул это, — хриплым от слез голосом говорила Кристина. — Он был ужасен! Он бредил, он сорвал с себя маску, и его желтые глаза метали молнии. И он постоянно смеялся! Смеялся, как пьяный демон! Он сказал мне: «Пять минут! Я оставлю тебя одну, потому что не хочу смущать тебя, твое всем известное целомудрие. Я не хочу, чтобы ты краснела, как робкая невеста, когда скажешь "да"». Говорю вам, что он был подобен пьяному демону! «Смотри! — сказал он и полез в кожаный мешочек. — Смотри! Вот бронзовый ключ, который открывает эбеновые шкатулки на камине в той комнате. В одной из них ты найдешь скорпиона, в другой — кузнечика; эти бронзовые фигурки сделаны в Японии; это — животные, которые могут сказать только два слова: "да" и "нет". Стоит тебе повернуть скорпиона на сто восемьдесят градусов, и я пойму, когда войду в комнату Луи-Филиппа, в нашу брачную комнату, что ты сказала "да!". Если ты повернешь кузнечика, это будет означать "нет!". Я пойму это, когда войду в комнату Луи-Филиппа, которая станет тогда комнатой смерти». И он все хохотал, как пьяный демон. А я, стоя на коленях, вымаливала у него ключ от «комнаты пыток», обещая стать его женой. Он ответил, что этот ключ ему больше не нужен и что он выбросил его в озеро. А потом, по-прежнему смеясь, он оставил меня одну, сказав, что вернется через пять минут за ответом, что он — галантный кавалер и не хочет смущать меня… Ах да, еще он крикнул: Кузнечик! Берегись кузнечика! Он не только поворачивается, он еще и прыгает! Ах, как здорово он прыгает!»

Вот что, беспорядочно и торопливо, рассказала нам Кристина. Ведь и она в течение этих двадцати четырех часов до самого дна испила чашу всей мыслимой человеческой боли и, может быть, страдала сильнее, чем мы. Она то и дело останавливалась и вскрикивала: «Вам не больно, Рауль?» При этом она ощупывала стены, уже остывшие, и с удивлением спрашивала нас, отчего они недавно были такими горячими. Пять минут истекали, и в моем бедном мозгу всеми своими лапками начинали скрестись скорпион и кузнечик.

Однако я сохранил достаточно хладнокровия, чтобы соображать, что, если повернуть кузнечика, он прыгнет, и вместе с ним взлетит на воздух «род человеческий», как презрительно называл людей Эрик. Не было никакого сомнения в том, что кузнечик управляет электрическим механизмом, который должен воспламенить порох. Виконт де Шаньи, снова услышав голос Кристины, казалось, пришел в себя и торопливо, сбивчиво объяснял девушке, в каком ужасном положении мы все находимся — мы трое и вся Опера. Поэтому надо немедленно повернуть скорпиона.

Этот скорпион, означавший «да», которого так жаждал Эрик, должен быть механизмом, предотвращающим катастрофу.

— Давайте, давайте, Кристина, дорогая моя жена! — торопил ее Рауль.

Ответа не было.

— Кристина! — крикнул я. — Где вы сейчас?

— Около скорпиона.

— Не трогайте его!

Мне вдруг пришло в голову — я ведь хорошо знал Эрика, — что злодей снова обманул девушку. Может быть, именно скорпион и взорвет театр. Иначе зачем Эрик ушел? Пять минут давным-давно истекли, а он все не возвращался. Конечно, он уже спрятался в безопасное место! И ждет страшного взрыва… Только этого он и ждет! Не думал же он, в самом деле, что Кристина добровольно согласится стать его добычей! Почему он не возвращается?

— Не трогайте скорпиона!

— Это он! — неожиданно простонала Кристина. — Он возвращается!

Мы услышали его шаги, приближающиеся к комнате Луи-Филиппа. Он вошел, но не произнес ни слова.

Тогда я громко позвал его:

— Это я, Эрик! Ты узнаешь меня?

Он ответил сразу, необычно миролюбивым голосом:

— Значит, вы еще живы? Ну ладно, теперь постарайтесь успокоиться.

Я хотел сказать еще что-то, но он оборвал меня, и я похолодел.

— Ни слова больше, дарога, или я все взорву.

Потом добавил:

— Однако я предоставлю эту честь мадемуазель. Она не прикоснулась к скорпиону. — Как напыщенно звучали его слова! — Она не прикоснулась к кузнечику. — С каким жутким хладнокровием говорил он! — Но еще не поздно это сделать. Смотрите, Кристина, я без ключа открываю обе шкатулки, ведь я — мастер фокусов и могу открыть и закрыть все, что захочу. Смотрите, мадемуазель, какие красивые зверюшки в этих шкатулках. Не правда ли, они очень искусно сделаны и кажутся совсем живыми и такими безобидными? Но внешность обманчива! — Он продолжал говорить бесстрастным голосом. — Если повернуть кузнечика, мы все взлетим на воздух, мадемуазель. Под нашими ногами достаточно пороха, чтобы взорвать четверть Парижа! А если повернуть скорпиона, весь этот порох зальет водой! Мадемуазель, по случаю нашей свадьбы вы сможете сделать прекрасный подарок нескольким сотням парижан, которые сейчас как раз аплодируют глупому шедевру Мейербера. Вы подарите им жизнь, когда своими руками, своими прекрасными ручками (теперь голос его стал нарочито усталым и безразличным) вы повернете скорпиона, и мы справим веселую свадьбу.

После короткой паузы он продолжал:

— Если через две минуты вы не повернете скорпиона, — а у меня есть часы, очень точные часы! — я сам поверну кузнечика, а кузнечик прыгает высоко…

Наступило молчание, еще более зловещее, чем прежде. Я знал, что если Эрик перешел на такой мирный, спокойный и чуточку усталый тон, значит, он готов на все: на самое ужасное преступление или на самое отчаянное самопожертвование, и теперь любое неосторожное слово с моей стороны может вызвать ураган. Виконт де Шаньи, кажется, тоже понял, что остается только молиться, и, опустившись на колени, молился… У меня кровь билась в висках так сильно, что мне пришлось прижать сердце рукой из боязни, что оно вот-вот выскочит из груди. Мы с ужасающей ясностью почувствовали, что происходит в эти критические мгновения в измученном мозгу Кристины; мы прекрасно понимали, как она боится повернуть скорпиона. А если это скорпион должен взорвать все?.. Если Эрик решил похоронить нас вместе с собой?

Наконец раздался голос Эрика, на сей раз мягкий, исполненный ангельской кротости:

— Две минуты истекли! Прощайте, мадемуазель! Скачи, кузнечик!

— Эрик! — истошно закричала Кристина, и мы услышали, как она побежала к злодею. — Поклянись, негодяй, поклянись своей адской любовью, что надо повернуть скорпиона!

— Да, чтобы взлететь на нашу свадьбу.

— Ага! Значит, будет взрыв!

— Будет наша свадьба, наивное дитя! Скорпион открывает бал. Но довольно! Ты не хочешь взять скорпиона? Тогда я беру кузнечика.

— Эрик!

— Довольно!

Я присоединил свои крики к мольбам Кристины. Виконт де Шаньи, на коленях, продолжал молиться.

— Эрик! Я повернула скорпиона!

Ах, какое страшное мгновение мы пережили! Какое жутко-сладостное ожидание того, что сейчас мы превратимся в пыль, в прах, в ничто посреди грохота и развалин…

Мы всем нутром ощущали, как что-то начинает трещать под нашими ногами, что-то, что могло быть началом ужаса. И в самом деле через открытый люк — черную пасть в черной ночи — доносилось угрожающее шипение, первые звуки начинающегося фейерверка…

Сначала совсем тихо, потом громче, еще громче…

Но прислушайтесь же! Прислушайтесь и держите обеими руками рвущееся из груди сердце, готовое взорваться вместе с многими представителями «рода человеческого».

Это было не шипение огня. Это был шум волн.

Скорее к люку!

Вот уже слышны булькающие звуки.

Скорее же к люку!

О, какая свежесть, какая прохлада!

Наша жажда, которая исчезла куда-то, вытесненная страхом, вернулась вместе с бульканьем воды и обрушилась на нас с новой силой.

А вода поднимается, поднимается…

Она заливает погреб, заливает бочки, все бочки с порохом. Вода! И мы спускаемся к ней навстречу: вода заплескивается нам в лицо, в рот, в воспаленную гортань…

И мы пьем… В темной погребе мы пьем воду прямо из погреба. Потом в полной темноте мы поднимаемся назад по лестнице — ступенька за ступенькой, — по которой спустились навстречу воде, поднимаемся вместе с водой.

А порох погиб! Его залила вода! И поделом! В Озерном жилище воды хватит, и если это будет продолжаться, все озеро вольется в погреб.

Мы выскочили наверх, а вода все поднималась.

Она тоже, вслед за нами, вышла из погреба и теперь разливалась по полу. Если это будет продолжаться, затопит весь дом на озере. Пол зеркальной комнаты на наших глазах превращался в настоящее маленькое озеро, в котором беспомощно скользили наши ноги. Как много воды! Надо, чтобы Эрик закрыл кран. Эрик! Эрик! Для пороха воды уже достаточно! Поверни кран! Закрой скорпиона!

Но Эрик не отвечал. Больше ничего не было слышно — только глухое клокотание поднимающейся воды, которая уже доходила нам до колен.

— Кристина! Кристина! Вода поднимается! Мы уже по колено в воде! — кричал виконт.

Но Кристина не отвечала. Слышно было только глухое клокотание поднимающейся воды.

Ничего и никого в соседней комнате… Некому больше повернуть кран. Некому закрыть скорпиона!

Мы совсем одни, в темноте, вместе с водой, которая обнимает нас своими ледяными руками. Эрик! Эрик! Кристина! Кристина!

Вот мы уже не можем достать ногами дна и кружимся в воде, вовлеченные в непреодолимое вращение, и вода кружится вместе с нами, и мы ударяемся о черные зеркала, которые отбрасывают нас. Из наших ртов, поднятых над водоворотом, несется крик…

Неужели мы вот так и умрем здесь? Утонем в «комнате пыток»? Такого я еще не видел. Эрик в пору «сладостных ночей Мазендарана» ни разу не показывал мне через маленькое окошко такого зрелища. Эрик! Эрик! Я спас тебе жизнь! Ты был приговорен… Ты должен был умереть. Я открыл тебе двери в жизнь! Эрик!

И мы, как обломки корабля, кружимся в воде.

Неожиданно мои руки ухватились за ствол железного дерева; я зову виконта, и вот мы оба висим на железной ветке.

А вода продолжает подниматься.

Но попробуйте вспомнить, сколько места между веткой железного дерева и сводчатым потолком зеркальной комнаты… Попробуем вспомнить! В конце концов, вода ведь может перестать подниматься. Она обязательно перестанет. Вот мне уже кажется, что она прекратила. Да нет, просто показалось… О ужас! Надо плыть! Наши руки переплетаются в воде, мы задыхаемся… мы боремся с черным потоком. Нам уже трудно вдыхать черный воздух поверх черной воды. Воздух ускользает, и мы слышим, как он ускользает над нашими головами через какой-то вентиляционный люк. Мы кружимся и кружимся; мы будем кружиться до тех пор, пока не уткнемся в отверстие для воздуха, и тогда прильнем губами к этому отверстию… Но силы

оставляют меня, я пытаюсь уцепиться за стены. Какие они скользкие! Мы все кружимся и кружимся… Потом погружаемся в воду. Еще одно усилие! Последний крик: Эрик! Кристина! Буль, буль, буль, — слышится в ушах. Буль, буль, буль… Мы беспомощно барахтаемся в черной воде, и у нас в ушах звенит: Буль! Буль! А перед тем как окончательно потерять сознание, я слышу далекое: «Бочки! Бочки! Вы продаете бочки?..»

XXVII
Конец любви призрака

На этом заканчиваются записки, которые оставил мне Перс.

Несмотря на весь ужас положения, несмотря на неминуемую смерть, виконт де Шаньи и его спутник были спасены благодаря жертве, которую принесла Кристина Даэ. И я предоставляю закончить этот рассказ самому Персу, бывшему начальнику полиции в Тегеране.

Когда я встретился с ним, он по-прежнему жил в своей маленькой квартирке на улице Риволи, напротив сада Тюильри. Он был очень болен, и потребовался весь мой пыл репортера-историка, служителя истины, чтобы уговорить его еще раз, вместе со мной, пережить невероятную драму.

Служил ему все тот же старый верный Дариус, который и провел меня к нему. Дарога принял меня около окна, выходившего в сад, сидя в большом кресле; он все время пытался выпрямить торс, некогда, вероятно, очень красивый. Глаза его были по-прежнему прекрасны и выразительны, но лицо казалось измученным и усталым. Его голова, которую обычно покрывала каракулевая шапка, была обрита наголо; руки, выглядывавшие из широких рукавов просторного халата, пребывали в постоянном движении. Однако разум его оставался ясным.

Воспоминания о некоторых эпизодах из прошлого вызывали у него нервную дрожь, и я должен был по кусочкам вытягивать из него удивительный рассказ об окончании этой необычной истории. Иногда приходилось долго просить его ответить на мои вопросы, а иногда, вдохновленный воспоминаниями, он безостановочно рисовал передо мной, с захватывающими подробностями, страшный образ Эрика и те ужасные часы, которые он вместе с виконтом де Шаньи провел в подземном жилище на озере.

Надо было видеть его волнение, когда он описывал свое пробуждение в тревожном полумраке комнаты в стиле Луи-Филиппа после потопа в зеркальном зале.

И я предлагаю вам окончание истории, записанной с его слов.

Открыв глаза, дарога увидел, что лежит на кровати. Виконт лежал на диване, рядом с зеркальным шкафом. Над ними поочередно склонялись двое: ангел и дьявол.

После миражей в «комнате пыток» явственность обыденных деталей этой небольшой уютной комнаты казалась нарочно придуманной для того, чтобы окончательно свести несчастных пленников с ума и бросить их в новый, уже настоящий, не иллюзорный кошмар. Кровать, напоминающая лодку, натертые воском стулья красного дерева, старенький комод с медными ручками, кружевные салфеточки, аккуратно приколотые к спинкам кресел, настенные часы и камин, на котором по углам стояли маленькие, такие безобидные на вид шкатулки, наконец, этажерка, уставленная раковинами, красными подушечками для булавок, корабликами из перламутра и увенчанная огромным страусиным яйцом — вся эта обстановка, преисполненная трогательного безвкусия, такого мирного и уютного в глубоких подземельях Оперы, неназойливо освещалась лампой под абажуром, стоявшей на круглом столике, и в чем-то разочаровывала воображение после всех прошлых фантасмагорий.

Фигура человека в черной маске среди этого скромного и чистенького убранства казалась еще более чудовищной и нелепой.

Человек в маске склонился к самому лицу Перса и тихо сказал:

— Тебе лучше, дарога? Ты смотришь на мою мебель? Это все, что осталось мне от моей бедной матери…

Он добавил еще какие-то слова, которые Перс уже забыл, но — и это казалось ему довольно странным — он точно помнил, что в этой непритязательной комнате в стиле Луи-Филиппа разговаривал только Эрик. Кристина Даэ не произнесла ни слова; она передвигалась в тесном пространстве комнаты бесшумно, как сестра милосердия, давшая обет молчания. Она подносила то сердечное лекарство в чашечке, то дымящийся чай. Человек в маске принимал их у нее и протягивал Персу.

Виконт де Шаньи спал.

Плеснув рома в чашечку с чаем, приготовленным для Перса, и указывая на спящего виконта, Эрик сказал:

— Он пришел в себя задолго до того, как мы поняли, что ты будешь жить, дарога. С ним все в порядке. Он спит. Не надо будить его.

В какой-то момент Эрик вышел из комнаты, и Перс, приподнявшись на локте, огляделся вокруг. Рядом с камином он увидел белый силуэт Кристины Даэ. Он заговорил с ней, но был настолько слаб, что не услышал собственного голоса и снова откинулся на подушку. Кристина подошла к нему, положила ладонь на его горячий лоб, потом отошла. Перс хорошо помнил, что, отходя от него, она даже не взглянула на лежавшего рядом виконта, который продолжал спокойно спать, и опять села в свое кресло, рядом с камином, безмолвная, как сестра милосердия, давшая обет молчания…

Эрик вернулся с маленьким флаконом, который поставил на камин. И очень тихо, чтобы не разбудить спящего, сказал Персу, усаживаясь у его изголовья и щупая ему пульс:

— Теперь вы спасены. Скоро я отведу вас на землю, чтобы доставить удовольствие моей жене.

При этом он поднялся и исчез снова без дальнейших объяснений.

Тогда Перс посмотрел на безмятежный профиль Кристины, освещенный лампой. Она читала небольшого формата книжку с золотым обрезом, какой бывает у религиозных изданий. Обычно такие книги выпускает издательство «Имитасьон». У Перса все еще звучал в ушах спокойный голос Эрика: «… чтобы доставить удовольствие моей жене».

Дарога снова тихо позвал девушку, но она, видимо, увлеклась чтением и не услышала.

Вернулся Эрик. Он напоил Перса какой-то микстурой и порекомендовал больше не обращаться к его «жене» и вообще ни к кому из присутствующих, потому что это опасно для его здоровья.

После этого Перс откинулся на подушки и видел только черную тень Эрика и белый силуэт Кристины, которые молча передвигались по комнате и время от времени наклонялись над виконтом. Перс был еще очень слаб, и при малейшем звуке, даже при скрипе дверцы зеркального шкафа, у него начинала болеть голова. Потом он заснул, последовав примеру виконта де Шаньи.

Проснулся он уже у себя дома в присутствии верного Дариуса, и слуга рассказал ему, что прошлой ночью его нашли у дверей квартиры, куда его, должно быть, доставил какой-то неизвестный, позвонивший в дверь, прежде чем уйти.

Как только дарога окреп, он послал осведомиться о виконте в дом графа Филиппа.

Ему ответили, что юноша не появлялся и что граф Филипп умер. Его тело обнаружили на берегу подземного озера в подвалах Оперы, неподалеку от улицы Скриба. Перс вспомнил траурную мессу, которую слышал за стеной зеркальной комнаты, и у него исчезли все сомнения по поводу этого преступления и преступника его совершившего. Зная Эрика, он без труда восстановил подробности трагедии. Филипп подумал, что Кристину Даэ похитил его брат, и устремился следом за ним по дороге на Брюссель, где, как он знал, все было подготовлено для бегства. Не догнав беглецов, он немедленно вернулся в Оперу, вспомнил странные слова Рауля о фантастическом сопернике, узнал, что виконт не один раз пытался проникнуть в подземелья

театра и, наконец, что он исчез, оставив свою шляпу в артистической уборной певицы, рядом с пустой коробкой из-под пистолетов. Тогда встревоженный граф, не сомневаясь более в безумстве брата, тоже бросился в этот адский подземный лабиринт. А через некоторое время его труп нашли на берегу озера, где его погубил сладкий голос «сирены» Эрика, верной, неусыпной консьержки озера мертвых.

После этого Перс больше не колебался. Потрясенный новым преступлением, он не мог не попытаться разузнать о дальнейшей судьбе виконта и Кристины Даэ и решился пойти в полицию.

Расследование дела было поручено следователю Фору. Можно себе представить, как воспринял показания Перса этот скептический, поверхностный и недалекий ум (я знаю, что говорю!). Словом, Перса посчитали за сумасшедшего.

Тогда он, столкнувшись с глухой стеной непонимания, взялся за перо. Поскольку в полиции не захотели его выслушать, может быть, ему поверят читатели. Вот так однажды он поставил последнюю точку в рассказе, который я привел выше без изменений. Это было в тот вечер, когда Дариус сообщил, что пришел неизвестный человек, не назвавший своего имени, лицо которого скрыто под маской и который сказал, что не уйдет, пока не поговорит с хозяином.

Перс сразу понял, кто этот странный посетитель, и приказал немедленно впустить его.

Дарога не ошибся.

Это был призрак!

Это был Эрик!

Он выглядел до крайности истощенным и держался за стену, будто боялся упасть. Сняв шляпу, он открыл высокий лоб восковой бледности. Остальная часть лица была закрыта маской.

Перс поднялся навстречу гостю.

— Убийца графа Филиппа, что ты сделал с его братом и с Кристиной Даэ? — сурово спросил он.

При этом ужасном обвинении Эрик пошатнулся и несколько мгновений молчал, потом, добравшись до кресла, рухнул в него и глубоко вздохнул. Он начал говорить — короткими фразами, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дыхание:

— Дарога, не напоминай мне о графе Филиппе. Он был уже мертв, когда я вышел из дома… Он был уже мертв, когда запела «сирена». Это несчастный случай, печальный и прискорбный случай. Он упал, по неловкости и неопытности, в воду… упал сам.

— Ты лжешь! — закричал Перс.

Тогда Эрик склонил голову и сказал:

— Я пришел сюда не беседовать о графе Филиппе. Я пришел сказать тебе, что… умираю.

— Где Рауль де Шаньи и Кристина Даэ?

— Я умираю…

— Где Рауль де Шаньи и Кристина Даэ?

— …от любви, дарога… Да, умираю от любви… Я так любил ее! И до сих пор люблю, дарога, а от этого умирают, это я тебе говорю. Если бы ты видел, как она была прекрасна, когда позволила поцеловать себя… живую, во имя вечного спасения. В первый раз, дарога, я поцеловал женщину… Ты понимаешь: в первый раз! Да, я поцеловал ее, живую, а она была прекрасна, как мертвая!

Перс вскочил на ноги и схватил Эрика за руку.

— Скажешь ты, наконец, жива она или нет?

— Зачем ты трясешь меня? — спросил Эрик, с трудом ворочая языком. — Я тебе сказал, что это я умираю… Да, я поцеловал ее живую…

— А теперь она мертва?

— Говорю тебе, что я поцеловал ее… прямо в лоб, и она не отстранилась! Ах, это честная девушка! Что же до ее смерти, я не думаю… хотя это меня больше не касается. Нет, нет! Она не

умерла! Не дай Бог, если я узнаю, что кто-то коснулся хоть одного волоска на ее голове! Это честная и смелая девушка, которая спасла тебе жизнь, и причем, дарога, это было в тот момент, когда я не дал бы и двух су за твою шкуру. В сущности, никто тебя не звал в мой дом. Зачем ты пришел туда с тем юношей? Ты пришел за смертью? Честное слово, она молила меня за своего поклонника, а я ответил ей, что раз она повернула скорпиона, я стал, по ее собственной воле, ее женихом и что ей не нужно двух женихов, и это было справедливо; что же касается тебя, ты не существовал, ты уже не существовал для меня, потому что должен был умереть вместе со своим спутником.

Но когда вы вопили, как оглашенные, барахтаясь в воде, Кристина пришла ко мне с широко раскрытыми прекрасными голубыми глазами и поклялась вечным спасением, что согласна стать моей живой женой! А до тех пор, дарога, я видел в ее глазах только смерть, видел в ней свою мертвую жену… И тут в первый раз я увидел мою живую жену. Она говорила искренне, она поклялась вечным спасением. Она решила не убивать себя — таков был наш уговор. Через полминуты вся вода вернулась в озеро. Ты зашевелился, и я услышал от тебя первые слова, а ведь я был уверен, что ты погиб… Потом мы договорились, что я выведу вас наверх. Когда вы избавили меня от своего присутствия, я вернулся к Кристине, один.

— Что ты сделал с виконтом де Шаньи? — прервал его Перс.

— Понимаешь, я не мог вот так, просто, вывести его наверх. Он был моим заложником. Но и в доме его нельзя было оставить из-за Кристины, тогда я запер его в неплохом месте: я его просто-напросто заковал в цепи, а эликсир Мазендарана сделал его податливым, как тряпка. Я заточил его в «подземелье коммунаров», в самой пустынной части самой дальней пещеры Оперы, ниже пятого подвального этажа, там, куда никто не сует носа и откуда ничего не слышно. Я был спокоен, когда вернулся к Кристине. Она ждала меня.

В этом месте своего рассказа призрак поднялся, да так торжественно, что Перс, сидевший в кресле, тоже невольно встал, повторяя движения гостя и чувствуя, что невозможно сидеть в столь торжественный момент, и даже — Перс сам сказал мне это — снял свою каракулевую шапку.

— Да, она ждала меня, — продолжал Эрик, который снова начал дрожать, как лист, но теперь уже от волнения. — Она ждала меня, ждала живая, как настоящая живая невеста, поклявшаяся вечным спасением. А когда я приблизился, робкий, как ребенок, она не отстранилась… Нет, нет, она осталась… она ждала меня. Мне даже показалось, дарога, что она немного — о, совсем немного! — как настоящая живая невеста, подставила мне свой лоб. Ах, как это замечательно, дарога, целовать кого-нибудь! Тебе этого не понять, а я это знаю. Моя мать, дарога, моя бедная несчастная мать не хотела, чтобы я целовал ее. Она сразу уходила и бросала мне мою маску. Ни одна женщина! Никогда! Никогда не целовала меня! Ха! Ха! Ха! И от такого счастья, от такого великого счастья я заплакал. Обливаясь слезами, я упал к ее ногам. Я целовал ее ноги, ее маленькие ноги, и плакал… Ты тоже плачешь, дарога? И она тоже плакала… Этот ангел плакал...

Эрик рыдал, рассказывая об этом, и Перс действительно не мог сдержать слез перед этим человеком в маске, который, содрогаясь всем телом, прижимая руки к груди, выл от боли и нежности.

— Дарога, я чувствовал ее слезы на моем лбу. На моем! На моем лбу! Они были горячие… они были сладкие. Они лились за мою маску, ее слезы! Они смешивались с моими слезами, попадали в мои глаза… Они попадали мне в рот. Ах, эти слезы! Слушай, дарога, слушай, что я сделал… Я сорвал свою маску, чтобы выпить каждую ее слезинку. И она не убежала! И она не умерла! Она осталась жива и плакала надо мной… вместе со мной! Мы плакали вместе. О Господи! Ты дал мне все счастье, какое только возможно в этом мире!

И Эрик с хриплым стоном упал в кресло.

— Я еще не хочу умирать… Не так сразу… Дай мне поплакать, — добавил он.

Спустя минуту человек в маске продолжил свой рассказ:

— Слушай, дарога, слушай внимательно. Когда я лежал у ее ног, она сказала: «Бедный, несчастный Эрик!» И взяла меня за руку! А я — ты понимаешь? — я был только жалким псом, готовым умереть ради нее… Вот как это было, дарога!

Представь себе, у меня в руке было кольцо, золотое кольцо, которое я ей когда-то подарил, которое она потом потеряла, а я нашел… обручальное кольцо! Я вложил его ей ручку и сказал: «Возьми его! Возьми ради меня… и ради него. Это мой свадебный подарок, подарок бедного, несчастного Эрика. Я знаю, что ты любишь этого юношу… перестань плакать». Она тихо спросила меня, что это значит. Тогда я сказал, и она сразу все поняла — она поняла, что я всего лишь жалкий пес, готовый умереть для нее, а она… она может выйти замуж за того юношу, когда захочет, только потому, что она плакала вместе со мной. Ах, дарога, ты ведь понимаешь, что, когда я говорил ей это, сердце мое разрывалось на куски, но она плакала вместе со мной, и она сказала: «Бедный, несчастный Эрик!»

Волнение Эрика достигло предела, и ему пришлось предупредить Перса, чтобы тот не смотрел на него, потому что он задыхается и должен снять маску. Перс подошел к окну, широко открыл его, и, преисполненный жалости, старался смотреть на верхушки деревьев в саду Тюильри, чтобы не встречаться взглядом с Эриком.

— Я пошел за юношей, — продолжал Эрик, — и привел его к Кристине. Они поцеловались при мне в комнате Луи-Филиппа. На руке у Кристины было мое кольцо. Я заставил ее поклясться, что, когда я умру, она придет ночью в мой дом со стороны улицы Скриба и тайком похоронит меня, положив мне на грудь это золотое кольцо, которое будет носить до той минуты; я сказал, как найти мой труп и что надо сделать. Тогда Кристина поцеловала меня вот сюда, в лоб — не смотри на меня, дарога! — прямо в лоб, и они ушли вместе… Кристина больше не плакала, я плакал один. И если Кристина не забыла свою клятву, она скоро придет.

Эрик замолчал. Перс не задал ему больше ни одного вопроса. Теперь он был спокоен за судьбу Рауля де Шаньи и Кристины Даэ. И ни один представитель «рода человеческого» не должен был отныне бояться мести призрака, который только что плакал перед ним.

Потом Эрик надел маску и, собравшись с силами, поднялся. И еще добавил, что, как только почувствует приближение смерти, он пришлет Персу, чтобы отблагодарить его за все, что тот сделал для него когда-то, самое дорогое, что у него есть: все записки, которые Кристина написала для Рауля в те дни и оставила ему, а также некоторые принадлежавшие ей безделушки — два носовых платка, пару перчаток и пряжку от туфельки. На вопрос Перса Эрик ответил, что, как только молодые люди обрели свободу, они решили найти священника где-нибудь далеко в глуши, где они могли бы укрыть свое счастье, и отправились на Северный вокзал. Наконец Эрик попросил Перса, когда тот получит обещанные реликвии и бумаги, сообщить о его смерти молодоженам. Для этого он должен будет оплатить одну строчку в рубрике некрологов в газете «Эпок».

На этом они распрощались.

Перс проводил Эрика до дверей своей квартиры, а Дариус помог ему сойти на тротуар, где ждал фиакр. Эрик сел в него, и подошедший к окну Перс услышал, как он сказал кучеру: «На площадь Оперы!»

И фиакр исчез в ночи. Так Перс в последний раз видел бедного, несчастного Эрика.

Три недели спустя в газете «Эпок» появилось следующее траурное объявление:

«Эрик скончался».

ЭПИЛОГ

Такова невыдуманная история Призрака Оперы. Как я писал в самом начале, теперь уже нельзя сомневаться в том, что Эрик действительно существовал. Слишком много доказательств имеется в нашем распоряжении, чтобы не признать, что за драмой семейства де Шаньи стоит фигура Эрика.

Не стоит повторять, что дело это взволновало в свое время всю столицу. Похищение певицы, смерть графа де Шаньи при исключительно неясных обстоятельствах, исчезновение его брата и необычная служебная небрежность троих осветителей театра, заснувших странным, загадочным сном! Какие драмы, какие страсти и преступления разыгрались вокруг идиллической любви благородного виконта де Шаньи и прелестной нежной Кристины Даэ! Что стало с прекрасной загадочной певицей, о которой с тех пор никто никогда больше не слышал? Ее представили как жертву соперничества двух братьев, и никто так и не узнал, что же произошло на самом деле. Никому не пришло в голову, что, поскольку Рауль и Кристина исчезли одновременно, они могли просто-напросто удалиться от мира, чтобы в уединении наслаждаться своим счастьем, чтобы скрыть его от людей после необъяснимой смерти графа Филиппа… В один прекрасный день они сели в поезд на Северном вокзале. Когда-нибудь, может быть, и я сяду в поезд на том вокзале и отправлюсь к твоим берегам, Норвегия, в твои края, безмятежная Скандинавия, искать, если они еще сохранились, следы Рауля и Кристины, а также матушки Валериус, которая исчезла примерно в то же время. Возможно, когда-нибудь я своими собственными ушами услышу одинокое эхо Севера, повторяющее песню той, что знала ангела музыки.

Уже после того, как неуклюжими стараниями следователя Фора дело было закончено, пресса время от времени пыталась проникнуть в тайну и продолжала задаваться вопросом, какая же жестокая рука подготовила и осуществила столько неслыханных злодейств.

Только одна бульварная газетка, бывшая в курсе всех закулисных интриг и сплетен, написала: «Это рука Призрака Оперы». Естественно, это было сказано в ироническом тоне.

Один лишь Перс, которого не захотели слушать и который после визита Эрика не делал больше попыток обратиться к правосудию, знал всю правду.

Он хранил главные доказательства, переданные ему Эриком вместе с трогательными реликвиями.

А мне предстояло собрать недостающие доказательства с помощью самого Перса. Изо дня в день я знакомил его со своими поисками, и он направлял их. Он уже несколько лет не возвращался в Оперу, но сохранил об этом величественном сооружении подробнейшие воспоминания, и не было лучшего проводника по самым потаенным его уголкам. Он же назвал мне имена людей, с которыми я мог поговорить; он натолкнул меня на мысль постучаться в дверь господина Полиньи в тот момент, когда бедняга был почти при смерти. Я не был с ним знаком близко и никогда не забуду впечатления, которое произвели на него мои вопросы насчет призрака. Он посмотрел на меня так, будто перед ним был сам дьявол, и ответил лишь несколькими бессвязными фразами, которые, впрочем, лишний раз подтверждали — и это самое главное, — какое смятение в свое время внес в его и без того хлопотную жизнь Призрак Оперы.

Когда я сообщил Персу скупые результаты своего визита к Полиньи, дарога загадочно улыбнулся и сказал:

— Полиньи так и не узнал, как этот гениальный негодяй Эрик (Перс говорил об Эрике то как о боге, то как о мерзком злоде) управлял им. Полиньи был суеверен, и Эрик знал об этом. Эрик вообще многое знал об общественных и личных делах служащих Оперы. Когда господин Полиньи услышал в ложе № 5 таинственный голос, который рассказал ему почти всю его биографию и описал его отношения с коллегой, он сразу сдался. Пораженный голосом, идущим откуда-то с неба, он посчитал себя проклятым, а потом, когда этот голос потребовал у

него денег, понял, что стал игрушкой в руках отъявленного шантажиста, жертвой которого оказался и его коллега Дебьен. Они оба, утомившись по многим причинам от директорства, ушли в отставку, даже не попытавшись узнать личность этого загадочного «П. О.», который передал им тот странный перечень их обязанностей. Они ознакомили с этой тайной своих преемников и при этом с облегчением вздохнули, избавившись наконец от истории, сильно их заинтриговавшей, но оказавшейся совсем не смешной.

Так выразился Перс насчет господ Дебьена и Полиньи. В этой связи я спросил его об их преемниках, удивляясь, что в «Мемуарах» господина Моншармена так подробно говорится обо всем, что связано с призраком, в первой части, и ничего, или почти ничего, не говорится во второй. На что Перс, знавший эти «Мемуары» так, будто сам написал их, заметил мне, что объяснение этому можно найти, если внимательно прочесть строки, которые Моншармен посвятил призраку во второй части. Вот эти строки, которые больше всего нас интересуют, так как в них просто и ясно объясняется известная нам история с двадцатью тысячами франков:

«По поводу "П. О." (это пишет Моншармен), о котором в начале «Мемуаров» я изложил довольно странные и фантастические факты, я добавлю только одно: мистификатор очень благородным жестом вознаградил нас за все неприятности, причиненные мне и моему уважаемому коллеге. Должно быть, он решил, что есть предел любой шутке, особенно когда она обходится так дорого и когда на сцене появляется комиссар полиции; и вот через несколько дней после исчезновения Кристины Даэ, в ту самую минуту, когда мы назначили в нашем кабинете встречу господину Мифруа, чтобы рассказать ему обо всем, мы нашли на письменном столе господина Ришара, в красивом конверте, на котором красными чернилами было написано: "От П. О.", ту солидную сумму денег, которая перед этим была вытянута под видом шутки из директорской кассы. Ришар тотчас предложил покончить с этим делом и забыть о нем. Я согласился с мнением Ришара, ибо, как говорится, «хорошо то, что хорошо кончается». Не правда ли, мой дорогой "П. О."?»

Очевидно, Моншармен, особенно после возврата денег, продолжал считать, что какое-то время был игрушкой буйного воображения Ришара, а Ришар, со своей стороны, не переставал думать, что историю с «П. О.» выдумал Моншармен в отместку за какие-нибудь шуточки.

Настал момент спросить Перса, каким способом призрак забрал двадцать тысяч франков из кармана Ришара, несмотря на английскую булавку. Тот ответил, что не вникал в этот второстепенный факт, но что, если бы я обследовал то место в директорском кабинете, я бы, конечно, нашел ключ к разгадке, и напомнил, что Эрика не напрасно называли «любителем люков». Я обещал Персу, как только найду время, провести тщательное расследование этого случая. Читателю же хочу сразу сообщить, что результаты моего расследования оказались в высшей степени удовлетворительными. Я и не надеялся найти столько неопровержимых доказательств реальности многих событий и фактов, ответственность за которые приписывали призраку.

Да будет вам известно, что бумаги Перса, письма Кристины Даэ, записи, которые я сделал со слов бывших сотрудников Ришара и Моншармена, малышки Мэг (добрейшая мадам Жири к тому времени, увы, скончалась) и Сорелли, живущей ныне на свою пенсию в Лувесьене, — одним словом, все, что доказывает существование призрака, все, что я собираюсь сдать в архивы Оперы, основано на нескольких важных открытиях, которыми я с полным правом могу гордиться.

Однако я так и не смог отыскать дом на озере, поскольку Эрик уничтожил все тайные проходы к нему (хотя я убежден, что проникнуть туда было бы нетрудно, если откачать воду, о чем я неоднократно говорил с руководством Министерства изящных искусств)[33], правда, я все-

[33] За два дня до выхода этой книги я разговаривал с господином Дюжарден-Бомецем, обаятельнейшим заместителем министра изящных искусств, который дал мне кое-какую надежду, и сказал ему, что долг государства — навсегда покончить с легендой о призраке, чтобы на реальных фактах восстановить любопытную историю Эрика. Для этого необходимо — и это было бы венцом моих личных усилий — отыскать дом Озерное жилище, где

таки нашел легендарную «дорогу коммунаров» — мрачный коридор с обвалившимися в некоторых местах дощатыми стенами, более того — я обнаружил люк, через который Перс и Рауль спускались в подземелья театра. В «подземелье коммунаров» я нашел много инициалов, нацарапанных на стенах несчастными, которые здесь томились, и среди них буквы «Р. Ш.». Ведь это могло означать «Рауль де Шаньи»! И сегодня буквы эти еще хорошо видны. Разумеется, на этом я не остановился. В первом и третьем подвалах я нашел два вращающихся люка, не известных рабочим сцены, которые используют только люки с горизонтальным скольжением.

Наконец, с полным знанием дела я могу посоветовать читателю: «Пойдите в Оперу, попросите позволения походить там в одиночестве, без назойливого проводника, войдите в ложу № 5 и постучите по огромной колонне, которая отделяет ее от авансцены; постучите тросточкой или просто кулаком, послушайте звук на уровне человеческого роста, и вы убедитесь, что колонна пустая! А после этого не удивляйтесь, что в ней мог находиться голос Эрика или он сам — там хватит места для двух человек. Не удивляйтесь, что во время странных явлений в ложе № 5 никто не обращал внимания на эту колонну, не забывайте, что у нее вид массивного куска мрамора и что голос, который находился внутри, казался идущим с противоположной стороны (ведь голос призрака-чревовещателя доносился оттуда, откуда хотел он сам). Колонна обработана и украшена рукой подлинного художника. Я не теряю надежды найти когда-нибудь деталь скульптурного убранства, опуская и поднимая которую можно было обеспечить связь между призраком и мадам Жири. Конечно, то, что я увидел, потрогал и обследовал, — всего лишь мелочи по сравнению с тем, что мог создать такой незаурядный человек, как Эрик, в таком громадном здании, как Опера, но я отдал бы все находки за одну, которую мне посчастливилось обнаружить в директорском кабинете, в нескольких сантиметрах от кресла: люк шириной в одну шашечку паркета, не более предплечья человека; этот люк открывается, как крышка шкатулки, и я живо представил, как из него тянется рука и ловко орудует в заднем кармане вечернего фрака директора…

Именно таким образом исчезли сорок тысяч франков! Тем же путем они вернулись обратно.

Когда я, с вполне объяснимым волнением, рассказал об этом Персу, заметив, что Эрик, скорее всего, просто развлекался со своим перечнем обязанностей, раз он вернул директорам их сорок тысяч франков, Перс ответил так:

— Вряд ли. Эрик нуждался в деньгах. Удалившись от людей, он не особенно церемонился с ними и постоянно пользовался необычайными способностями, ловкостью и воображением, которыми одарила его природа в качестве компенсации за ужасное уродство; пользовался для того, чтобы эксплуатировать людей, причем делал это с артистическим блеском, тем более, что эта артистичность всегда окупалась. Если он добровольно вернул сорок тысяч франков Ришару и Моншармену, так только потому, что к тому времени деньги ему уже были не нужны. Он отказался от женитьбы на Кристине Даэ. Он отказался от всего земного.

Еще Перс рассказал, что Эрик был родом из маленького городка в окрестностях Руана. Он был сыном каменщика, мастера кирпичной кладки. Рано убежав из родительского дома, потому что его уродство приводило в ужас отца и мать, некоторое время он появлялся на ярмарках, где его показывали как «живого мертвеца». От ярмарки к ярмарке он прошел всю Европу и завершил свое необычное обучение ремеслу артиста и фокусника среди цыган, в той среде, где когда-то родилось искусство магии. Целый кусок жизни Эрика остался неизвестным. Потом его видели на нижегородской ярмарке, где уже гремела его жуткая слава. К тому времени он пел так, как не пел никто в мире; он занимался чревовещанием и проделывал такие невиданные

еще могут находиться бесценные сокровища музыкального искусства. Нет никаких сомнений в том, что Эрик был несравненным музыкантом, и кто поручится, что мы не обнаружим в его доме знаменитую партитуру «Торжествующего Дон Жуана»?

жонглерские номера, о которых долго еще говорили купцы в караванах на обратном пути в Азию. Таким образом слухи и легенды о нем достигли стен Мазендаранского дворца, где скучала маленькая султанша, фаворитка шахиншаха. Один торговец мехами, который направлялся в Самарканд из Нижнего Новгорода, рассказал о чудесах, увиденных им под пологом шатра Эрика. Торговца привели во дворец, его допросил дарога, начальник полиции Мазендарана. Потом дарога получил задание найти Эрика. Он привез его в Персию, и там в течение многих месяцев Эрик делал, как говорят в Европе, погоду. Он совершил немало страшных преступлений, так как не ведал ни добра, ни зла; он участвовал в нескольких дерзких политических убийствах так же спокойно и хладнокровно, с такой же дьявольской изобретательностью, с какой в свое время умертвил эмира Афганистана, воевавшего с Империей. Шахиншах приблизил его к себе. Именно на этот период его жизни приходятся «сладостные ночи Мазендарана», о которых упоминал дарога. Поскольку и в архитектуре у Эрика были совершенно оригинальные идеи и он проектировал здание так же, как фокусник придумывает себе шкатулку с секретами, шахиншах поручил ему построить дворец, какого нет нигде в мире. Эрик построил его, и это сооружение, как рассказывают, было настолько удивительным, что Его Величество мог прогуливаться по нему, оставаясь незамеченным, и исчезать самым загадочным образом. Когда шахиншах стал владельцем такой игрушки, он приказал — точно так же, как это сделал один царь с гениальным строителем храма на Красной площади в Москве — выколоть Эрику его золотистые глаза. Но, подумав, решил, что, даже слепой, Эрик может построить для другого государя такой же великолепный дворец и что живой Эрик может передать кому-нибудь свой секрет. Так был вынесен смертный приговор Эрику, а с ним вместе всем рабочим, которые трудились под его началом. Привести приговор в исполнение поручили дароге. Когда-то Эрик оказал ему не одну услугу, поэтому Перс спас обреченного и дал ему возможность бежать, но за такое благородство должен был поплатиться головой. К счастью для начальника полиции, на берегу Каспийского моря был найден труп, наполовину изъеденный морскими рыбами, который выдали за Эрика, потому что друзья дароги переодели найденное тело в одежду приговоренного к смерти. И все-таки дарога поплатился за свой поступок потерей доверия, имущества и ссылкой, правда, он происходил из царского рода, и персидская казна продолжала выплачивать ему небольшую пенсию в несколько сот франков в месяц, когда он удалился доживать остаток дней в Париж.

Что касается Эрика, он уехал в Малую Азию, потом добрался до Константинополя, где поступил на службу к султану. Читателю будет ясно, какого рода услуги оказывал Эрик султану, когда я скажу, что он соорудил все знаменитые люки-ловушки, тайные комнаты и волшебные сейфы, которые нашли в Юлдуз-Киоске после последней турецкой революции. У него же хватило воображения сделать куклы-автоматы, одетые в одежду принца и настолько похожие на него, что их принимали за главу правоверных и думали, что их повелитель находится в одном месте, между тем как он сам в это время отдыхал в другом[34].

Разумеется, ему пришлось оставить службу у султана по тем же причинам, по которым он бежал из Персии: он слишком много знал. Тогда, устав от своей полной приключений, преступлений и ужасов жизни, он захотел сделаться таким же, как все люди. И он стал подрядчиком, обычным строителем, который строит обычные дома из обычного кирпича. Он выполнил кое-какие работы для фундамента Оперы в Париже. Громадные подземелья театра поразили его воображение, и его артистическая и авантюрная натура, постоянно жаждавшая чего-то фантастического и магического, взяла верх. Кроме того, он по-прежнему был уродлив и возмечтал устроить себе тайное подземное жилище, где он будет надежно скрыт от людских глаз.

[34] Из интервью Мохамед-Али-бея, взятого специальным корреспондентом газеты «Матен» на следующий день после вступления салоникских войск в Константинополь.

Продолжение нам известно. Оно описано в этой невероятной и однако же невыдуманной истории. Бедный, несчастный Эрик! Жалеть его или проклинать? Ведь он только хотел жить, как все люди, но был для этого слишком безобразен. Ему приходилось скрывать свой гений или обращать его в трюкачество, между тем как, имея нормальное человеческое лицо, он мог бы стать одним из самых благородных представителей рода человеческого! Его сердце могло вместить в себя целую империю — и в конце концов довольствовалось пещерой. Конечно же, Призрак Оперы достоин жалости.

Несмотря на все его преступления, я просил Бога, чтобы Он пожалел его и простил. Почему Он создал такого урода?

Я был убежден, убежден абсолютно, что молился именно над его трупом, вытащенным из-под земли в том самом месте, где закапывали для потомства «живые голоса» (записанные на фонографе); это был его скелет. Узнал я его не по уродливой голове, потому что все давно умершие одинаково уродливы, а по золотому кольцу, которое было при нем и которое Кристина Даэ, как и обещала, надела ему на палец, прежде чем похоронить.

Скелет нашли совсем рядом с маленьким фонтаном, там, где в первый раз «ангел музыки» держал в своих дрожащих руках бесчувственную Кристину, когда заманил ее в подземелья театра.

А что теперь делать с этим скелетом?

Нельзя же бросить его в безымянную братскую могилу… Я думаю об этом так: место скелета Призрака Оперы — в архивах Национальной академии музыки, ведь это необычный скелет.